1917-1987

ЗНАНИЕ-СИЛА 11/87

ISSN 0130-1640

70 лет Великого Октября

Великая Октябрьская социалистическая революция, возвестившая начало новой эры в жизни человечества, стала самым выдающимся событием XX века. Минувшие десятилетия раскрыли ее непреходящее значение, обозначили гигантские перспективы общественного прогресса на путях социалистического развития.

70 лет — череда памятных вех. Великий Октябрь, приступ к переустройству жизни на новых, социалистических основаниях, гражданская война, восстановление народного хозяйства после разрухи, эпоха индустриализации, суровая пора Великой Отечественной войны, создание могучей современной промышленности, высокий подъем науки и культуры, а вместе с тем дорогая цена, заплаченная за отступление от ленинских принципов, за нарушение социалистической законности и демократических норм жизни, застойные явления на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов. Непростой путь прошла страна за эти десятилетия. На ее долю выпали все трудности и испытания, какие ждут первопроходцев на дорогах истории. Многие годы приходилось работать с крайним напряжением сил, отказывая себе в самом необходимом. Но страна выстояла, ее не согнули и не сломили.

Впечатляюща картина достигнутого за десятилетия социалистического строительства. Но время бросает новый вызов. Жизнь ставит новые задачи: перестройка, ускорение, интенсификация народного хозяйства, всестороннее развитие демократизма, неуклонное гуманистическое развитие общества.

В этом юбилейном номере журнал представляет читателям размышления ученых о пройденном страною пути и ее сегодняшнем дне, знакомит с поисками историков, исследующих героические, поворотные для судеб человечества события осени 1917 года, рассказывает о проблемах, общественное осознание которых необходимо для успешного решения актуальных проблем перестройки.

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/87

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Орган ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 11 (725)
Издается с 1926 года

© «Знание — сила», 1987 г.

На обложке — плакат художника Ю. Бонди, созданный в 1920 году. Советское искусство плаката, начало которому было положено выдающимися графиками сразу же после победы Октября, стало сейчас одним из важнейших исторических источников. В сочетании с документальными фотографиями плакаты составили основу оформления этого номера.

История — живая страница современности. Не померкнут имена героев Октября, эпизоды народной борьбы в эпоху революции, которая открыла путь ко всему, что у нас есть, создала предпосылки для всего, что предстоит сделать в преобразовании страны. Снова и снова всматриваемся мы в события тех дней. «Товарищи! — обращался Ленин к членам ЦК партии большевиков.— Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно». Почему так велика была тревога вождя за судьбы революции? Опираясь на исследование новых документов, историк рассказывает о событиях сентября — октября 1917 года, о растущем накале противостояния сил революции и контрреволюции. Мы публикуем три малоизвестных портрета Владимира Ильича Ленина, созданных 25 октября 1917 года,— два из них впервые появляются в печати; помещаем хронику Великого Октября в Петрограде и Москве, рассказ участника революционных событий в Сибири о том, как победил Октябрь в этой части нашей страны.

В. Поликарпов,
доктор исторических наук

«Без малейшего промедления»

История не знает другой политической партии, многолетняя целеустремленная деятельность которой увенчалась бы таким триумфом всемирно-исторического значения, каким явилась победа Октября.

Вспомним динамичные будни последних недель, предшествовавших победе революции. В стране назрел общенациональный кризис, неотвратимо приближался момент, когда решительные или, наоборот, нерешительные действия пролетарского авангарда должны были определить судьбу всего дела революционного класса, а вместе с нею и судьбу всей страны. И в то же самое время в партии дало себя знать течение, не успевшее понять, что нужно брать власть, не ожидая решения съезда Советов, немедленно и не иначе как путем вооруженного восстания. Опыт борьбы, острое чувство политической обстановки подсказали Ленину, что упустить момент, по сочетанию благоприятных для революции факторов столь редкий в истории, равносильно измене пролетарскому движению, и просчет большевиков может оказаться роковым: они навеки опозорят себя как революционеры и как партия сойдут на нет.

Анализируя соотношение классовых сил в стране и военных сил в решающих пунктах, взвешивая все «за» и «против» восстания, Ленин тогда, в последних числах сентября, пришел к единственно возможному выводу, что ждать съезда Советов (который намечался на 20 октября) значило «пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*», это значило «трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно». Расчет на решение съезда «взять власть», то есть на «назначение» восстания съездом, лишал восстание внезапности и давал контрреволюции время «ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания» собрать военные силы для его разгрома. Могло быть только одно решение: «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд», и никакой альтернативы. Ленин выработал и план восстания, в котором наряду с политической его подготовкой важнейшее место теперь занимало его техническое обеспечение и в первую очередь изучение расположения, численности и боеспособности военных сил обеих сторон.

Мало сказать о твердой уверенности Ленина в правильности сделанных выводов, он смотрел на свою позицию как на «крайнее убеждение»: упустить найденный им момент революционного действия — значит погубить революцию. Это убеждение было настолько действительно «крайним», что если этот единственно возможный и как никогда реальный путь революции не будет принят руководящим составом партии, Ленин готов был — так он и ставил вопрос — выйти из ЦК, чтобы отстаивать свою позицию «в *низах* партии и на съезде партии».

На чем же основывалась столь непреклонная, не допускавшая никаких иных решений убежденность вождя пролетариата в правильности своих выводов и требований, предъявляемых к партии? Этот вопрос пытались решать многие исследователи, принадлежащие к разным политическим направлениям. В разного рода тенденциозной литературе высказано немало версий, не выходящих, однако, из области гаданий, и в числе их — домыслы о неистовом «фанатизме», «доктринерстве», «бланкизме» и т. д. вождя пролетарской революции, о его способности лишь на практические действия при равнодушии якобы к теории, вплоть до обвинений в приверженности лишь к одному методу политической борьбы — к «короткому ночному удару маленькой, но хорошо организованной, вооруженной и централизованной кучки профессиональных революционеров», как писали уже в эмиграции выметенные Октябрем из России мелкобуржуазные поборники именно этого способа борьбы.

А Ленин ведь не делал секрета из тактических принципов большевизма, усвоившего опыт революций и научившегося готовить «неуязвимые позиции» и овладевать инициативой на решающих этапах революционного движения. Для этого нужно было только одно: чтобы

«Знание—сила» ноябрь 1987

партия революционного пролетариата при определении задач и форм своего действия руководствовалась «точно установленными, объективными фактами».

В те самые дни, когда Ленин высказал свое «крайнее убеждение» в неотложности решающего выступления (конец сентября), он обратил внимание руководящих работников партии на ряд признаков подготовляемой Временным правительством новой, второй корниловщины. «Правительство имеет войско и *систематически* готовится»,— писал он 27 сентября председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге и пояснял, в чем состоит эта подготовка: «Керенский в ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков к столковывается *деловым* образом».

Сведения о том, что Керенский, министр-председатель и верховный главнокомандующий, находился в те дни в Ставке, можно было получить из газет, но для того чтобы судить о цели его поездки в Ставку и о том, чем он там занимается, нужно было иметь острое политическое чутье и прежде всего глубоко проникнуть в суть политического положения. Еще в тезисах, написанных 10 июля, Ленин дал сжатую, выпуклую характеристику коренного изменения политического положения, происшедшего 5—9 июля, когда фактическая власть в стране перешла в руки военной клики. Тогда он так оценил объективное положение: «...либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны». Ленин указывал в дальнейшем, из кого состоит «военная клика Кавеньяков», держащая в руках государственную власть,— это Керенский, генералы и офицеры, «коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами».

Много страниц в ленинских работах отведено анализу августовского корниловского мятежа, вызвавшего в массах небывалый революционный подъем. «Корнилову номер первый», писал Ленин, не удалось довести военную диктатуру до конца, то есть до разгрома Советов, но это постарается сделать «Корнилов номер второй». Наблюдая затем за последствиями корниловщины, Ленин указывает, что «правительство Керенского все *оставляет по-старому»* и под прикрытием «революционной» демагогии *«на деле восстановляет корниловщину»*. Корнилова «номер второй» он видит в Керенском, ибо это *«корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами» — с представителями торгово-промышленного класса и верхушкой кадетской партии.

Зададимся вопросом: имел ли Ленин в конце сентября 1917 года основания утверждать, что Керенский сговаривается в Ставке с корниловскими генералами и сговаривается именно о посылке войск для подавления революции?

Перед нами — ленты переговоров по прямому проводу между Петроградом к Ставкой (Могилев) за те же самые и предшествующие им дни.

Еще 11 сентября состоялся примечательный разговор военного министра Верховского и министра иностранных дел Терещенко (Петроград) с Керенским, находившимся в Ставке. Все трое — и премьер-якобы-социалист, и генштабист-аристократ, и помещик-миллионер, по духу и должности связанный с империалистами Антанты,— очень озабочены тем, чтобы скрыть, замести те самые следы соучастия Керенского в корниловщине (в вместе с тем избежать дискредитации их правительства в глазах народных масс), которые как раз и важны для понимания истинной природы представляемой ими контрреволюции.

Верховский встревожен тем, что «позиция Керенского во время корниловского инцидента усиленно муссируется, создавая вреднейшее для государства настроение масс», и поэтому настоятельно советует Керенскому принять «...личное участие в происходящей здесь [в Петрограде] борьбе и выяснении руководящим кругам того, что было в корниловские дни». За этими словами кроются вполне обоснованные обвинения в причастности Керенского к корниловскому «инциденту», основанные на известных из печати, но не получивших вразумительного объяснения данных, в частности на том несомненном факте, что Керенский сам вызывал третий конный корпус для расправы с революционным Петроградом. Теперь же премьер выразил удивление, что именно на него, «...проведшего быструю ликвидацию эпизода, производится какое-то особое нападение».

Тут Терещенко пояснил, по каким именно «пунктам» ведется нападение, и «утешил» при этом Керенского: «Наше положение с вами идентично. Нападения ведутся на обоих, на вас, конечно, больше». «Решительное нападение на меня и вас,— отпарировал Керенский,— указывает только на то, что те же силы, которые разрушают Балтийский флот, хотят нанести окончательный удар в самом центре. Полагал бы, что правительство, в особенности военные власти, должны ни перед чем не останавливаться, прервать эту предательскую подготовку». Для лиц, участвовавших в переговорах, не требовалось пояснений, какие именно силы «разрушали» Балтийский флот, в каком «центре» и какой они хотели «нанести окончательный удар».

Начиная с Февральской революции Балтийский флот непрестанно бурлил и был постоянной угрозой для контрреволюции. Ни Керенский, ни Верховский и Терещенко не ошибались в том, что от тех сил, «которые разрушают Балтийский флот», безусловно, можно было ожидать «окончательного удара в самом центре». И корниловец Керенский теперь недвусмысленно требовал от правительства и военных властей «ни перед чем не останавливаться», лишь бы приостановить, разгромить революцию.

Московский фабрикант, миллионер А. И. Коновалов, министр торговли и промышленности, был в то же время и заместителем министра-председателя. Лента разговора Коновалова (Петроград) с генералом для поручений при верховном главнокомандующем генерал-майором Б. А. Левицким (Ставка) переносит нас в последние дни сентября, когда в Петрограде в правящих сферах шла возня в связи с формированием так называемого Совета республики (Предпарламент), который обманчивой видимостью представительного органа должен был придать провозглашенной Временным правительством Российской республике демократический якобы характер.

Что же касается статуса Предпарламента, то здесь полную ясность вносят замечания Керенского по проекту статута: «...во всяком случае, Совет [республики] не должен, хотя бы и по недоразумению, думать, что в инициативе своей он ничем не ограничен, а тем более, что здесь его компетенция шире прав Временного правительства — верховной власти в государстве до Учредительного собрания. Вторая цель моих поправок — подчеркнуть именно эту полноту власти Временного правительства и безответственность его как такового перед Советом...» Так Керенский ограждал диктаторскую власть Временного правительства от каких бы то ни было попыток («хотя бы и по недоразумению») ущемления ее со стороны создававшихся для маскарада и для обмана легковерных демократических масс «демократических» органов.

Ко времени этих разговоров произошло важное и для революции, и для контрреволюции событие: на III Областном съезде Советов Финляндии (9—12 сентября) был переизбран эсеро-меньшевистский Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии, теперь большинство в нем получили большевики (37 человек), остальные — левые эсеры (26 человек) и меньшевики-интернационалисты (2 человека); председателем был избран член ЦК РСДРП(б) И. Т. Смилга.

Съезд провозгласил борьбу за переход власти к Советам, а Областной комитет в воззвании, выпущенном 21 сентября, разоблачая антинародную политику Временного правительства, объявил недействительными его распоряжения, не подтвержденные Областным комитетом.

«Сейчас в Финляндии новое безобразие,— сообщал 29 сентября Левицкий Коновалову,— областной комитет постановил сместить комиссара (42-го армейского корпуса, штаб которого стоял в Выборге) Соколова, прислал своего комиссара из Гельсингфорса, предложил им (очевидно, комиссарам Областного комитета.— *В. П.*) немедленно занять аппарат Юза* и контролировать сношение Выборга с правительством... Агенты комитета находятся на всех станциях до Белоострова. Александр Федорович [Керенский] сказал, что необходимо ликвидировать Финляндию, несмотря ни на какие вопли, так как захват средств связи во время войны — государственное преступление, министр юстиции и главный военный прокурор должны возбудить уголовное преследование в случае захватов аппаратов Юза».

А уже 30 сентября Коновалов информирует Керенского (через Левицкого) о заседании Временного правительства, на котором была выработана идеологически удобная для обнародования мотивировка предпринимаемых действий; от Ставки же требовалась профессиональная разработка этих действий в военном отношении.

Это была программа борьбы с революцией, хорошо обдуманная министрами-капиталистами при последовательной поддержке их министрами-«социалистами». Коновалов от имени Временного правительства продиктовал Ставке ту бесспорную, как указывал Ленин, истину, что для буржуазии победа над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с «внешним врагом».

Сразу же предписывалось «идейное» прикрытие нового «прорыва на фронте классовой борьбы»: этот «прорыв» должен был именоваться публично «немедленным устранением условий, мешающих.. защите отечества от все более угрожающего врага», и этими «условиями» оказывались, по краткому выражению Керенского, «разгром Финляндии» (то есть разгром финляндского Областного комитета, вывод из Финляндии революционных войск и замена их надежными контрреволюционными войсками); разгон съезда Балтийского флота, только что заявившего во всеуслышание, что «...страна и революция находятся перед угрозой новой атаки со стороны контрреволюции, облачившейся в революционный наряд, а потому более грозной, чем корниловщина», и что ни Временному правительству, ни предпарламенту «...доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на йоту».

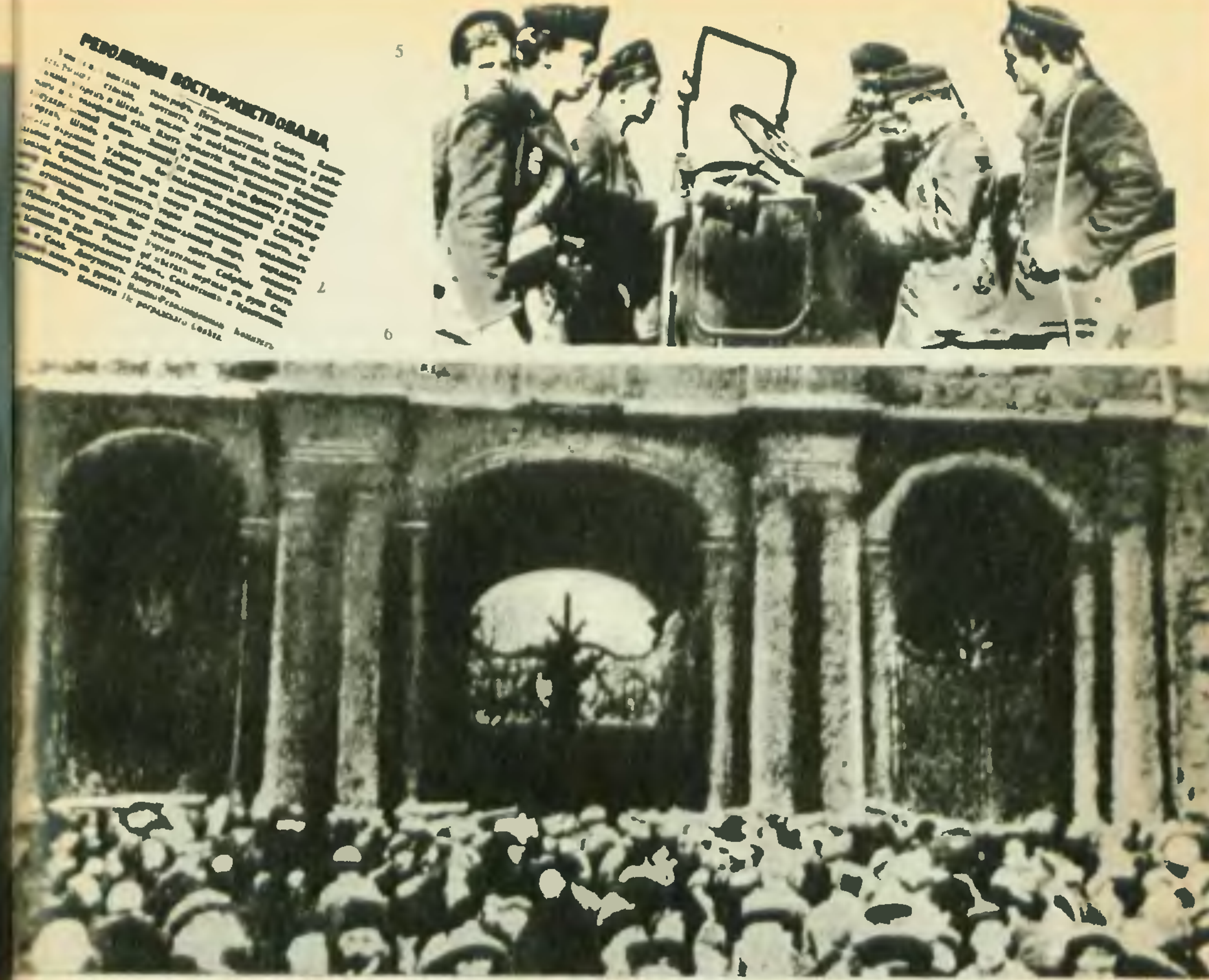
Правительство, таким образом, указывало верхам армии бросить силы не на отпор внешнему врагу, нависшему над столицей, а против «врага внутреннего», разгрому которого гибель матросов, а вместе с ними и флота, могла только способствовать. Буржуазия и ее политический штаб уже готовы были оставить и столицу, пусть бы только этот внешний враг, более сильный, чем она сама, обратился на этот раз в союзника и помог разгромить «врага внутреннего».

Пройдет неделя, в течение которой оно интенсивно подготовляло сдачу Петрограда немцам, председатель Государственной думы М. В. Родзянко с полной откровенностью поделится этими планами на сборище корниловцев в Москве (на так называемом совещании общественных деятелей). «Петроград находится в опасности,— рассуждал он.— В особом совещании по обороне я считал нужным поставить вопрос ребром: представляет ли собой занятие Петрограда окончание войны? Я думаю, бог с ним, с Петроградом». Сказав далее, что работа промышленности Петрограда «идет главным образом на флот», он «успокоил» своих слушателей: «Но со взятием Петрограда флот все равно погибнет, может быть, он даже белый флаг подымет и сражаться не будет; там есть суда, совершенно развращенные, которые боевой силы не представляют... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли».

Его слушателям было, конечно, понятно, о каких «учреждениях» идет речь: разрабатывая план эвакуации Петрограда, Временное правительство не предусматривало переезда вместе с ним в Москву «органов и учреждений демократии, в том числе ЦИК Советов», так как они «являются частными, а не государственными», а если они захотят переехать сами, то предоставлять для них помещения в Москве оно не собиралось. Иначе говоря, они должны остаться в Петрограде, и пусть их раздавит кованый германский сапог. Тем самым будет решена задача, которую ставил в августе Корнилов — довести военную диктатуру до конца, то есть до разгрома Советов, и которая на его языке отлилась в формулу: «Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не

* Телеграфный аппарат.

РЕВОЛЮЦИЯ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА.

1917 — 1987

Не померкнут имена и образы участников трех российских революций, тех, кто в октябре 1917 года сокрушил власть помещиков и капиталистов.

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

Къ Гражданамъ Россіи.

КЪ ТЫЛУ И ФРОНТУ

1. Эль Лисицкий. «Клином красным бей белых». Витебск, 1920 год.
2. Хроника политических событий за 24—25 октября 1917 года. Газета «Рабочий и солдат». 1917 год.
3. Тяжелый броневик «Илья Муромец», прибывший к Смольному в распоряжение Военно-Революционного комитета Петрограда. 25 октября 1917 года. Фото И. Кобозева.
4. Раздача первых революционных газет после свержения самодержавия. Москва. 1917 год.
5. Проверка документов матросами в Октябрьские дни 1917 года. Петроград.
6. Петроград. Утро 26 октября 1917 года. Зимний после штурма. Фото. И. Кобозева.
7. Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов в здании Государственной думы (Таврический дворец), 1917 год.
8. Обращение, написанное Лениным 25 октября 1917 года.

собрался». Но тогда как раз Советы, пойдя за большевиками, сломали хребет генеральской авантюре. Корниловцы «второго призыва», учтя этот урок, ту же задачу нашли более надежным решить, как можно видеть, оружием кайзера.

В тот день, когда в московской газете «Утро России» появилось сообщение о речи Родзянко, 8 октября, Ленин написал два письма: питерским большевикам («Советы постороннего») и большевикам, участвующим в съезде Советов Северной области. Видимо, не из сообщения московской газеты он узнал о замысле буржуазии сдать Питер немцам, к такому выводу Ленин пришел, исходя «из всего хода событий и из всей политики Керенского».

В отчаянную и, как потом оказалось, в последнюю стратегическую операцию запускала буржуазно-помещичья диктатура подвластную ей военную машину. Войска действующей армии, размещенные на огромном пространстве театра военных действий — от Балтийского до Черного моря — в интересах борьбы с внешним противником, перенацеливались теперь на борьбу с «внутренним врагом» — со всей рабоче-крестьянской Россией, и, соответственно, их предстояло перегруппировать, перебрасывая одни на новое стратегическое направление и даже на театр новой, гражданской, войны, а другие — отправляя, наоборот, как можно дальше от этого нового театра военных действий.

Приказом по армии и флоту Керенский требует от Областного комитета «немедленно прекратить свою преступную деятельность», от гарнизонов — «немедленно выполнить приказание главковерха о перегруппировке»; всем лицам и организациям, «которые будут продолжать свою преступную деятельность», грозит как «контрреволюционерам и предателям, содействующим врагу», немедленным предании суду и приведением к повиновению «закону» «силой оружия». 4 октября Керенский посылает телеграмму главнокомандующему Северного фронта: «Ввиду сложившейся политической и военной обстановки, требующей принятия энергичных мер против растлевающих начал большевизма», он предписывает Черемисову «принять самые решительные меры к ликвидации преступной деятельности финляндского Областного комитета и к полному водворению порядка среди войск, находящихся на финляндской территории». 6 октября шлет распоряжение главному начальнику Петроградского военного округа: «...подготовить войска Петроградского гарнизона для выступления для боевых действий в распоряжение главкосева».

С министрами премьер, и он же главковерх, мечется из Петрограда в Ставку, в Псков, где находится штаб Северного фронта, которому предназначена роль главного оперативного центра по наведению «порядка» в Финляндии, на Балтийском флоте, в Петрограде. 5 октября он утрясает с генералами, военным и морским министрами планы «второй корниловщины» в Пскове. 7 октября Керенский приказывает Черемисову «...немедленно назначить в Ревель, где уже начались крупные беспорядки, надежное лицо, предоставив в его распоряжение средства для водворения порядка», и выполнить это «возможно скорей».

Штабы Юго-Западного и Румынского фронтов зараиее выявляли по заданию Ставки наиболее «надежные» корпуса и с помощью комиссаров Временного правительства доказывали солдатам необходимость отправки их на север. Десятого октября началась перевозка с Румынского фронта 17-го корпуса в район Невеля и Великих Лук; с Юго-Западного фронта было приказано отправлять с утра 6 октября 49-й корпус, а 9 октября Ставка потребовала вывести в резерв и подготовить к отправке 22-й армейский корпус.

Корниловский 3-й конный корпус, сосредоточенный по распоряжению Керенского в предместьях Петрограда, был по требованию Петроградского Совета оттянут в район Острова (40 верст южнее Пскова), но власти Временного правительства продолжали гнать эшелоны с казачьими полками и сотнями в Ревель и «на станции железных дорог Петроградской, Новгородской и Псковской губерний для охраны их», как деловито было сказано в приказе командира корпуса Краснова 7 октября.

По предложению Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии 11—13 октября был проведен в Петрограде съезд Советов Северной области, на котором были представлены решающие пункты борьбы — Петроград, Москва, Кронштадт, Ревель, Финляндия и другие. Основная цель съезда, как ее изложил член финляндского Областного комитета и председатель фракции большевиков В. А. Антонов-Овсеенко, состояла в том, чтобы «...связать в одну мощную организацию Советы Северной области, более тесно связать эту организацию с Петроградским Советом, создав вокруг последнего — в ближайшем тылу очага революции — сильную революционную опору». Съезд рассматривался как предтеча Всероссийского съезда Советов. Он поставил перед гарнизонами «революционного кольца», созданного вокруг Петрограда, задачу «принять все меры к развитию и упрочению своей боевой готовности» и предложил местным Советам «создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции».

Передовые части 17-го корпуса, начавшие двигаться с Румынского фронта 10 октября, с трудом пробиваясь через заторы на железной дороге, в двадцатых числах октября приближались к назначенному району сосредоточения — к Невелю и Великим Лукам. Подходили к району назначения — станции Везенберг (Раквере) и Тапс (Тапа) — передовые части 49-го армейского корпуса (4-я финляндская стрелковая дивизия) с Юго-Западного фронта. Как ни торопила Ставка переброску с Юго-Западного фронта 22-го корпуса, дело не совсем клеилось: ведь корпус прикрывал одно из основных направлений на фронте 7-й армии, но он показался фронтовому начальству наиболее «надежным», и потому было приказано сменить его на позициях другими войсками, а его вывести в резерв и приготовить к отправке (чем только не пожертвуешь в предвкушении нового «прорыва» на внутреннем фронте!). А между тем отводившиеся с позиций части оказались подверженными той же, революционной, «заразе»: митинговали, требовали немедленного заключения мира, по пути к станциям погрузки громили помещичьи имения, передавая землю, скот и инвентарь местным крестьянам; для приведения их в порядок приходилось наряжать казачьи части.

Известно, что в ночь на 24 октября военные власти Временного правительства нападением на редакции большевистских газет и вызовом ударных частей в Петроград начали вооруженную борьбу в столице. Петроградский военно-революционный комитет, послав в захваченную юнкерами типографию отряд солдат Литовского полка, восстановил положение и объявил, что он берет на себя руководство отпором натиску контрреволюционных заговорщиков и что гарнизон и пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар. Призвав все гарнизоны, охраняющие подступы к Петрограду, к полной боевой готовности, ВРК распорядился: «Не пропускать в Петроград ни одной воинской части, которая не известна заранее преданностью революции. Навстречу эшелонам высылать десятками агитаторов, которые должны разъяснять направляемым на Петроград частям, что их хотят превратить в орудие корниловцев. Эшелоны, не поддающиеся воздействию, задерживать силой. Действовать твердо и осмотрительно, а где нужно — беспощадно».

Политическая обстановка накалялась так стремительно, что теперь уже вопрос стоял не о восстании в близком будущем и даже не о том, чтобы найти благоприятный для него момент. Момент восстания уже определился. Утром 24 октября Петроградский комитет РСДРП(б) признал необходимым «перейти в наступление... без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы». В тот же день вечером Ленин предельно уточнил этот момент: «Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

Вечером 24 октября Ленин пришел в Смольный и взял в свои руки руководство восстанием, а утром 25 октября Петроград уже был в руках восставших рабочих и солдат. В 10 часов утра ВРК объявил Временное правительство низложенным и переход власти в руки ВРК, органа Петроградского Совета, совершившимся. Тот факт, что министры Временного правительства еще продолжали занимать апартаменты Зимнего дворца и не были пока переведены по Троицкому мосту в Петропавловскую крепость, нисколько не меняет положения, которое декларировал Петроградский военно-революционный комитет. Они были изолированы во дворце, оставшись без армии, без каких-либо орудий насилия, которые только и делали их властью. Как власть они уже не существовали. Никаких сил, способных оспорить воззвание Петроградского ВРК, не нашлось. Это означало, что прежнее государство как орган насилия и подавления трудящихся перестало существовать и на его месте возникло уже другое государство — фактическая сила, необходимая для подавления классового противника, теперь уже буржуазии.

Уже в конце сентября, почти за месяц до момента восстания, Ленин уверенно заявлял, что как только победит революция, «...*не пойдут войска* против правительства мира», «*даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира... А вся армия разве не отрядит частей за нас?» Ленин говорил это не наугад, «целый ряд фактов», по его твердому убеждению, определял такую перспективу, и в работах последних перед восстанием недель он дал анализ обстановки на основании таких фактов. В числе едва ли не первых некоторые казачьи части оправдали выводы Ленина. В ночь на 25 октября Керенский приказал направить на подавление «беспорядков» стоявшие в Петрограде 1, 4 и 14-й Донские полки. Представители казаков потребовали, чтобы с ними выступила и пехота. Керенский обещал дать пехоту, но она «упорно не появлялась». А казаки, горько иронизировал он потом, так же «упорно отсиживались в своих казармах» и на частые телефонные звонки все время отвечали, что вот они через пятнадцать — двадцать минут «все выяснят» и «начнут седлать лошадей». Керенскому пришлось ехать за войсками в Гатчину, Псков, Остров, а они все еще «седлали лошадей». Требуя пехоты, казаки добивались гарантии, что их не втравят, как в пятом году, в антинародное дело: пойдет пехота — значит и народ вместе с ними, а не они одни выступают против народа.

Съезд делегатов 17-го корпуса 18 ноября признал единственной властью Совет Народных Комиссаров.

В эшелоны перебрасывавшегося на север 49-го корпуса агитаторы военно-революционных комитетов стали проникать еще в пути следования, так что в район сосредоточения — станции Везенберг и Тапс — солдаты прибывали уже в немалой степени распропагандированными, узнавшими, по крайней мере, что их направили вовсе не для прикрытия фронта от внешнего врага, а как карательную силу против революционного народа и прежде всего против Петрограда.

Многое, однако, в политическом положении страны казалось солдатам еще непонятным, и съезд делегатов 49-го корпуса решил обратиться за разъяснениями к Советскому правительству, а также в центральные комитеты партий меньшевиков и эсеров. В Петроград была направлена специальная делегация съезда.

Ленин беседовал с нею 12 ноября 1917 года и дал письменные ответы на вопросы, поставленные съездом. Делегаты привезли в корпус и ответы, полученные от Центральных комитетов соглашательских партий. Слова Ленина были подкреплены конкретными делами: Советское правительство уже практически приступило к проведению в жизнь всего того, чего ждали и требовали массы,— прекращения войны, передачи земли крестьянам, выборов в Учредительное собрание и т. д. Между тем меньшевики и эсеры одни необходимые меры обещали предпринять лишь в неопределенном будущем, другие же и вовсе отвергали.

Большевистские взгляды победили. В середине ноября в корпусе были переизбраны все солдатские комитеты, а новый корпусный съезд закрепил переход корпуса на сторону Советской власти. Собравшееся в Петрограде заседание представителей частей и соединений фронтов, в котором участвовали и делегаты 49-го корпуса, приветствовало Советскую власть и потребовало от представителей низложенной власти «...немедленного прекращения гражданской войны и покориться воле народа».

Начиналось триумфальное шествие Советской власти по стране. ●

1917 — 1987

Победа социалистической революции закрепила за человеком труда реальные права и свободы...

Из Обращения ЦК КПСС
к советскому народу

1

2

Декретъ о мирѣ,
принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

3

Открытие памятника А. И. Герцену.

В воскресенье, 23-го февраля, на Арсенальн. набер., у Литейного моста состоялось торжественное открытие памятника великому мыслителю — революционеру А. И. Герцену.
Памятник, по поручению Отдела Изобразительных Искусств, исполнен скульптором Л. В. Шерв

4

Открытие памятника Гарибальди.

Торжественное открытие памятника великому итальянскому революционеру Гарибальди, состоявшееся 9-го марта у Московских ворот на Международном пр., приняло характер грандиозной демонстрации, в которой участвовали, кроме петроградских рабочих, и члены Ш Интернационала, прибывшие в Петроград накануне торжества.
На торжестве присутствовали представители Отдела Изобразительных Искусств П. К. Ваулин, Н. Н. Пунин и Н. И. Альтман

5

6

7

8

1. Жители Петрограда читают первые декреты Советского правительства. 1917 год.
2. Смольный в Октябрьские дни. Петроград. 1917 год.
3. Коммунистический субботник в Кремле.
4. Из газеты «Искусство коммуны». 2 марта 1919 года.
5. Президиум конференции крестьян-бедняков Вяземского уезда, 1925 год.
6. Сергей Чехонин. Обложка книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». 1923 год.
7. В. Лебедев. «Работать надо, винтовка — рядом». Петроград, 1920 год.
8. Г. Филиппов. «Победа Октября — главное событие XX века». 1977 год.
9. Герб СССР на первом знамени ЦИК СССР. 1923 год.

9

А. Ненароков,
кандидат исторических наук

«25. X. 1917 г. Смольный. Петроград»

Среди документов Великого Октября публикуемым рисункам принадлежит особое место. На них Владимир Ильич Ленин запечатлен в день торжества революции. Художник, понимая, что творит для истории, аккуратно в правом нижнем углу каждого рисунка вывел: «М. ШАФРАН. 25.X.1917 г. Смольный. Петроград».

Ленин уже без грима (к которому пришлось прибегнуть из-за сыщиков Временного правительства), но и без привычных всем, обычных для многих интеллигентов тех лет бороды и усов. Он буквально только что завершил сложнейший переход через город, разделенный баррикадами, проправительственными и революционными патрулями.

Юнкера останавливали дважды. Но оба раза от ареста спасла находчивость Эйно Рахья, связного Центрального Комитета партии. Он сопровождал Ленина, обеспечивая его безопасность, не только в этот день, но и в начале месяца, когда вождь нелегально возвращался в Питер, чтобы принять участие в непосредственной подготовке восстания.

На первом из рисунков взгляд Ленина строг, задумчив и тревожен. Владимир Ильич смотрит прямо перед собой, чуть мимо художника. И именно это создает удивительный, волнующий эффект; мы присутствуем при рождении мысли...

Почти физически ощущаешь масштабность только что принятых этим человеком решений. Он еще не отошел от напряжения. Чуть осунулся от выпавших на его долю волнений, испытаний и ответственности. Но губы

тронула легкая, едва заметная улыбка, и видится ему уже будущее.

Портрет сделан мастерски. Ничего лишнего. Никакой аффектации. Лицо мыслителя. Лицо творца. Лицо мастерового. Недаром, уходя в «свободной» России Временого правительства в вынужденное подполье («При Керенском, скажет история,— писал Ленин в сентябре,— не все большевики пользовались свободой выбора местожительства»), Владимир Ильич воспользуется пропускным билетом на имя рабочего Сестрорецкого завода К. Иванова. На фотографию для документа он снимался также без усов и бороды, правда, в парике и гриме. Тогда и лицо и глаза его выражали лукавую дерзость. Борьба продолжалась. Развязка еще предстояла.

Любые сопоставления какой бы то ни было фотографии и зарисовок художника сомнительны. Но, глядя на рисунки Шафрана, мы понимаем, что на них изображен человек уже иной эпохи. Прошло всего несколько месяцев, но события круто развели время на до и после. Рубикон уже перейден. Уже обеспечена победа. Победа дела, которому отдана жизнь. Позади критические часы предыдущего дня, когда колебания и сомнения части руководителей партии могли погубить уже начавшееся выступление. Когда в письме товарищам по партии, членам ЦК, избранным на VI съезде, пришлось сказать: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все».

И вот победитель! Не триумфатор, а революционер, исполнивший долг. Революционер, понимающий меру многократно возросшей ответственности, суровость и тяжесть предстоящих испытаний.

Одной этой зарисовки достаточно для того, чтобы оставивший ее нам художник заслужил благодарность потомков, осознавших за десятилетия всемирной истории, что Октябрь определил лицо современного мира. И это увидели даже те, кто разделял далеко не все взгляды большевиков.

Лион Фейхтвангер, немецкий писатель-гуманист, назвал 25 октября (7 ноября) 1917 года днем рождения новой эры.

Джавахарлал Неру, один из лидеров индийского национально-освободительного движения, приверженец и ближайший соратник Мохандаса Ганди, видевший вслед за ним решение социальных противоречий не в развитии классовой борьбы, а в поисках социального компромисса, тем не менее писал: «Советская революция продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

«...Рождение великой надежды человечества!» — так определил свое отношение к этому событию китайский революционный демократ Сунь Ят-сен.

С Октябрьской революции началась история будущего.

Шафран оставил нам еще два рисунка, датированные 25 октября 1917

А. Ненароков. «25.X.1917 г. Смольный. Петроград»

года, когда под руководством Ленина пришли в движение все силы революционного народа. В столице рабочие, солдаты и матросы занимали вокзалы, почтамт, телефонные и электростанции, главную контору Государственного банка и редакции центральных газет. Из Гельсингфорса, Ревеля и Кронштадта в Питер были вызваны революционные суда. ЦК обсудил состав будущего рабоче-крестьянского правительства. По предложению Ленина его решили именовать Советом Народных Комиссаров.

Утром, когда в руках восставших находился уже почти весь город, Ленин от имени Военно-Революционного Комитета пишет обращение «К гражданам России!»

Не за этой ли работой запечатлен Ильич на втором рисунке?

Лицо его сосредоточено. По тому, как чуть расслаблены мышцы у губ, как набухла складка щеки, понимаешь, что он смертельно устал. Но мысль по-прежнему упруга и динамична:

— Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено...

Отдыхать было некогда.

Вскоре после окончания работы над текстом обращения Ленин узнал, что из Петрограда бежал Керенский. Бежал, чтобы попробовать вернуться, опираясь на армейские штыки.

К 12 часам дня восставшие окружили Мариинский дворец. В нем размещался Предпарламент. Через час Предпарламент был распущен, здание перешло в руки революционного народа.

В 14 часов 35 минут в Актовом зале Смольного открылось экстренное заседание Петроградского Совета. На заседании, впервые после июльских дней, открыто выступил Ленин.

На третьем рисунке он запечатлен именно в этот момент, который стал кульминацией дня.

— Рабочая и крестьянская революция, — провозгласил Владимир Ильич, — о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Лицо Ленина осунулось еще больше. Скулы заострились. Изображение в профиль дало возможность художнику передать, каких усилий стоит оратору каждое слово.

Прикрыв глаза, Владимир Ильич напрягает голос, чтобы его слышали в самых дальних рядах:

— Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции...

Даже если б Шафран ничего больше не нарисовал, этих трех рисунков достаточно, чтобы имя его вошло во все книги об Октябре. Но...

О художнике мы знаем до обидного мало, а рисунки эти известны лишь специалистам. Они почти не публикуются, за исключением одного, первого, да и то ставшего популярным в последнее десятилетие.

От стереотипов отказываться трудно. Даже в мелочи. Кому-то когда-то показалось, что Ленин на рисунках Шафрана «не похож на себя». На каждом из официальных полотен, посвященных провозглашению Советской власти, Владимир Ильич точно такой же, как на множестве других картин,— точно соответствует принятому, как казалось, навечно, образу вождя. Рисунки Шафрана в этот образ не укладывались.

А этому художнику мы обязаны очень многим. Ведь нет ни одной фотографии, ни одного кинокадра, которые запечатлели бы Ильича именно в дни Октября. Только эти три рисунка.

К сожалению, мне пока не удалось найти хоть какие-нибудь сведения о том, как Шафран попал в Смольный, как получил возможность рисовать там. Было ли это чье-то поручение? Или художник сам проявил инициативу? Неизвестно вообще, сохранились ли какие-нибудь записи М. Л. Шафрана.

В каталогах библиотек о нем самом или его изданиях нет ни одного упоминания. Лишь в первых двух томах справочника «Выставки советского изобразительного искусства» аккуратно отмечено, в каких именно выставках художник принимал участие с 1918 по 1939 годы.

В первом томе труда Г. К. Буровой, О. И. Гапоновой и В. Ф. Румянцевой «Товарищество передвижных художественных выставок», опубликованном в Москве в 1952 году, он упомянут единожды: Шафран Марк Лазаревич. 1877—1940. В выставочных каталогах указан адрес, по которому он проживал безвыездно все последние годы жизни: Ленинград, канал Грибоедова, 14, кв. 6.

Чрезвычайно краткие биографические сведения о художнике нашлись в каталоге художественной выставки 1933 года, посвященной пятнадцатилетию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. По случаю ожидавшегося и состоявшегося посещения выставки И. В. Сталиным каталог был издан роскошно. На отличной бумаге. С репродукциями гигантских, безумно похожих друг на друга независимо от тем и сюжетов картин. Шафран представил на выставке полотно «Красноармейцы-шефы на Путиловском заводе». Она даже попала в число репродукций: группа рабочих и красноармейцев в центре цеха, на стенах которого приметой времени — соответствующие ему лозунги. И лозунги, и фигуры прописаны со всей тщательностью утвердившегося «реализма».

Каждому художнику в каталоге была отведена специальная страница. Приводились фотография, краткие биографические данные, названия представленных работ. На странице 264 помещен фотоснимок аккуратно стриженного интеллигента в костюме-тройке, с галстуком и красивой запонкой на воротнике (наше поколение уже и не знает, как она называлась). Цепкие глаза. Внимательный, напряженно - грустный взгляд.

Сообщалось, что первоначальное художественное образование он получил в Киевской рисовальной школе, куда поступил в 1889 году. Учился с большими перерывами и окончил школу только в 1902 году, уже после реорганизации ее в Киевское художественное училище. В 1906 году поступил в Петербургскую Академию художеств. Диплом получил в 1914 году.

Мне пока больше ничего узнать о нем не удалось. Но судьба художника уже увлекла, а уважение и память требуют, обратившись в архивы, музеи, к родственникам, если они есть, собрать по крупицам все, что можно, сделать достоянием всех рассказ о том, как он рисовал Ленина. Ведь было это 25 октября 1917 года, в Смольном. ●

Т. Красовицкая,
кандидат исторических наук

«Восстание есть искусство»

Впервые я ступила на московскую улицу 25 Октября теплой июльской ночью 1964 года. Через полчаса после того, как вышла из поезда, на котором приехала с Кавказа — поступать в Историко-архивный институт. Остановиться не у кого. Впереди — целая ночь.

Куда идет в такой ситуации человек, впервые попавший в Москву? Наверное, на Красную площадь.

Одна остановка на метро — и я на станции «Площадь Революции». Полсотни шагов направо от выхода, и вот... Странно! Шла на Красную площадь, а передо мной Историко-архивный институт... Стою перед ним. Достаточно посмотреть налево, чтобы увидеть невдалеке Никольскую башню Кремля. Я уже читала о том, как по ней в октябре 1917 года стреляли из пушек...

Где же стояли эти пушки? Там, где я сейчас? Или поближе к Красной площади? Этого я и теперь не знаю, но думаю, метры здесь значат немного... Ведь и здесь, и чуть подаль, и там, у самой площади Дзержинского, тогдашней Лубянской, были люди. Именно они, а не пушки ставили решающую точку в борьбе, которая развернулась в те дни...

Прошли годы учебы. Не стала я, строго говоря, историком Октябрьских дней. Занимаюсь историей советской культуры.

Что же нового можно сейчас сказать об Октябрьских днях, которые перевернули мир? В моей памяти возникают прекрасные имена. Знаменитые историки, посвятив изучению этих дней всю свою жизнь, бережно собрали практически все факты, большие и мелкие, описали все подробно и ярко... Что же выбрать из того, что сделано ими?

Положив перед собой чистый лист бумаги, я вдруг поняла, что та июльская ночь не отпускает меня.

Не стану уверять читателя, что думала тогда только об Октябрьских днях. Мне было семнадцать лет. Вокруг ходили люди. Мы разговаривали. Я присела около Лобного места. Смешно вспоминать, но подошли два милиционера и подарили мне воробья. Как они его поймали? А ведь здесь впервые юнкера остановили «двинцев» (солдат, за несколько месяцев до того брошенных Временным правительством в тюрьму в городе Двинске за революционную пропаганду), «двинцев», которых вел к Моссовету солдат Евгений Сапунов. Снова пошла по Красной площади. Всего лишь три минуты медленным шагом — и я у Исторического музея. А здесь Сапунова смертельно ранили...

Была во мне тогда полудетская радость и полувзрослая грусть от соединения своих скромных книжных знаний с тем, что видишь своими глазами. И вот теперь подумала: напишу только о том, что было на улицах двух столиц.

Почему на улицах?

Потому, что там совершалось главное. Исход борьбы решал народ.

«Восстание, чтобы быть успешным,— подчеркивал Ленин, — должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс». А для борьбы народу, его передовому классу нужен простор, нужны улицы. Они — артерии города, то жизненное пространство, которое нужно отобрать, чтобы утвердиться и установить свою власть.

В сентябре 1917 года Ленин выписал у Энгельса такие слова: «Восстание есть искусство». Вот и соединяются те летние ощущения с профессиональной специализацией. О чем может писать историк культуры применительно к данной теме? Ответ уточняет Ленин. Конечно, об искусстве восстания. Он же дает и подробную инструкцию, как писать, скромно называя ее «Советами постороннего»: «В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск»...

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях...»

24 октября 1917 года. Восстание начинается очень осторожно.

Во всех районах Петрограда идет мобилизация сил. На Выборгской стороне районные Совет и комитет партии, штаб Красной гвардии приводят в боевую готовность все заводские рабочие коллективы. Идет дополнительная запись в Красную гвардию. Заводские комитеты на предприятиях других районов города устанавливают у себя круглосуточное дежурство, усиливают охрану заводской милицией.

Приводится в боевую готовность Петропавловская крепость — пулеметы поднимаются на стены. Вот они уже и на крыше высокого Народного дома, расположенного близ крепости за Кронверкским арсеналом.

У Смольного вид боевого лагеря. Пулеметы стоят на чердаках и на лестничных ступенях.

Штаб Петроградского военного округа, получив сведения о подготовке восстания, отдает приказ развести Литейный, Троицкий (теперь Кировский) и Николаевский (Лейтенанта Шмидта) мосты через Неву, прекратить со второй половины дня 24 октября трамвайное движение. Это проверенные средства борьбы с народными волнениями. Но красногвардейцы берут под охрану по приказу Военно-революционного комитета, работавшего уже с 11 октября, мосты Литейный и Троицкий. Разведен только Николаевский. По своей инициативе рабочие занимают Гренадерский мост через Большую Невку, Тучков мост через Малую Неву. Не слышно пока ни единого выстрела.

В 5 часов дня на Центральный телеграф на Почтамтской улице входит комиссар ВРК С. С. Пестковский, начата цензура телеграмм, отправляемых Временным правительством. В доме на Сердобольской улице, в квартире М. В. Фофановой у окна стоит Ленин.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое... Промедление в восстании смерти подобно».

Вскоре вместе с Эйно Рахья Ленин выходит на улицу и направляется в Смольный. А матросы уже занимают здание Петроградского телеграфного агентства на Невском проспекте. Отряд из ста пятидесяти солдат Измайловского полка в девять часов вечера прибывает на Балтийский вокзал. Солдаты — во всех важнейших помещениях вокзала. Их посты стоят на перронах.

Примерно к десяти часам вечера к Смольному подходит Ленин. К полуночи большой отряд красногвардейцев подъезжает к Смольному. Они размещаются на прилегающих улицах, занимают Охтинский мост через Неву. В два часа ночи Николаевский (Московский) вокзал, обеспечивающий связь с Москвой,— в руках восставшего народа. Измайловцы с Балтийского вокзала посылают небольшой отряд на Варшавский вокзал, чтобы парализовать и связь с Псковом. Вскоре к ним прибывает подкрепление — красногвардейцы Выборгского района и специальный отряд финской Красной гвардии. Приморский вокзал контролируется отрядом красногвардейцев Сестрорецкого завода.

Поздней ночью по невскому мелководью осторожно приближается к Николаевскому мосту крейсер «Аврора». В 3 часа 30 минут корабельные прожектора освещают часовню на мосту и юнкеров, прижавшихся к его перилам. Лишь только с крейсера отчаливает шлюпка, юнкера бегут на Адмиралтейский остров. Мост сведен, и на него ступают красногвардейцы Василеостровского района. Вернувшихся юнкеров встречает отряд из двухсот рабочих. Вокруг Смольного горят костры, у них греются красногвардейцы Сестрорецкого завода, подъезжают броневики.

В 6 часов утра 25 октября отряд гвардейского флотского экипажа из сорока матросов подходит к ограде Государственного банка на Садовой улице. Растерявшийся часовой пропускает их. Через час на Центральной телефонной станции отключают телефоны Зимнего дворца. Ранее молчавшие телефоны Смольного включены. На Обводном канале рабочие занимают главную электростанцию Петрограда — Общество электрического освещения. В восемь утра занята типография газеты «Биржевые ведомости», в в девятом часу — «Русской воли», в одиннадцать — «Общего дела». Около одиннадцати часов утра от расположенного между Миллионной улицей и Певческим проездом здания Петроградского военного округа отходит машина «Пирс-эрроу». В ней — Керенский. Машина мчится под арку Главного штаба, затем по Морской (улице Герцена)...

Через час-другой Керенскому было бы уже не уехать. Войска Военно-революционного комитета уже оцепляют подступы к Зимнему. К двенадцати часам окружен Мариинский дворец, где размещается Предпарламент. Через час он был взят.

К восемнадцати часам Зимний дворец полностью окружен. Дворцовая площадь — последний участок Петрограда, на который еще распространяется контроль Временного правительства. Утром сюда прибыло небольшое подкрепление: две роты дала школа прапорщиков инженерных войск. На объемистой поленнице дров, привезенных для отопления Зимнего дворца, юнкера оборудуют пулеметные гнезда. Гарнизон защитников Зимнего состоит из двух с половиной тысяч человек. В главных воротах стоят броневик, который можно использовать только как пулеметную точку, и шесть трехдюймовых орудий. Прямо скажем, нечего было и думать с такими силами переходить в контрнаступление против восставшего народа.

В Москве с утра 25 октября ползут разноречивые слухи. Город живет в напряженном ожидании, всем ясно, что в ходе революции наступает решающий момент. Вот на улицах появляется газета «Социал-демократ». Москвичи читают: «Петербург не должен остаться одиноким... Революционные действия... должны быть поддержаны... в главнейших центрах». А в это время к гостинице «Дрезден», что напротив Московского Совета, на Скобелевской (теперь Советской) площади идут авторы заявления, из которого взяты эти строки, — члены городского, областного и окружного комитетов партии.

Часы на Спасской башне Кремля пробили полдень, когда в Москве стало известно, что переворот в Петрограде произошел спокойно: «...ни единой капли крови не было пролито, все войска на стороне Военно-революционного комитета»*.

Не теряя времени, члены заседания спешат в Покровские казармы. Через пятнадцать минут, разобрав оружие, две роты направляются к Мясницким (Кировским) воротам, где находятся Почтамт и Центральный телеграф. Быстро, без суеты занимают все ходы и выходы, ставят у них караулы. Одновременно появляется охрана и у междугородной телефонной станции. Но караулы внутрь зданий не входят. Не занята и Центральная телефонная станция в Милютинском переулке (ныне улица Мархлевского). Все эти промахи в дальнейшем повлекут за собой тяжелые последствия.

На следующий день буржуазия останется без своих газет, но все же выйдут газеты эсеровские и меньшевистские. Они-то и ведут контрреволюционную пропаганду.

Рано смеркается на улицах Москвы в последние октябрьские дни. К Политехническому музею почти в полной темноте сходятся депутаты московских городского и районных Советов. Когда через несколько часов они покидают здание, там остается избранный депутатами Военно-революционный комитет.

От городской думы на Воскресенской площади (площади Революции), создав орган подавления восстания, в это же время расходятся думские депутаты. Выходя, договариваются:

— Давайте не ночевать дома, а то еще, чего доброго, арестуют в постели...

---

* Зимний будет взят глубокой ночью, но большевики — уже хозяева Петрограда.

Две враждебные силы — друг перед другом, готовые пустить в ход оружие. Столкновение между ними близится и надвигается как неизбежность.

В Петрограде вечером 25 октября в районе Зимнего дворца стихийно начинается перестрелка. Комиссар Петропавловской крепости приказывает подать условный сигнал. Около 9 часов 40 мин вечера из сигнальной пушки сделан холостой выстрел. На «Авроре» скомандовали: «Носовое, пли!» И второй холостой выстрел разрывает воздух. На дворцовой площади оба выстрела слышат почти одновременно. Крики «Ура!», стрельба усиливается. Но продолжается она всего пять минут. В 9 часов 45 минут

Карта-схема Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде

Центр по руководству восстанием.

Последняя конспиративная квартира В. И. Ленина перед Октябрем.

Основные пункты формирования отрядов Красной гвардии.

Революционные части Петроградского гарнизона.

Корабли Балтийского флота.

Важнейшие опорные пункты контрреволюции.

Цифрами обозначены

1. *Адмиралтейство.*
2. *Главный штаб и штаб Петроградского военного округа.*
3. *Главный почтамт.*
4. *Телеграф.*
5. *Гостиница «Астория».*
6. *Телефонная станция.*
7. *Военное министерство.*
8. *Городская дума.*
9. *Госбанк.*
10. *Мариинский дворец (Предпарламент).*
11. *Центральная электростанция.*

казаки четырнадцатого Донского полка начинают возвращаться в свои казармы. За ними следуют «ударницы» женского батальона и школа прапорщиков Северного фронта. Их разоружают.

До одиннадцати часов вечера никто больше сдаваться не хочет. И тогда начинается обстрел Зимнего дворца. Он носит скорее символический характер, тем не менее моральное воздействие на осажденных оказывает. Юнкера в панике прячутся во дворце. Десятки красногвардейцев проникают во дворец со стороны Миллионной улицы через раскрытые окна. Матросы-кронштадтцы добираются до Детского подъезда. Около часу ночи, когда выясняется, что перед дворцом юнкеров больше не осталось, бойцы революции, стреляя на ходу, вдавливаются в узкие проходы дворца. Останемся у входа — и в 2 часа 10 минут увидим, как министры Временного правительства гуськом выходят из подъезда и пешком под охраной направляются в Петропавловскую крепость.

Ранним утром 26 октября на московских улицах расклеено сто тысяч листовок: «Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей».

В Москве стратегически господствует Кремль, и тот, кто им владеет, может диктовать свою волю противнику. Надо было не только удержать эту крепость, но и добыть оружие из ее арсенала. В то время, когда москвичи читали листовки, комиссары и рота 193 полка, располагавшегося в Хамовнических казармах, вступают в Кремль. Начинается погрузка оружия на три прибывшие из города машины, но выехать не удается — все ворота перекрыты юнкерами. Они заняли ближайшие подступы к Кремлю.

В Замоскворечье рабочие смещают и арестовывают участковых районных комиссаров думы. Занята Центральная электрическая станция. В Симоновском районе захвачены пороховые склады. В Сущевско-Марьинском — почта, отделение банка, участковые комиссариаты.

В течение дня картина проясняется. Москва представляет собой «слоеный пирог». Внутри Кремля — революционные силы, обложенные со всех сторон юнкерскими караулами, стоящими у каждых ворот. Силы ВРК располагаются по линии Садового кольца, но их патрули и отряды свободно проникают к Моссовету. Некоторые формирования белых и за пределами Садового кольца — в Крутицких казармах, Алексеевском училище, Лефортове, но в окружении красных. Что касается мостов, то со стороны Замоскворечья они контролируются красногвардейцами, с противоположной стороны — юнкерами.

У ВРК есть план боевых действий, но время тратится и на переговоры. Революция не хочет кровопролития. В итоге из Кремля уходит 193 полк, а юнкера сразу же замыкают этот стратегический центр, отрезая его от города.

27 октября — словесные призывы, угрозы, ультиматумы. Контрреволюция явно перехватывает инициативу. Вечером командующий Московским военным округом отдает приказ о введении в городе военного положения. Это уже слишком.

И тогда отряд «двинцев», располагающийся в Озерковском госпитале, по приказу ВРК выступает из Замоскворечья на охрану Моссовета. Путь лежит через Москворецкий мост и Красную площадь. Благополучно минуют мост, но когда проходят мимо храма Василия Блаженного и начинают втягиваться на площадь, возникает юнкерский заслон.

— Кто такие? Куда идете?— кричит офицер.

Вперед выходит солдат-большевик Е. Н. Сапунов:

— Команда «двинцев» следует по вызову на охрану Совета.

— Проходите!

Отряд двигается дальше. В проезде у Исторического музея — цепи юнкеров.

И вновь окрик:

— Стой! Кто такие, куда следуете?

Сапунов объясняет.

— А,— орет полковник, командующий юнкерами,— это те самые бандиты... Сложить оружие!

Сапунов поворачивается к своим, чтобы отдать какую-то команду, но гремит выстрел, и он падает, смертельно раненный. Завязывается ожесточенная схватка. Перестрелка переходит в рукопашную. Неся потери, «двинцы» с боем прорываются на Тверскую и пробиваются на Скобелевскую площадь.

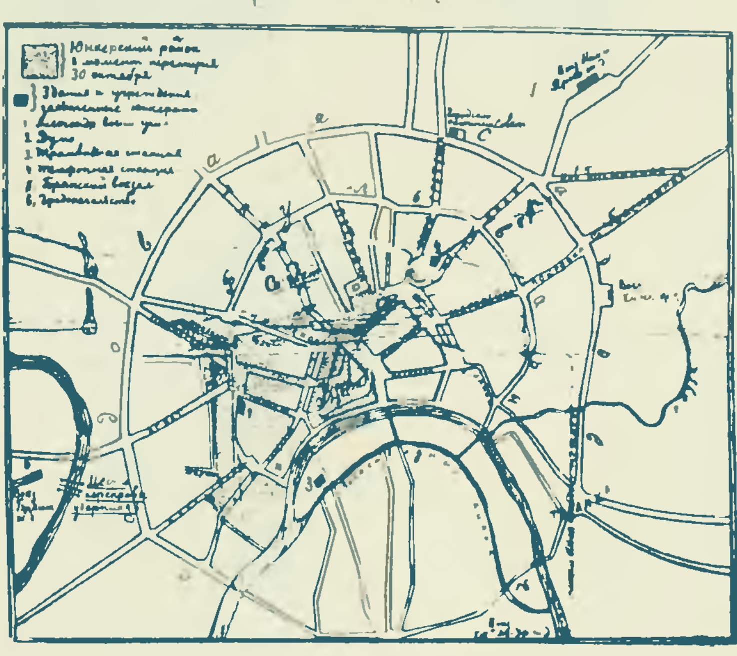
В Москве пролилась первая кровь. Силы контрреволюции укрепляются. Положение становится критическим. В тревожном ожидании замерли улицы города... Решающие события — впереди.

Одновременно на улицах Москвы появляются и баррикады. Это опасный признак: восстание может перейти к гибельной для него обороне. К счастью, этого не произошло.

В первую очередь нужно обезопасить от захвата Московский Совет. Красногвардейцы занимают «дом Нирензее» в Большом Гнездниковском переулке, одно из самых высоких в то время зданий в Москве. С его крыши прекрасно просматриваются Страстная (Пушкинская) площадь, Тверская и ближайшие к ней улицы. Рабочие устанавливают пулеметы. Теперь они держат под обстрелом весь район.

28 октября красногвардейцы Замоскворечья двигаются к Каменному мосту. Однако пулеметы, бившие с кремлевских стен, позволяют им закрепиться лишь на Софийской и Берсеневской набережных. На другом направлении красногвардейцы прорываются через Крымский мост и завязывают бои в районе Пречистенки (Кропоткинской улицы) и Остоженки.

План театра военных действий в октябрьские дни

Москва, 1917 г. Документ того времени.

Утро 28-го не приносит заметного облегчения. Более того, крупная неудача — белые в Кремле. Там зверская расправа. Сообщив ложную информацию, юнкера ворвались в Кремль. Обезоруженных солдат согнали на площадь у арсенала и открыли по ним огонь из винтовок и пулеметов. Обрастая слухами, сообщение о захвате Кремля превращается в легенду о полном разгроме восстания в Москве.

В ответ трудовая Москва забастовала. Но по-прежнему не хватает оружия. И вдруг у товарных платформ в Сокольниках рабочий-красногвардеец И. Маркин обнаруживает вагоны, груженные продолговатыми деревянными ящиками. В них — сорок тысяч винтовок. Находка с лихвой обеспечивает потребность в оружии. Его развозят на грузовиках всю ночь. Вскоре они объединяются с отрядами Хамовническо-Дорогомиловского района для наступления на здания Лицея и Интендантских продовольственных складов, расположенных у самого въезда на Крымский мост. Отбит у юнкеров Дорогомиловский (Бородинский) мост, красногвардейцы несут его охрану.

Благуше-Лефортовский, Басманный, Рогожский, Симоновский районы 28 октября блокируют Алексеевское военное училище, Крутицкие казармы.

В Сокольническо-Богородском районе находятся три крупнейших вокзала Москвы — Николаевский (Ленинградский), Ярославский и Казанский. Они обеспечивают прибытие революционных сил из близлежащих городов, поддерживают связь с Петроградом. Сокольнические трамвайные мастерские формируют красногвардейские отряды, налаживают снабжение восставших оружием и едой.

Сущевско-Марьинский, Бутырский и Пресненский районы защищают окраины от возможного нападения белых из центра города.

К концу 28 октября центр города, включая Кремль, все еще находится в руках контрреволюции. Единственный островок революции — это Московский Совет. Но сами юнкера, окружавшие Совет, тоже в плотном кольце, где почти безраздельно господствуют красногвардейские и солдатские революционные отряды. Инициатива теперь уже принадлежит рабочим.

В воскресенье, 29 октября трудящиеся героическим натиском очищают Тверскую улицу, занимают Малый театр и губернаторский дом в Леонтьевском переулке (улица Станиславского). Начинается штурм градоначальства — вдоль Тверского бульвара от Страстной площади и из Большого Гнездниковского переулка. Несколько часов длится сопротивление. Но когда заговорили» пушки, установленные на Страстной площади, юнкера выкидывают белый флаг. Клин расширяется в сторону Никитских ворот. Красногвардейцы атакуют «дом Гагарина» на торце Тверского бульвара. Отряды пресненских рабочих — на Кудринской площади (площадь Восстания), наступают по Спиридоновке (улица А. Толстого), Малой Бронной и Гранатному переулку (улице Щусева) по направлению к Никитским воротам. Продолжаются ожесточенные бои в обычно тихих переулках между Остоженкой и Пречистенкой. Трамвайщики Замоскворецкого парка, обложив свои вагоны песком и превратив их таким образом в импровизированные броневики, прорываются в самые опасные места, непрерывно подвозя боеприпасы и снаряжение. Утром 29 октября революционные отряды практически без потерь разоружают кадетские корпуса в Лефортове и Алексеевском военном училище. Кажется, контрреволюция доживает последние часы...

Она запросила о перемирии... Под утро 30 октября подписан протокол об установлении нейтральной зоны между враждующими сторонами.

Заключение перемирия в тот момент, когда враг почти повержен, встречено рабочими с негодованием и недоумением... Впрочем, перемирия фактически нет. Его нарушают сами белогвардейцы, пробиваясь через Арбат и Дорогомиловский мост к Брянскому (Киевскому) вокзалу для встречи ударного «батальона смерти». Они вновь захватывают «дом Гагарина», заколов четырех красногвардейцев.

30 октября в полночь становится ясно, что перемирие не состоялось. Вновь отряды рабочих и солдат переходят в наступление. Остается ликвидировать штаб Московского военного округа на Пречистенке, Александровское военное училище и — самое главное — занять Кремль. После долгих колебаний отдан приказ о его бомбардировке.

Два орудия из Хамовников бьют по штабу Московского военного округа. Пушки с Пресни ведут огонь по Александровскому военному училищу и району Никитских ворот. От Моссовета обстреливают гостиницу «Националь». Со Страстной площади артиллеристы стреляют по Никитским воротам. Два орудия со Швивой горки (улица Володарского) открывают огонь по Кремлю. Стреляют по нему и с Воробьевых гор, откуда открывается прекрасный обзор всего центра. Все основные опорные пункты белых — под артиллерийским огнем.

Революционные силы наступают. Особенно жестокие бои — у Остоженки и Пречистенки, вблизи штаба МВО.

К исходу дня 31 октября в руках юнкеров по существу остается лишь Кремль и непосредственно прилегающие к нему территории.

1 ноября с Волхонки, Моховой (проспект Маркса) и с Каменного моста ведется огонь по Кремлю. С Кудринской площади обстреливается Александровское училище. После того, как утром рабочие взяли гостиницу «Континенталь» в Охотном ряду, появилась возможность и здесь установить орудие и начать обстрел «Метрополя» прямой наводкой. Все ближе и ближе к Кремлю подходят революционные силы. К вечеру после жестоких боев в Милютинском переулке взята телефонная станция. Затем отряды красногвардейцев Городского, Сокольнического, Лефортовского, Басманного районов стремительно продвигаются по Никольской, Ильинке (улица Куйбышева) и Варварке (улица Разина) к Кремлю. От Кудринской площади по Большой Никитской (улица Герцена) наступают пресненцы.

Городская дума с Воскресенской площади бежит под защиту кремлевских стен. Положение контрреволюции безнадежно. В ночь на 2 ноября она вновь предлагает начать переговоры, но гул канонады не прекращается. Утром 2 ноября с боем взята гостиница «Метрополь», захвачен штаб МВО. Около трех часов дня Кремль — в плотном кольце окружения. Пушки с Никольской прямой наводкой бьют по Никольским воротам...

В пять часов вечера подписана капитуляция.

На рассвете 3 ноября трудящиеся вступают в Кремль.

10 ноября революционная Москва хоронит героев, павших в борьбе за власть Советов. Со всех улиц на Красную площадь стекаются тысячи и тысячи людей. Медленно и торжественно это человеческое море разливается по площади. Резкий ветер пролетает над их головами, развевая знамена.

Весь долгий день до самого вечера идет эта траурная процессия. Она входит на площадь через Иверские ворота и уходит с нее по Никольской улице. Прах двухсот сорока героев Октября покоится в братской могиле у Кремлевской стены. Среди них — рабочие-красногвардейцы, солдаты, матросы, студентка, санитарка, актриса...

В первую годовщину Октября, открывая мемориальную доску в их честь, В. И. Ленин говорит: «Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм... На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием...»

Расходятся от Кремлевской стены участники митинга. Они идут по Варварке, Ильинке, Тверской, Никольской. Никольская улица... Из всех улиц Ленинграда и Москвы тебе, единственной, дано имя Улица 25 Октября. ●

1

СЕВЕРНОЕ БЮРО
«СЕВЦЕНТРОПЕЧАТЬ»

РАБОЧИЕ! Читайте своюпечать и сейте слово правды! 2

3

1917 — 1987

Достигнут один из самых высоких в мире уровней образованности масс.

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

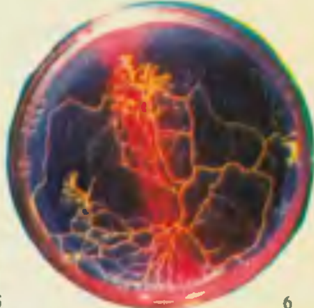

4

1. Алексей Радаков. «Неграмотный — тот же слепой». Петроград, 1920 год.
2. Лозунг Северного бюро Центрального агентства ВЦИК «Совцентропечать».
3. Ликвидация безграмотности была первейшей задачей культурной революции. Фото Г. Зельмы.
4. Лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов.
5. Москва. Здание Библиотеки имени В. И. Ленина. 1940 год. Архитекторы В. Щуко, В. Гельфрейх.
6. Биологический объект исследования, проводимого в Институте биологии развития имени Н. К. Кольцова.
7. Е. Кругликова. «Эх, маманя...» 1923 год.
8. Токамак-6. Институт атомной энергии имени И. В. Курчатова.

5

6

7

8

Вл. Виленский (Сибиряков)

Октябрьские дни в Сибири

Владимир Дмитриевич Виленский (Сибиряков) с начала 1900 годов вел революционную работу в городах Урала и Сибири, главным образом среди железнодорожных рабочих. В 1908 году арестован, отдан под суд, осужден на четыре года каторги, после отбытия ее был сослан в Якутию, где находился до 1917 года. Освобожденный Февральской революцией, большевик Виленский (Сибиряков) становится активным участником революционной борьбы в Сибири.

Эти его воспоминания были впервые опубликованы в 1921 году в журнале «Пролетарская революция», № 1.

Волна октябрьских событий докатилась в Сибирь со значительным опозданием, и поэтому, хронологически, сибирские Октябрьские дни были в ноябре, а в Восточной Сибири даже в декабре. Но октябрьские события, развернувшиеся в Красном Петрограде, отнюдь не были полной неожиданностью для сибирских рабочих. Наоборот, можно сказать, что Сибирь в значительной мере была подготовлена к Октябрьским дням и во многих местах имела уже длительный опыт борьбы за власть Советов.

Уже начиная с июньских дней Сибирь в своем громадном большинстве начала с большой подозрительностью относиться к Временному правительству, возглавляемому Керенским. Особенно себя зарекомендовал в этом отношении Красноярск, который за свою оппозицию получил название «Сибирский Кронштадт». Следуя примеру своего губернского центра, вся Енисейская губерния очень быстро осоветилась, и Керенский поставлен был в необходимость принимать карательные меры для успокоения «крамольной» губернии.

Вообще нужно сказать, что Советы рабочих и солдатских депутатов привились в Сибири сравнительно легко. Причиной было то, что Сибирь, место ссылки и каторги, густо напитанная политической ссылкой, отличалась левыми настроениями и это, безусловно, содействовало моральному, а позднее и реальному укреплению Советов, в которых сибирские рабочие видели естественное завоевание революции, что считали своим долгом старательно оберегать. Особенно это резко выявилось в приложении к Омску, где развернулась борьба между омским Советом и Керенским в вопросе из-за военного округа. Омский Совет не пожелал подчиниться Петрограду, не принял присланного из Петрограда генерала и самостоятельно назначил командующим Западно-Сибирским округом тов. Половникова. Этот случай окончательно компрометировал Сибирь в глазах Керенского, и он метал уже в сентябре громы и молнии по адресу непокорных сибиряков. Летели призывы явиться в Петроград, где-то в канцеляриях военного министерства писались постановления о предании суду. Но пришли Октябрьские дни, и набежавшая революционная волна все это безвозвратно смела в своем стремительном беге.

Первые известия об Октябрьских днях меня настигли в Омске, куда я приехал из Петрограда после нудной канители Демократическим собранием и Предпарламентом. Выехав за несколько дней до начала событий, я был знаком как с общим ходом назревших событий, так равно и с предположениями наших партийных кругов, подготовлявших Октябрьские дни. Известия об удачном исходе борьбы первых дней, которые стали мне известны в Омске, не только порадовали меня, но и конкретизировали те задачи, с которыми я выехал в Сибирь. Выезжая из Петрограда, я предполагал в различных рабочих центрах Сибири прочесть ряд лекций о Красном Петрограде, теперь приходилось нести весть об Октябрьских днях в Петрограде.

В Омске встретили известия об октябрьском выступлении рабочих с большим подъемом. Во главе омского Совета в этот момент стоял Константин Андреевич Попов, известный еще по временам подполья в Сибири работник, интернационалист, с большим левым уклоном. Омский Совет депутатов, созванный в гарнизонном собрании, прошел с большим подъемом и высказался за поддержку петроградских рабочих. Несколько хуже шло дело с общественными организациями, которые тоже были созваны на заседание в городской думе. Это заседание было чрезвычайно характерно для понимания настроения среди эсеровски настроенной интеллигенции. У меня очень живо сохранилась в памяти картина этого заседания.

Довольно жалкая фигура керенского комиссара, Новоселова, который беспомощно лепечет, что он как представитель власти Временного правительства не может допустить расклейки воззваний, приветствующих свержение Временного правительства. В стороне, на отлете застыла несуразная фигура будущего вождя сибирской реакции, тогда «революционного» прокурора — Вологодского. Последний молчит, но вся фигура его дышит ненавистью. В углу толпится группа из крестьянского союза, которая представляет организованную оппозицию, но среди них царит растерянность, и они шаг за шагом сдают свои позиции и в конце концов подписывают воззвание к населению, в котором факт октябрьского переворота признается и население призывается к поддержке Советов.

Предшествующая борьба за округ вполне обеспечивала омскому Совету поддержку гарнизона и воинских частей, находившихся в округе, и казалось, что вокруг лозунга октября «Вся власть Советам!» сплачиваются все реальные силы, способные бороться. Но после нескольких дней перерыва пришли вести о выступлении в Петрограде юнкеров и московских событиях. Среди эсеровских и кадетских кругов Омска началось оживление, которое в дальнейшем вылилось в попытку омских юнкерских школ произвести арест командующего войсками Половникова и целого ряда других товарищей. Но это не удалось; намечавшееся выступление было быстро ликвидировано, а активно действовавший в этом деле кадет Жардецкий скрылся. (Кстати сказать, этот Жардецкий впоследствии был самым активным сторонником Колчака, выступая как лидер сибирских кадетов.)

Следуя намеченному плану, прежде чем ехать на восток, я решил проехать на Алтай, где должен был прочесть несколько лекций.

Волна Октябрьской революции уже непосредственно катилась в глубь Сибири, наполняя самыми последними новостями очевидцев, которые ехали из Петрограда по сибирской железнодорожной магистрали. В переполненных вагонах стоял бесконечный шум от жарких споров, кипевших во всех углах.

Споры идут все об одном и том же: удержится ли власть Советов.

— Удержим, безусловно удержим,— с твердой решительностью говорит сидящий рядом со мной рабочий.

— Сомневаюсь, чтобы при такой разрухе вам это удалось сделать,— возражает ему с заметным раздражением какая-то чиновничья фигура.

Рабочий энергично трясет кулаком под самым носом своего оппонента и вразумительно поучает:

— Разруху может исправить только сам рабочий, но он должен знать, на кого он работает: если для себя, для своей Советской власти, то он может приналечь на работу... может лишнего поработать. У нас, в Красноярске, мы не раз этот способ испробовали...

На верхней полке спорят солдат с амурским казаком по поводу Декрета Совета Народных Комиссаров о земле, который солдат везет с собой и сейчас знакомит с его содержанием казака.

У всех на устах одно — героическая борьба петроградских рабочих и обсуждение первых шагов новой центральной Советской власти.

В Барнауле я нашел заметное оживление в рабочих кругах. Барнаульский Совет рабочих депутатов уже начинал подбирать вожжи власти, вызывая довольно упорное сопротивление со стороны меньшевиков и эсеров, которые до этого довольно крепко держали власть в своих руках.

Партийные организации собрали свои силы, спешно приводя себя в боевую готовность. Но здесь чувствовалась оторванность и отсталость сравнительно с тем, что было в городах, лежащих непосредственно на магистрали. Здесь только еще раскачивались; но можно уже было с уверенностью сказать, что барнаульские рабочие должны были раскачаться, и они это скоро сделали.

Покончив с неотложными делами, я спешно выехал на восток, в Иркутск.

Иркутск в этот момент являлся центральным пунктом Сибири. Здесь в последней половине октября происходил всесибирский съезд Советов, который выделил из своего состава первый сибирский Центральный Исполнительный Комитет Советов (Центросибирь), который должен был объединить в Сибири борьбу за Советы. Здесь оказался сосредоточенным ударный кулак будущих советских работников в Сибири. Но наряду с этим здесь же, в Иркутске, находились наиболее крупные силы эсеров и меньшевиков, которые имели более крепкие, чем в других местах, организации. Было ясно, что здесь должен был произойти решительный бой за то, быть или не быть Советам в Сибири.

Наряду с сибирским ЦИКом Советов, который только что народился и представлял больше агитационный, чем деловой орган, в Иркутске имелось восточно-сибирское окружное бюро Советов... которое имело характер делового советского органа, который стоял наряду с краевым комиссаром Восточной Сибири и занимал по отношению к последнему контролирующее положение.

Но в этом восточном окружном бюро Советов сидели главным образом меньшевики и эсеры, и поэтому первый удар сибирского ЦИКа Советов и иркутской организа-

ции был направлен на овладение этим органом. Параллельно шла борьба с эсерами и меньшевиками за иркутский городской Совет.

Известия об Октябрьских днях в Петрограде и Москве обострили развертывавшуюся борьбу. Но эсеры, которые, главным образом, стояли у власти, чувствовали себя крепкими. В их распоряжении были четыре имевшиеся в Иркутске юнкерские школы, и они полагали, что это достаточная гарантия против стремления иркутских рабочих к захвату власти. Но на всякий случай они приняли меры: был образован «комитет охраны» из трех: эсера Е. Тимофеева, меньшевика Патлых и капитана Копейкина. Этот комитет принял меры к усилению вооружения юнкерских школ, куда из арсеналов юнкера возами начали возить пулеметы, гранаты и т. п.

Между тем борьба иркутских рабочих и гарнизона против остатков керенщины приобретала все более острый характер. Переизбранный иркутский Совет оказался фактически в руках большевиков. Восточное окружное бюро, пополненное делегатами с мест, тоже имело уже в себе значительное большевистское ядро. Эсеры, чувствуя, что почва уходит из-под их ног, решили дать бой.

Вечером 8 декабря юнкера под предлогом, что их собираются разоружать, сделали нападение на Белый Дом, где помещались советские органы и где находился штаб только что начавшей организовываться Красной гвардии.

Несмотря на напряженность атмосферы политической борьбы, выступление юнкеров все же было неожиданным. Но юнкера и их руководители, эсеры, недооценили положение: они полагали, что разгромом Белого Дома будет исчерпана борьба, и здесь они жестоко ошиблись.

Лишь только прозвучали первые выстрелы и иркутскому гарнизону стало известно о выступлении юнкеров, последний быстро вышел на улицу и принял бой, который был упорным и длился почти без перерыва восемь суток.

Юнкера заняли центральную буржуазную часть города, где они расположились в наиболее выгодных позициях. Солдаты и рабочие сосредоточили свои основные базы в предместьях Иркутска — в Глазкове, Знаменском и за Ушаковкой. В руках гарнизона оказалась артиллерия, и она была пущена в ход против юнкеров, засевших в отдельных зданиях.

В первые дни борьбы весь фокус событий сосредоточивался на Белом Доме, где героическая кучка борцов за Советскую власть упорно держалась, отбиваясь от наседавшего врага. У защитников Белого Дома не было ни патронов, ни пищи, им приходилось терпеть муки и от начавшихся морозов, так как все стекла оказались выбитыми. Но, несмотря на все это, Белый Дом держался на протяжении почти пяти дней.

Я попал в Иркутск в разгар событий и с места в карьер, по предложению Военно-Революционного Комитета, должен был организовать выпуск «Известий Военно-Революционного Комитета». Перебросившись несколькими словами об очередных лозунгах для первого номера, вместе с товарищем Гершевичем (в дни чешского мятежа он был повешен ими), мы отправились искать типографию. Под градом пуль мы перебрались из района понтонного моста, около которого в здании гимназии Гайдук помещался штаб. С небольшим отрядом красногвардейцев мы заняли типографию штаба военного округа, где начали выпуск «Известий» (выпустили мы за время борьбы пять или шесть номеров).

У юнкеров также был свой штаб, в котором, наряду со старыми царскими офицерами, сидели: иркутский городской голова эсер Чингинадзе, эсер Яковлев (будущий сподвижник Колчака). Однако руководители юнкерского мятежа оказались политическими младенцами и не учли того общеполитического значения, которое должно было иметь их выступление. Начавшийся в Иркутске бой за Советскую власть был набатом, который призывал трудящиеся массы Сибири к ответной борьбе и поддержке иркутского гарнизона и рабочих. И этот набат был услышан. Иркутские рабочие и солдаты уже с первых дней начали получать подкрепления с разных сторон. Первыми пришли черемховские рабочие, за ними потянулись эшелоны красногвардейских отрядов из Канска и Красноярска.

Видя такой оборот дела, руководители юнкеров пробовали парализовать эту помощь путем перерыва сообщения по понтонному мосту, который они подожгли. Но и перерыв прямой связи результатов не дал. Сибирь откликнулась на призыв Иркутска, в котором она видела «сибирскую Москву», и продолжала слать помощь. Между тем и обыватели, особенно буржуазных кварталов, в которых сидели юнкера, почувствовали безнадежность юнкерской авантюры, и это окончательно предрешило ее конец...

Сибирские рабочие и солдаты в лице иркутских бойцов разгромили главную твердыню керенщины в Сибири. Победа Советской власти была обеспечена.

Волна пролетарской революции смыла преграду юнкерского мятежа декабрьских дней в Иркутске и победно покатилась дальше на Дальний Восток, чтобы окончательно довершить победу октябрьских славных боев петроградских пролетариев. ●

1917 — 1987

XXVII съезд КПСС глубоко, по-ленински осмыслил переживаемое время, соединил в своих решениях величие целей и реализм возможностей. Бескомпромиссная, открытая оценка всего, что мешает идти вперед,— это принципиальная, ленинская позиция, показатель силы партии. В современных условиях, как было подчеркнуто на январском и июньском Пленумах ЦК КПСС, наше общество вновь проверяется на динамизм, на способность быстро подниматься по ступеням прогресса. В каждой сфере деятельности советских людей, в каждой отрасли знаний, в каждой области искусства идет осмысление поставленных партией задач применительно к собственной работе, началось выполнение их. Именно это отражают статьи раздела. Здесь идет речь о том, как и где сегодня делается наука, как лучше организовать «производство знаний», рассматривается место в нем молодых ученых, раскрываются пути исследования самого нашего общества и некоторые выводы из уже проведенных исследований, разбираются вопросы экологии и значение информатики для решения глобальных проблем современности.

НАУКА: ЗАДАЧИ, ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ

«Перестройка — весьма наукоемкий процесс»

Интервью с президентом Академии наук СССР академиком Г. И. Марчуком

— Гурий Иванович, в последнее время вся деятельность Академии наук проходит под знаком больших перемен. Началось осуществление целой программы преобразований в работе штаба советской науки. Каковы же главные направления перестройки в Академии наук СССР, чем они определяются, в чем их специфика?

— Прежде всего подчеркну: смысл происходящего сейчас в академии — не в ее реоргвнизации как таковой. Перестроиться, обрести новое качество должно само содержание нашей деятельности, и в первую очередь — деятельности по развитию фундаментальной науки, что является главной задачей Академии наук СССР и за что она ответственна.

Мы должны выйти на передовые рубежи, достичь наивысшего мирового уровня на ключевых, приоритетных нвправлениях фундаментальных исследований. Это проблема государственного значения. И то, что делается,— не внутриакадемическое мероприятие, но составная часть, а во многом и основа, тех поистине революционных, рассчитанных на длительную перспективу преобразований, которые происходят сейчас в стране: радикальная интенсификация экономики на основе нового хозяйственного механизма, резкое наращивание темпов социально-экономического развития, всесторонняя демократизация общества, активизация человеческого фактора — вот этим и определяются главные задачи наших преобразований, их характер.

Еще раз подчеркиваю — развитие фундаментальных исследований. Они нужны и как база развития самой науки, и как источник принципиально новых идей для создания машин, технологий, материалов. Эти идеи, лабораторные образцы, «пробирочные» технологии, предложенные академической наукой, должны в конце концов овеществляться с помощью отраслевой науки. Такова формула, которая была, есть и будет основополагающей для определения места академической науки и ее воздействия на народное хозяйство.

Сейчас нужны не улучшенные, даже не просто новые, но принципиально новые технологии и материалы. А они рождаются только на базе глубоких фундаментальных разработок. Собственно, это давно уже было сказано: нет ничего практичнее хорошей теории. Сейчас из этого больцмановского афоризма исчезла былая парадоксальность: другого пути революционизировать общественное производство, кроме как через фундаментальную науку, просто не существует. Именно развивая фундаментальную науку, мы в конечном счете получили огромный практический эффект — неизмеримо более крупный, чем при нацеленности на узкую практическую задачу. Таковы взаимоотношения, при которых и наука, и производство стимулируют интенсивное развитие друг друга.

Все это достаточно очевидно, однако практической реализации таких отношений часто не удавалось добиться. В результате страдали и производство, и наука, в обеих сферах развитие оставалось в основном экстенсивным.

— Как при этом должны обеспечиваться правильные отношения с промышленностью?

— Мы долго ждали, когда наука будет восприниматься органически, активно всем народным хозяйством. Давно было ясно, что путь экстен-

сивного развития имеет предел; и фактически этот предел проявился уже несколько лет назад. Экстенсивному развитию сопутствовал директивный план. В свое время директивное планирование позволило вовлечь в сферу общественного производства все ресурсы, которые у нас имелись. Это было весомое преимущество в развитии нашей экономики, когда надо было в кратчайшие сроки достичь заданных объемов производства основных видов промышленной продукции. Интенсивный путь развития требует уже меньших объемов производства, но большей его интеллектуализации, наукоемкости, а также сочетания плана с инициативой. И поэтому принципиально меняется отношение к научным разработкам, к технологии.

Ситуация с внедрением результатов научных исследований, какой она была у нас до недавнего времени, хорошо известна. Промышленность, во-первых, не была заинтересована в реализации новых технологий и технических решений, в переходе на выпуск новой продукции и, во-вторых, зачастую не могла воспринимать технические и технологические новшества. Сотни совершенно готовых разработок не внедряются годами и десятилетиями, потому что предприятия находят гораздо более легкие и выгодные — для них, а не для народного хозяйства! — пути, чтобы добиваться тех показателей, которых от них требуют. Точнее, кое-что директор завода охотно внедрит, но, как правило, лишь то, что упрощает, удешевляет уже налаженное производство, а не революционизирует его.

— Какие же пути намечены для достижения всех этих целей, каковы главные направления перестройки работы академии?

— Главных направлений — четыре. Во-первых, совершенствование прогнозирования и перспективного планирования научных исследований, а также практической реализации их результатов. Во-вторых, перестройка управления наукой. В-третьих, коренное улучшение координации научных исследований в системе академической, вузовской и отраслевой науки на базе крупнейших общесоюзных программ. Наконец в-четвертых — это совершенствование кадровой политики.

Прежде всего хочу подчеркнуть, что прогнозирование, выявление долгосрочных тенденций и перспектив развития фундаментальной науки не является совершенно новой для академии задачей. Попытки прогнозирования развития науки предпринимались и в прошлом. Но сейчас она становится одним из важнейших компонентов перестройки, составляет ее суть, потому что прогноз — это одновременно и программа действия: что делать, чтобы сохранить передовые позиции на тех направлениях, где они достигнуты, а по другим — быстро выйти на мировой уровень. Прогноз определяет ориентиры и средства, с помощью которых будут достигнуты передовые рубежи в фундаментальных исследованиях, то есть затрагивает все аспекты деятельности Академии наук.

Началось формирование программ фундаментальных исследований на ближайшие три-четыре пятилетки. В сущности, эти программы будут общесоюзными, с четкой ориентацией на революционные нововведения, то есть на принципиально новые технологии и материалы, новые конструкции машин. Таким образом, будет выполнено основополагающее указание XXVII съезда КПСС о том, что Академия наук должна стать координатором научной работы в стране, интегратором всех фундаментальных направлений науки.

Чтобы обеспечить действенное прогнозирование и определение приоритетных направлений, необходимо прежде всего глубоко, всесторонне и самокритично проанализировать состояние и результаты научных исследований в каждой отрасли знания, в каждом научном учреждении. Этот анализ должен сопровождаться предложениями по развитию важнейших научных направлений.

Показателен и такой факт. Работа по прогнозированию и долгосрочному планированию теперь охватывает не только естественные и технические, но и общественные науки. И это понятно: в нынешних условиях именно общественные науки теоретически обеспечивают процесс перестройки, которая, собственно, сама должна стать практическим воплощением широкой прогностической научной концепции.

— То есть сама перестройка — весьма наукоемкий процесс?

— Да, и это потребует прежде всего развития общественных наук. Огромную работу предстоит проделать по совершенствованию всей системы социалистических производственных отношений, способов реализации общественной собственности, по развитию социалистической демократии, активизации человеческого фактора. Таким образом, общественным наукам предстоит решать важнейшие практические задачи нашего развития, и притом с установкой на оперативное внедрение. Важно, что здесь неизбежно должен проявиться благотворный эффект обратной связи: такая практическая установка не может не революционизировать сами общественные науки.

Трудность этой работы усугубляется многими проблемами в развитии самих наших общественных наук. В этой области накопилось большое число устаревших концепций, мешающих раскрытию реальных закономерностей, да и реальных противоречий развития нашего общества, факторов, способствовавших формированию того механизма торможения, о котором говорил Михаил Сергеевич Горбачев. Во многих общественных науках наблюдались устойчивые тенденции к схоластическому теоретизированию, пустословие, нежелание изучать реальность. Конечно, заметно сказалась на эффективности исследований и слабая восприимчивость к новым идеям, прежде всего в области экономики, со стороны центральных органов планирования и управления.

— То есть и здесь имеются свои специфические трудности с «внедрением»?

— К сожалению, не только с этим. Субъективные факторы тоже наложили известный отпечаток на сложившуюся ситуацию в данной области.

Итак, в общественных науках в качестве приоритетных выделено три крупных комплексных направления. Первое — экономика. Это совершенно естественно. Сейчас нам необходима целостная концепция нового хозяйственного механизма, поскольку, как известно, партией и правительством намечен ряд крупных реформ в области финансов, кредита, ценообразования, форм организации производства. Для них необходима серьезнейшая теоретическая основа. Определение оптимальных пропорций развития путей реконструкции народного хозяйства. Все это требует углубленных экономических исследований.

Надо сказать, что сейчас в экономической науке просматриваются определенные положительные тенденции. Была учтена серьезная и справедливая критика в ее адрес, в том числе и с трибуны XXVII съезда партии. Сейчас практически во всех наших экономических научных учреждениях идет серьезная переориентация на актуальные проблемы. Процесс это нелегкий, даже болезненный, но он уже идет.

Второе направление — социально-экономическое прогнозирование, определение тенденций и перспектив социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса. Тут есть некоторые успехи; но по сравнению с тем, что требуется, они совершенно недостаточны.

Третье приоритетное направление — весь комплекс дисциплин, связанных с науками о человеке. Здесь объединяется особенно много специалистов: социологи, психологи, экономисты, философы, юристы, медики, экологи, историки, искусствоведы и многие другие. Особое значение для нас приобретает социология.

Мы ничего не сможем сделать практического, если не развернем глубокие, интенсивные, квалифицированные демографические исследования, изучение социальной структуры общества, национальных и межнациональных отношений, мотивов социального поведения и трудовой деятельности, проблем молодежи, женщин, представителей старшего поколения. И, конечно, эти исследования должны быть методологически строгими и объективными. Так же, как история должна изучать то, что было на самом деле, так и социология обязана исследовать то, что на самом деле есть. Иначе она лишь воспроизведет те априорные схоластические положения, которые так часто мешали развитию.

Большое место в комплексе наук о человеке занимают исследования в области права.

Внимание ко всей совокупности проблем человеческого фактора в АН СССР усиливается. В частности, можно напомнить об организации нового научного совета АН СССР по комплексным проблемам человека. Однако в целом по этому направлению сделать предстоит еще очень многое.

Руководство Академии наук считает, что на развитие общественных наук сейчас не следует жалеть средств и что в этой области должны быть обеспечены все необходимые условия для продуктивной научной деятельности, тем более, что финансовые затраты для этого требуются относительно небольшие. Чтобы обеспечить эти условия и добиться максимальной отдачи, надо усилить внимание к формированию структур и штатов гуманитарных институтов. Особенно важно привлечь туда талантливую молодежь и обеспечить ей возможность плодотворной работы.

Что касается других направлений, то и здесь правильнее будет выделить в качестве приоритетных целые комплексы дисциплин, развитие которых обеспечивает все остальные. Собственно говоря, эти направления ключевые, решающие для обеспечения экономической рентабельности современного производства и качества продукции: электронно-вычислительная техника (и шире — то, что сейчас называется «информатикой»), новые материалы и, наконец, приборы для научных исследований.

Наше пристальное внимание к этим областям объясняется не только их решающей ролью в ускорении научно-технического прогресса. Надо откровенно признать, что это как раз те области, где наше отставание от наивысшего мирового уровня сложилось наиболее заметно, хотя, разумеется, есть и успехи. Как известно, в 1985 году в системе АН СССР возникло целое новое Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации, а в его составе — более десяти научных учреждений. Это важный шаг в развитии академической науки.

Наряду с этим обязательно нужно назвать такое направление, как биотехнология, которая обеспечивает не только интенсификацию всего сельскохозяйственного производства, но и получение уникальных медицинских препаратов. Развитие этого направления также пока не удовлетворяет нашим потребностям. Замечу, что сейчас в промышленно развитых странах особенно бурно растут капиталовложения в эту сферу как одну из высокоприбыльных. В нашей стране это хорошо видно на примере известного Института органического синтеза АН Латвийской ССР. Этот академический институт, используя свою опытно-промышленную базу, наладил выпуск целого ряда лекарственных препаратов, в том числе на основе методов клеточной и генной инженерии. Эти препараты пользуются заслуженным успехом не только у нас, но и в других странах. Таким образом, в биотехнологию нам также потребуется вложить много сил и средств.

Перечислены лишь самые важные из приоритетных направлений, которые предстоит вывести на мировой уровень. На самом деле их гораздо больше; они требуют работы по-новому от каждого отделения, каждого академического института. Организационным обеспечением такой работы и должна стать перестройка всей структуры и системы управления АН СССР.

— Можно ли кратко выразить суть этой организационной перестройки?

— Это, во-первых, устранение чрезмерной централизации управления научной деятельностью, углубление демократических начал и гласности в управлении наукой, во-вторых, создание более гибкой структуры научных учреждений и, в-третьих, развитие региональной организации науки.

До сих пор отделения осуществляли лишь научно-методическое руководство своими институтами. Теперь расширены права отделений, которые стали основными научными и научно-организационными центрами. Отделениям переданы полномочия по утверждению основных направлений исследований, по организации и обеспечению работ, по решению кадровых вопросов. На них возложена главная ответственность за состояние и уровень фундаментальных исследований по их профилю, за выход нашей науки на мировой уровень.

Наука делается в институтах. Там формируется методология исследований, поиска, там рождаются конкретные достижения. Поэтому следующее звено организационной перестройки — научные учреждения. Здесь имеется в виду создать более гибкую организационную структуру институтов, повысить их самостоятельность и научную ответственность. Это позволит быстрее организовывать разработку новых, более актуальных научных направлений и проблем, быстрее реагировать на изменяющиеся процессы в науке, эффективнее использовать научные кадры. Только тогда мы сделаем перестройку инструментом повышения эффективности фундаментальных научных исследований.

Теперь несколько слов о развитии региональ-

ной науки. Конкретно речь идет прежде всего о том, что несколько месяцев назад Дальневосточный и Уральский научные центры АН СССР были преобразованы в отделения — такие же, как Сибирское. Именно его опыт, его история и современные достижения помогли осознать плодотворность этого пути развития нашей, академической, науки, так сказать, пути регионализации. Ее суть — тесная связь с местными государственными и партийными органами, опять-таки для совместного, взаимного развития: научный центр помогает решать практические проблемы региона, местное руководство всемерно способствует его росту. Здесь саморазвитие, о котором говорилось вначале, выступает особенно наглядно. Опыт показывает, что такое содружество дает гораздо больший эффект, чем непосредственное руководство региональной наукой из центра.

Оба созданных региональных отделения мыслятся как совершенно новые образования. Дальний Восток и Урал — очень своеобразные, специфические регионы, со своими нетривиальными проблемами. Здесь нет возможности говорить о них по существу, но важно то, что чем больше специфики имеет регион, тем благоприятнее в нем и перспективы развития фундаментальной и региональной науки. Подключаются местные вузы, НИИ, НПО, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, возникает особый микроклимат, может быть, совершенно другой, чем в Сибирском отделении, но столь же благоприятный, потому что все питается живыми потребностями, реальными проблемами.

— Видимо, заговорив об этом, вы приблизились к третьему направлению перестройки — в области координации научной деятельности. Какова здесь главная цель?

— Основным звеном в координационной деятельности Академии наук СССР должны стать отделения как научные и научно-организационные центры академии. Академия должна координировать всю академическую науку с вузовской и отраслевой на базе общесоюзных программ по важнейшим направлениям науки.

Сейчас в этой области ясно обозначилась очень нежелательная тенденция — известный отрыв деятельности некоторых республиканских академий от деятельности Академии наук СССР. В свое время, когда академии наук республик были слабыми, они направляли довольно много специалистов в аспирантуру и докторантуру ведущих академических учреждений страны. Благодаря этому лет десять — двадцать назад во многих республиках появились научные школы, признанные во всем мире. Но постепенно академии наук укреплялись, образовывали собственные учреждения и структуры по образцу центральных и в какой-то момент некоторые из них замкнулись в себе. Началось воспроизводство кандидатов, докторов наук преимущественно или целиком на местах, а отсюда — наметившийся отрыв от общих задач развития фундаментальных исследований в стране.

Теперь мы видим, что, когда академии наук союзных республик сильно выросли, Академия наук СССР не нашла новых форм плодотворного взаимодействия с ними. В свою очередь республиканские академии не проявляли инициативы в обмене специалистами, предпочитая сами развивать свою науку. Надо добиться, чтобы в каждой республиканской академии было небольшое число научных направлений, о которых бы знал весь мир, другие же должны давать пищу для вузовской и отраслевой науки. Такая ситуация сложилась в некоторых академиях — украинской, белорусской, армянской и некоторых других. Они имеют свое лицо в науке, их исследования, как правило, имеют высший мировой уровень.

— Последнее из названных вами направлений перестройки — кадровая политика.

— Это давно назревшая проблема, но к ней не сводится все. В целом речь идет о правильном сочетании молодых и зрелых ученых, объективной оценке результатов научной деятельности и соответствующем поощрении каждого работника.

Важнейшим принципом должно стать непрерывное обновление кадров института. Анализ показывает, что в институтах Академии наук четыре-пять процентов кадров меняются естественным путем: уход на пенсию, переход на другую работу и т. д. Предлагаемый президиумом механизм ежегодного обновления кадров академического научного учреждения, по-видимому, требует ежегодного обновления в среднем на пять процентов.

— Пять процентов в год? Значит, через двадцать лет состав института полностью сменится? И вообще, в нем не останется людей старше сорока пяти лет?

— В среднем, все это только в среднем. Кто-то уйдет через пять лет, кто-то проработает тридцать. Ни один разумный руководитель не заинтересован в механическом отключении от работ людей пожилого возраста — без их мудрости не обойтись нигде. А в науке тем более важен индивидуальный подход, учет личного творческого потенциала. Я уже не говорю о том, что для развития науки недопустима потеря огромного научного, жизненного, нравственного опыта старшего поколения академии, который связывает поколения ученых.

Гибкий, неформальный подход к кадровой политике Академии наук СССР — обязательное условие перестройки нашей работы, перехода науки на интенсивный путь развития.

Здесь надо иметь в виду, что Академия наук СССР и академии наук союзных республик — организации довольно консервативные в структурном отношении. Консерватизм проник глубоко, утвердился прочно, и сейчас мы становимся рабами тех структур и традиций (в том числе отрицательных), которые копились десятилетиями. Самая главная опасность — окостенелость организационных форм в институтах. А попытки молодежи вырваться из жестких рамок иногда заканчиваются просто увольнением из института. Как правило, руководитель отдела препятствует переходу своего сотрудника в другой отдел или исследовательский коллектив. Это почему-то считается неэтичным, даже позорным актом.

Между тем весь мир перешел на гибкие коллективы, на конкурсное решение возникающих научных проблем. Из состава института быстро формируется новый коллектив, в который могут привлекаться и специалисты со стороны. В наших учреждениях такой мобильности еще нет, но мы должны сделать это возможным, создать людям условия для полного раскрытия творческого потенциала каждого человека и коллектива в целом. ●

Интервью взял Б. Понкратов

Т. Заславская, академик

«Перестройка соответствует стратегическим интересам большинства»

— В серьезные переломные моменты жизни человек обычно задумывается о прошлом, пытается осмыслить настоящее, как бы поднимаясь над буднями. Наверное, то же самое происходит и с обществом. Мы сейчас переживаем как раз такой момент, мы — на переломе исторической судьбы общества. Сейчас многие пытаются понять: кто мы? куда идем? Мнение обществоведа тут, естественно, первое...

— Как говорят, спросите что-нибудь полегче... Вы ведь спрашиваете меня как ученого, верно? К сожалению, наука пока не готова к тому, чтобы отвечать на такие вопросы. Вот скажите, а что такое вообще перестройка?

После июньского Пленума ЦК партии можно более определенно говорить о направлении экономических преобразований, но ведь ими перестройка не исчерпывается, это же очевидно. Новые социальные процессы начались во всех сферах жизни. Может быть, какие-то из них вступают в противоречие друг с другом? Мы не знаем. Сейчас на вооружении у науки должно быть как минимум две модели: переходного периода и того идеального состояния, к которому общество должно двигаться. Но, насколько я знаю, их нет.

— Это упрек обществоведам, в том числе и себе?

— И да, и нет. Ругать обществоведов у нас принято в любых ситуациях. Но только ли в обществоведах, в их нерасторопности, нелюбознательности дело? Кто виноват в том, что к нынешним революционным переменам мы пришли со столь слабой теорией обществоведения? Не стоит забывать, что долгое время на нее не было социального заказа, управлению она была не нужна. Любая попытка, развивая теорию, отойти от окаменевших в цитатах догм в лучшем случае воспринималась настороженно, чаще расценивалась как политическая ошибка, а это, знаете, было чревато крупными неприятностями. Я уж не говорю о тридцатых — сороковых годах, но так было и до последнего времени.

У нас общественные науки в огромной степени ориентированы на управление. Не только в той явно конъюнктурной части, которая состоит в привязке общепринятых на данный момент теоретических положений к каждому высказыванию «свыше». И не только в столь же конъюнктурных конкретных исследованиях с заранее заданным результатом: если известно, что однородность общества «должна» возрастать, то такие исследования обязательно зафиксируют стирание граней между рабочими и крестьянами, городом и деревней, умственным трудом и физическим, хотя не вооруженный теорией обычный взгляд легко обнаруживает и противоположное.

Я сейчас о другом. О том, что и честные ученые не страха или корысти ради, а из лучших побуждений часто готовы откликнуться на просьбу-приказ управления срочно представить им научные рекомендации по какому-то поводу. В том числе и по проблеме, специально не изучавшейся. Основанные не на теории, а скорее «на здравом смысле», эти рекомендации сообщают управленцам мало нового и вызывают скорее разочарование в науке.

Естественно, обслуживать нужды практики науке не только не запрещено, но это одна из ее важных функций. Однако именно «одна из...». Есть еще и ценность самой по себе теории, ценность научного познания. И еще одна функция: способствовать самопознанию общества. Увы, наша наука долго почти не работала на эти цели и в конце концов дожила до упрека, прозвучавшего с самой высо-

кой трибуны: мы не знаем общества, в котором живем.

— *Понятно, как внутренняя логика исследований привела вас от изучения конкретных социальных проблем к созданию экономической социологии. Но разрабатывая свою концепцию экономико-социологической структуры общества, вы же опирались на определенные теоретические принципы, посылки, традицию?*

— Конечно. Мы с моим соавтором, доктором экономических наук Р. В. Рывкиной, старались использовать весь тот немалый «задел», который был создан советскими и зарубежными учеными-марксистами. Разумеется, обращались и к Марксу, Ленину. Созданная ими мощная методология прекрасно работает и в приложении к нашему обществу сегодня.

Например, одно из центральных понятий марксизма — собственность на средства производства. В курсе политэкономии дается толковый анализ частной собственности на средства производства и ее социальных последствий при капитализме: соседство бедности и богатства, наемный труд, экономически обусловленное неравенство политических и общественных прав. Но стоит перейти к политэкономическому описанию социализма с его общественной собственностью, как человек, его интересы и деятельность, исчезают, изложение превращается в схоластику, в отвлеченные формулы, которые никак не удается связать с реальной жизнью вокруг нас. Так было во времена моего студенчества, так оно есть и до сих пор.

А понятие собственности на средства производства сохраняет свою объяснительную силу и для описания нашего общества на всех этапах его развития. Обобществленная собственность поступает в распоряжение государства. Я не историк, но думаю, что никогда и нигде в иных социально-экономических формациях государство не обладало одновременно такой политической, экономической и военной властью. Это дает ему исключительную возможность осуществлять целенаправленную программу развития общества. Но это же таит в себе и большие опасности: бюрократизма, масштабы которого обратно пропорциональны степени демократии в политической, общественной и экономической жизни страны, огромной степени риска каждого неправильного решения центра или просто решения, не принятого вовремя. В. И. Ленин не раз предупреждал об этих опасностях. Он говорил о близости природы социализма и государственного капитализма, «водораздел» между которыми определяется лишь тем, куда идет прибавочный продукт: на обогащение отдельных правящих групп или на удовлетворение потребностей всех членов общества, на решение социальных проблем. То есть различие всего в одном только шаге, в одном вопросе: в чьих руках власть. Причем шаг этот, как писал Ленин, в принципе можно сделать в обе стороны.

Отношение к труду и его результатам, активность общественной позиции людей сильно зависят от форм реализации общественной собственности — от того, насколько она общественная, а насколько — просто государственная, сколь многочисленны группы, имеющие возможность практически ею распоряжаться. Это — один из важнейших признаков, определяющих положение группы в обществе. Между прочим, специфическим отношением к средствам производства и общественной собственности можно объяснить не только статус министра, но и особое положение механизатора в деревне, шофера служебной машины, работника торговли.

Принципы, выдвинутые В.И. Лениным для определения социально-классовой структуры общества, тоже прекрасно работают и сегодня. Он опирался на три главные характеристики: отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размер потребляемой доли общественного богатства. Разные сочетания значений этих признаков и определяют социально-экономическое положение каждой социальной группы, ее интересы, ее поведение во взаимодействии с другими группами.

— *В вашей концепции экономика, да и вся жизнь общества, предстает как поле взаимодействия групповых интересов. Они, очевидно, определяют отношение и к перестройке. Но вообще социология, только возродившись в начале шестидесятых годов после насильственной летаргии, сразу заговорила об интересах работников как об объекте, который заслуживает самого пристального изучения. Сначала речь шла о вещах простых и всем понятных: человека не закрепишь ни в деревне, на на предприятии, если о нем не заботиться; развитие социально-бытовой инфраструктуры производства обязательно для развития самого производства.*

Следующий шаг сделали экономисты в предреформенных дискуссиях середины шестидесятых. Главной задачей реформы 1965 года они провозгласили согласование интересов отдельного работника, предприятия и народного хозяйства в целом. Эту задачу мы пытаемся решить до сих пор, на это направлены и последние партийные документы. Можно ли сказать, что вы развиваете идеи тех лет в своих последних работах? Что нынешняя экономическая политика сохраняет преемственность по отношению к этим идеям?

— Некоторая преемственность безусловна. Но за прошедшие годы произошел исключительной, на мой взгляд, важности сдвиг в представлениях о роли человека в экономике и в общественной жизни. Я имею в виду замену понятия «трудовые ресурсы» понятием «человеческий фактор».

Цель нашего общества много лет формулировалась так: создать условия для гармоничного развития человека, для удовлетворения его постоянно растущих потребностей. Но долго она была как бы некой абстракцией, приблизиться к которой можно будет лишь после создания необходимой материально-технической базы. А до тех пор население страны — прежде всего «трудовой ресурс» экономики, как бы в одном ряду с техническими, сырьевыми, энергетическими ресурсами.

Понятие «трудовые ресурсы» — экономическое, с его помощью удобно изучать процессы формирования, распределения, перераспределения и использования рабочей силы. Что экономисты и делали, и до сих пор делают. Но, хотим мы того или нет, за этим понятием стоит определенный образ работника — пассивного объекта управления. Ведь ресурсы не могут ставить собственные цели, не имеют личных интересов, не проявляют инициативы, вообще не действуют целенаправленно. Их формирует, распределяет и использует кто-то другой, исходя из внешних по отношению к ним общественных интересов.

О сохранении и воспроизводстве ресурсов надо заботиться. Можно именно так и понимать сущность социальных задач: прежде всего надо обеспечить работнику нормальную зарплату, необходимый минимум товаров и услуг. А разве не надо? До сих пор не хватает жилья, продовольствия, детских садов и так далее. До сих пор министерства и ведомства всячески урезают вложения в «соцкультбыт», латая за этот счет дыры в производстве и возводя новые заводы на голом месте. Вот против этого в основном и боролись социологи начала шестидесятых годов, доказывая, что люди не будут хорошо работать до тех пор, пока они плохо живут.

Но кто сказал, что «сытый», более или менее обеспеченный человек непременно станет «выкладываться» на работе, будет инициативно, по-хозяйски распоряжаться общественным добром? А от работника сегодня требуется именно такое отношение к делу. Ведь никакой «ресурс» — ни природа, ни техника — сам по себе не обеспечит интенсивного развития экономики.

Потребность в самостоятельном работнике и выдвинула новое понятие: «человеческий фактор». Слово «фактор» означает причину или движущую силу чего-либо; значит, акцент падает теперь на активную, движущую роль человека в экономике. Закрепленное во многих партийных документах, ставшее уже расхожим, новое понятие существенно потеснило «трудовые ресурсы». Правда, и за ним не стоит представление о человеке как цели производства (фактор — нечто служебное, нужное для чего-то иного), но за ним уже не стоит и представление о человеке как пассивном объекте управления. Это огромный шаг вперед, новая ступень развития общественного сознания, да и самого общества.

— *На предыдущей ступени подход к человеку как к трудовому ресурсу, а к общественной и экономической жизни — как к процессам полностью управляемым соответствовал степени развития общества?*

— Нет, такая примитивная схема никогда не отражала реальности. Я говорила: она пригодна только для узких, конкретных экономических расчетов, но никак не в качестве «философии управления». Человек по природе своей активен и был таким всегда. Социальная структура нашего общества на протяжении всего времени его существования была и остается гораздо сложнее традиционной схемы «рабочие — крестьяне — интеллигенция». И всегда была борьба групповых интересов.

— *Но все-таки прежняя концепция «трудовых ресурсов» работала, управление было достаточно эффективным, чтобы обеспечить индустриализацию, победу в тяжелейшей войне. Перестройка стала необходимой, когда старый метод руководства себя исчерпал...*

— Вряд ли нашу историю стоит описывать только как прямолинейное движение вперед. Если за эффективность приходится платить слишком дорого, она уже недостаточно эффективна. А «издержки» коллективизации? А массовые репрессии? Кто сможет доказать, что это было неизбежной платой за эффективность? Зато очень легко доказать, что определенным социальным группам это было выгодно и они активно реализовывали свои узкие интересы — за счет интересов основной части общества. Любой дефицит кому-то выгоден, будь то дефицит прав, информации, гласности, товаров или услуг.

— *Не слишком ли большой крен вы делаете на совершенствование распределительных отношений? Прежде надо бы увеличить «общественный пирог», тогда и доля каждого станет больше.*

— У вас «распределительные отношения» звучит очень уж материально...

1917 — 1987

В стране произошли огромные преобразования в области культуры.
Социализм предстает перед миром как строй, способный предложить гуманистическую альтернативу бесчеловечности и насилию...

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

1

Северное Бюро Центральн. Агентства В. Ц. И. К.
„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТЬ"
Печать — могучее оружие — используйте его пролетарии!

„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТЬ"
Если ты грамотен, собери неграмотных и читая им газету — это твой долг.

Северное Бюро Центральн. Агентства В. Ц. И. К.
„СЕВЦЕНТРОПЕЧАТЬ"
РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ — факел, освещающий путь к новой жизни.

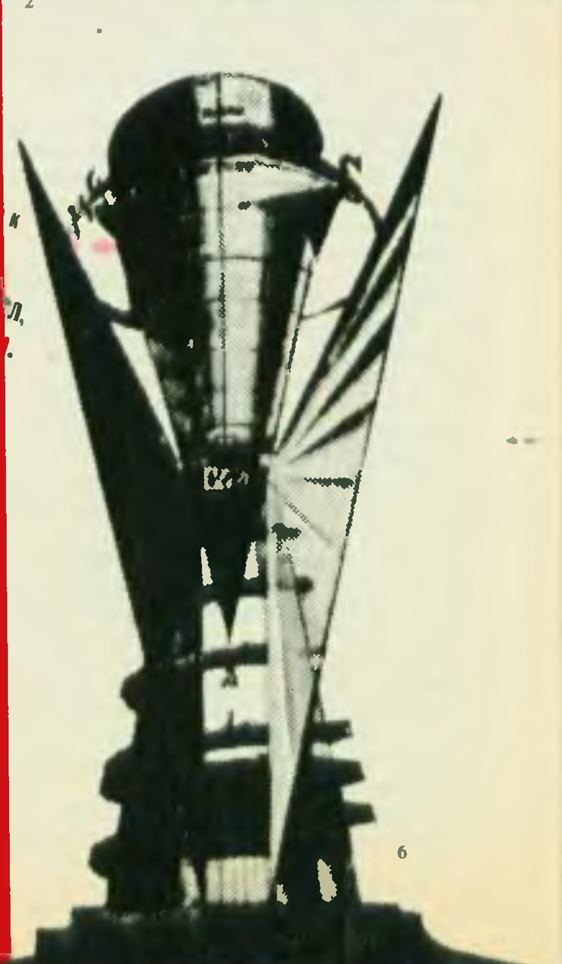
М. В. Фрунзе среди художников 1.
на VII выставке АХРР.
Митинг юных коммунаров в Туле. 2.
Выступает активист детского пролеткульта
Сергей Хайбулан. 1919 год.
Колонный зал Дома союзов. 3.
12 ноября 1986 года. Учредительная конференция
Советского фонда культуры.
А. М. Горький и К. А. Федин 4.
в Горках. 1934 год. Фото Э. Евзерихина.
А. Родченко. Пионер-трубач. 5.
К. Мельников. Конкурсный проект 6.
памятника Христофору Колумбу. 1929 год.
Эль Лисицкий. «Маяковский для голоса». 7.
Берлин. 1923 год.
Г. и В. Стенберги. Выставочный плакат. 8.
1932 год.
А. Родченко. Киноплакат. 1924 год. 9.
Виктор Синайский. Памятник Лассалю. 1921 год. 10.
Вера Мухина. Пламя Революции. 11.
Проект памятника Я. М. Свердлову.
1922—1923 годы.

4

2

6

3

7

ВЫСТАВКА
„плакат — на службе 5 пятилетки"

8

10

ГОСКИНО ГОСКИНО
КИНО ГЛАЗ

9

5

11

Есть два подхода к месту распределения в жизни общества — более узкий и широкий. Первый — по распространенной схеме: «производство — распределение — обмен — потребление». Другой — и он мне ближе — состоит в том, что распределение происходит на каждой стадии воспроизводства, то есть составляет необходимую часть и производства, и обмена, и потребления. На стадии производства, например, распределяются средства производства, рабочие места, профессиональные права и обязанности, наряды на выполнение работ, заработная плата. Понимаете, группы постоянно делят что-то между собой, и от результатов этой процедуры зависит не только положение каждой из них, но в конце концов — и величина «общественного пирога», как вы выражаетесь.

Страсти вокруг распределительных отношений разгораются не случайно. Работая на совесть, увеличивая тем самым национальный доход, а с ним — и общественный фонд потребления, можно увеличить и благосостояние группы, но ценой большого труда и очень постепенно, понемногу. Перераспределением же созданного можно увеличить благосостояние отдельных групп и вдвое, и втрое, и в десять раз, причем очень быстро. Разумеется — тут вы правы, — без увеличения «общего пирога», только за счет других групп.

— Что же это будет?!

— Почему «будет»? Разве этого не происходило и не происходит? Исследования фиксируют существование немалого числа групп с неоправданно высокими доходами. А вы разве с этим не сталкивались? Да когда вас обсчитывают в магазине или вы покупаете что-то по спекулятивной цене — это тоже перераспределение доходов.

Что же касается того, «что будет», я думаю, развитая социальная демократия даст общественным группам возможность ограничивать аппетиты друг друга.

Вы ведь занимались детской психологией, верно? Как ребенок учится жить среди себе подобных? Сначала все в компании хотят играть роль Красной Шапочки, и нет желающих на роль Волка; никто не хочет «водить», все хотят прятаться. Потом дети начинают понимать, что так нельзя, никакой игры не будет — и как-то договариваются между собой. Очередь, жребий, считалки — все это первые принципы социально грамотного распределения. Это и есть основа социализации — когда такие правила дети вырабатывают сами, приходя к неизбежной мысли ограничить свои притязания.

Нечто подобное происходит и в обществе. Во всем мире существует так называемый групповой эгоизм, и если он ничем не ограничен, если нет контроля со стороны других групп, последствия его могут быть страшными. Типичный пример — мафия. Демократия есть, в конце концов, всего лишь право каждой социальной группы выражать, защищать и реализовывать свои интересы. Это не кондитерское изделие, которое обязательно должно быть сладким и вкусным.

Главным «правилом игры» в жизни социалистического общества должен быть принцип социальной справедливости. Понятия о справедливости разнятся, они всегда подкрашены групповыми интересами, но все же есть в них здоровая общая основа. Несправедливо получать незаработанное, потому что оно обязательно у кого-то отнято. Несправедливо «стричь ренту» с плодородия земель, когда одинаково платят за урожай, снятый с черноземов, и за урожай, выращенный на бедных землях Псковщины. Несправедливо, когда одни принимают решения, а другие расплачиваются, если они оказались неверными.

— А вы уверены, что в свободной игре интересов будут выработаны именно эти, справедливые принципы? Пока очень активно заявляют о себе силы, особых симпатий не вызывающие,— национализм, спекулирующий на общей озабоченности сохранностью памятников культуры или тяжелыми последствиями алкоголизма, и так далее...

— Да, все это малосимпатично. Но разве плохо, что такие настроения, увлечения, группы открыто о себе заявили — мы их увидели, поняли, разве обществу нечего им противопоставить? Без гласности и демократии все это продолжало бы жить, только загнанное внутрь, затаившееся.

Но почему вы вспомнили об этом и не вспомнили, например, историю проекта переброски северных и сибирских рек? Ярчайший пример того, как против ведомственных интересов выступила общественность — и победила. Раньше она была куда пассивней. При жесточайшем жилищном голоде в городах строили дворцы, варварски истощали природные ресурсы — и за каждой такой акцией стояли чьи-то интересы, реализующие себя в сущности бесконтрольно, без всяких ограничений. Как у Пушкина: «народ безмолвствовал». А сейчас он наконец медленно, неумело начинает говорить о своих интересах, потребностях, выражать свое мнение. Заговорит погромче — задрожат кресла бюрократов...

Поймите, постоянное взаимодействие социальных групп и противоречия их интересов — не выдумка социологов, эти отношения нельзя «отменить». Можно их игнорировать, можно пытаться загнать в рамки мелочной регламентации. Но это, как мы знаем по опыту, чревато гораздо более серьезными нарушениями социальной справедливости.

Мне кажется, настоящая проблема сейчас — не в «избытке» демократии, а в нашем неумении с ней жить. Нужна определенная степень социальной развитости, социальной культуры, чем пока мы не блещем.

Чтобы стать реальной силой развития и перестройки, интересы, как минимум, должны быть осознаны. Социологические исследования показывают, что даже этот исходный процесс идет довольно медленно. Хотите парадокс? Знаете, кто больше всего доволен уровнем сельского общественного обслуживания? По нашим данным — жители самых неразвитых поселений, где нет даже магазинов и начальной школы. Или — из совсем другой «оперы» (об этом ваш журнал недавно рассказывал): директора заводов хотели бы свободно покупать нужные им для производства сырье, материалы, машины, запчасти, они против «карточного» распределения ресурсов. Но они же хотели бы сохранить принудительное, «карточное» распределение своей собственной продукции, чтобы гарантировать ее сбыт. Ясно, казалось бы, что это — элементы разных хозяйственных систем, которые не вяжутся друг с другом,— так нет, они спокойно уживаются в одних головах. Можно ли эффективно защищать свои интересы, если толком не знаешь, в чем они состоят? А ведь сегодня директора — одна из самых активных групп общества...

— Может быть, те, кто отвечали на анкету, не слишком верили в серьезность перемен и хотели, воспользовавшись моментом, привычно «выпросить» хоть что-нибудь? Мне кажется, взрослые люди обычно представляют себе, чего бы они хотели.

— Не уверена. Возможно, вы правы насчет тактических, но не стратегических интересов.

Тактический интерес — конкретный, сиюминутный. А стратегический состоит в том, чтобы обеспечить долговременную возможность реализовывать свои интересы. Помните, как В. И. Ленин воевал с «экономистами», упрекая их в том, что, борясь за «рабочую копейку», они пренебрегают гораздо более важным — политическими, то есть стратегическими интересами?

Казалось бы, очевидно: предприятиям надо дать большую самостоятельность, так как директора заводов и председатели колхозов связаны по рукам и ногам мелочной регламентацией. Вы думаете, они спят и видят, как получить эту самостоятельность? Мы тоже так думали, когда начинали свое исследование, но потом пришлось убедиться, что это не совсем так. Проблема номер один для них — это материально-техническое снабжение, а не хозяйственные права. Вот вам типичный перевес тактических интересов над стратегическими.

— Мы — современники исторических событий в судьбе страны. Не просто современники — участники. Каждому предстоит выбирать, и каждый выбор будет менять нечто важное далеко не только в личной биографии. Как не ошибиться, сделать его правильно? Насколько историей предыдущих десятилетий и нынешним своим состоянием общество готово к этому?

— Но ведь, чтобы вырабатывать социально-политическую стратегию, надо ясно знать расстановку сил, видеть взаимодействующие общественные группы, понимать их интересы. Мы не знаем общества, в котором живем, — это упрек не только ученым, это относится к каждому гражданину страны. Самосознание нашего общества пока не слишком развито.

В тридцатые годы обостренное, политизированное самосознание граждан первой социалистической республики мира было сильно деформировано. Звучали все те же лозунги, за которыми в свое время народ пошел на Октябрьскую революцию и которые привлекали к стране Советов симпатии многих прогрессивных людей мира. Сила социалистических идей делала людей способными на трудовой героизм, давала им надежду и терпение. Но одновременно пытались насадить весьма специфическое представление о социальной структуре общества: вождь, заботящийся и думающий о всех (и за всех); его «сыны и дочери», населяющие счастливую страну и беспредельно ему благодарные за право ее населять; небольшие, но злобные группы «врагов», «ревизионистов», «вредителей», которые возникают неведомо откуда, портят продукцию, отравляют колодцы, губят урожай и борьба с ними требует от всех постоянной бдительности.

Сила идеологии тех времен питалась, как минимум, двумя источниками: силой социалистических идей, от которых никто не отрекался, и страхом, ибо соответствие мыслей и даже чувств предъявленным образцам было чуть ли не условием выживания.

Общественное сознание частично подавляли (нередко — физически), частично усыпляли. Выйдя из кино, отложив газету, выключив радио, человек видел вокруг себя совсем не то, что ему только что показали или рассказали,— но это здесь, в данном месте, а там, где снимали кино, наверное, все было по-другому, будет когда-нибудь так и здесь...

Конечно, потаенное ощущение реальности было, но оно не могло стать общественной силой именно потому, что было потаенным.

Социальная психология учит, что картина мира и общественная позиция у каждого человека складывается в малых, так называемых «первичных» группах — в семье, в тесных дружеских компаниях. Страх перед репрессиями разрушал взаимное доверие, без которого такие группы существовать не могут. Страх вполне обоснованный. Помню, уже в середине пятидесятых мы, несколько молодых коммунистов Института экономики АН СССР, решили написать письмо какому-то начальству по поводу возмутившего нас события (уже не помню, какого). Написали и посоветовались с хорошо относившимся ко мне научным руководителем. Увидев письмо, он прямо-таки побледнел, письмо порвал и сказал: «Вы что, с ума сошли?! Это же «коллективка», групповщина!» В середине тридцатых ему было тридцать пять лет, и он прекрасно знал, «что почем».

Общественных тем или избегали, или обходились по их поводу принятыми на этот момент штампами. Вдобавок раздвоенность нормальному человеку неприятна, очень хочется быть заодно со всеми, хочется верить. Так усыпляли себя. Ну а что происходило в головах крестьян во время коллективизации, мы теперь можем узнать разве что из художественной литературы самого последнего времени.

— Ну вот, а вы говорили — человек всегда активен.

— Я о другой активности говорила! Свой «тактический интерес» и тогда каждый стремился реализовать в меру возможного. Колхозница всеми правдами и неправдами выталкивала свою дочь Валю в город, чтобы там ее жизнь сложилась лучше, легче, сытнее, но она не думала об интересах всех крестьянских детей, своей социальной группы в целом. В городе боролись за комнату побольше, но мало кто обсуждал жилищную проблему как таковую, тем более, что это было далеко не безопасно.

— Мне кажется, самый крупный шаг в самосознании мы сделали в 1956 году. XX съезд партии уже несколькими поколениями ощущается как крупнейшее событие не просто в истории общества, но буквально в личной биографии огромного числа людей, можно сказать, всех. Все мы — в каком-то смысле дети 1956 года. И вот теперь, спустя тридцать лет, стоим перед той же проблемой, перед той же необходимостью понять, кто мы, откуда и куда идем?

— Конечно, XX съезд был сигналом к пробуждению. Хотя я думаю, что для старших сигналы начали звучать много раньше, даже еще до смерти Сталина. Вспомните хотя бы знаменитое «дело врачей» и сопровождавшую его волну антисемитизма. Ну кто из порядочных людей мог во все это верить? Потом произошло разоблачение Берии. Говорили и привычное: вот, недорезали врагов в 1937 году. Но возникали и вопросы: как гений всех времен и народов мог проглядеть врага рядом с собой? Быть может, впервые мы стали тогда вглядываться в лица руководителей страны. Сталин был на недосягаемой высоте, его не обсуждали, ему поклонялись, но в тех, кто занял его место, начали уже видеть людей.

В 1956 году мне было 29 лет, XX съезд подтвердил мои глубочайшие сомнения в правомерности того, что происходило в стране. Вместе с моим поколением я приняла его как счастье, освобождение, очищение. Но тем, кто был на поколение-два старше, до конца принять откровения XX съезда было много труднее. Ведь это значило — пересмотреть почти уже прожитую жизнь, признать, что и на тебе лежит доля ответственности. На руководящих постах, до самого маленького, долго еще сидели люди этого поколения «причастных», они не могли, не хотели, не умели действовать по-новому. Да и кто сказал, как это — «по-новому»? Социально-экономические структуры остались по сути прежними, централизация не ослабла, и по-прежнему людям говорили одно, а они видели вокруг себя другое. Правда, отступил страх, возвратились репрессированные — кто дожил, — и это, пожалуй, одно из главных завоеваний 1956 года.

Жить люди стали лучше, уже не были в плену необходимости постоянно добывать элементарное. Вырос уровень образования. Выросли потребности. Но поворота к подлинной демократизации управления экономикой и общественной жизнью не произошло. Призывы стать хозяином производства, занять активную общественную позицию реализовать было трудно, не было для этого выработано необходимых экономических и социальных механизмов. Активность молодежи шестидесятых то и дело наталкивалась на сопротивление и у многих изменила направленность. Я думаю, в так называемый период застоя активность, вообще говоря, не ослабла, а даже скорей возросла, только направлялась она к тому, что декларировалось в качестве общественных целей, лишь частично, в немалой же мере — в сторону от этих целей. Кто усиленно обустраивал новообретенный дом, кто писал без расчета на публикацию, в «стол», кто, пользуясь ослаблением контроля и усилением беспорядка, «потаскивал» что-то в свое семейное гнездо.

Были и такие — они всегда были, — кто, несмотря ни на что, пытался осуществить свое право работать более разумно, толково — и в общих интересах. Иногда их поддерживали, пытались распространить передовой опыт, но при тиражировании этот опыт, как правило, выхолащивался, приходя в противоречие с традиционными производственными отношениями. Чаще же он сразу наталкивался на резкое сопротивление бюрократии, и не случайно подлинный основоположник подряда в сельском хозяйстве Иван Худенко погиб в тюрьме, а впервые рассказали об этом в печати совсем недавно.

Центр уже не владел экономической ситуацией, но не желал расставаться со старыми приказными методами управления. Реформа 1965 года захлебнулась в бумагах, противоречивых инструкциях. Положение народного хозяйства ухудшалось, но все привычно делали вид, что происходит обратное. Страна давно уже жила не по средствам, а это, как известно, может продолжаться не до бесконечности.

— Но теперь-то уже никто не «делает вид» — откройте любую газету!

— Да, благодаря усилиям ваших коллег, журналистов, общество гораздо лучше узнало себя. Газеты расхватывают мгновенно, вопль многих: «Я не успеваю читать!» Каждого трогает свое: кого — непривычная правда о состоянии экономики вместо привычных фанфар, кого — ростовская история, показавшая истинное лицо и силу коррупции. Я уж не говорю о таких вещах, как фильм «Покаяние», роман «Дети Арбата», которые перевернули сознание многих. Мы словно заново взглянули на свою историю, давнюю и недавнюю, и, я думаю, активная часть общества еще острее осознала невозможность жить по-старому.

Корабль спасают не просто те, кто в этом заинтересованы, — они, может быть, спят в каютах, — а те из них, кто осознают степень опасности. Так что если считать гласность неотъемлемой частью перестройки (а я в этом уверена), то она уже начала формировать социальную базу нового курса развития.

Но, осознав, что перестройка соответствует стратегическим интересам большинства, надо ведь еще и научиться демократии, разумному ведению экономики, наконец, просто научиться работать — многие порядком от этого отвыкли. Выборы директоров, проведенные в некоторых местах, показали, что мы плохо владеем элементарными демократическими процедурами.

Надо научиться защищать свои интересы. Кто, например, больше местных жителей заинтересован в охране окружающей среды? И кто — меньше, чем ведомства, министерства водного хозяйства, химической, лесной и прочей промышленности? Между тем игра все время идет «в одни ворота»: вода, воздух, земля засоряются, все и всяческие «предельно допустимые концентрации» вредных веществ перекрываются, а жители только пишут то возмущенные, то страдальческие письма в центр, к этому в основном и сводится их попытка отстоять свое право жить в здоровых условиях.

Жители городов и сел, по сути, не контролируют своих избранников в местные органы, потому и оказались возможны печально известные истории в Узбекистане, в Краснодарском крае, руководители которых не просто игнорировали интересы людей, трудящихся, но прямо и откровенно действовали им во вред. Территориальные группы редко оказываются способны на самостоятельную активность. Можно, например, не обращать внимания на запущенные пустыри вокруг домов, можно писать жалобы и требовать озеленения, а можно — привести все в порядок собственными руками и озеленить. Согласитесь, последний способ действий не распространен.

— Честно говоря, я тоже проскакиваю мимо пустыря под окнами и стараюсь на него не смотреть. Мы в основном живем или за закрытыми дверьми своей квартиры, или на работе. Все-таки, согласитесь, от нашей работы успех перестройки зависит больше, чем от озеленения...

— А вы умерьте сарказм по этому поводу. Дело же не в озеленении, дело в нашей способности к инициативе, готовности защищать и реализовать свои интересы. Только если мы этому научимся, перестройка станет необратимой. Кроме того, культура проявляется во всем — и в чистоте улиц, и в естественности демократических процедур, и в привычке к самоорганизации, и в привычке, положим, к определенному уровню обслуживания. Одно не определяет другое, но это взаимосвязано.

— И все-таки, кто именно сегодня, как вы считаете, поддерживает перестройку?

— Вы меня спрашиваете как социолога? Тогда скажу честно, что не знаю. Смогу ответить, когда будут проведены методически надежные и представительные исследования, а они только начались. Но перестройку не надо «поддерживать» — как будто кто-то другой, извне, ее проводит, а мы должны дружно выразить свое согласие. Так ничего не получится.

И еще очень важно, чтобы всеобщее нетерпение не спровоцировало нас на самообман. Нас ждет много трудностей. Стабильность общественных отношений, надежность привычных форм общест-

венной жизни имеют самостоятельную ценность, их ломка многими будет восприниматься болезненно. На отлаживание новых общественных отношений нужно время, и немалое, и в этот период старые проблемы чаще всего обостряются, возникает множество новых.

Результаты «метода проб и ошибок», без которого при перестройке не обойтись, скажутся на жизни многих социальных групп, и прежде всего, пожалуй, — на работниках управления. Им уже сейчас гораздо труднее, чем прежде, а будет, скорее всего, еще хуже.

— Вы думаете, перестройка затянется надолго?

В принципе возможны два варианта: либо быстрая и радикальная реформа, либо растянутая и постепенная. И у того, и у другого — свои опасности.

Первый не лишен серьезного риска, поскольку, как я уже говорила, пока нет полной ясности, глубокой научной проработки, целостной модели переходного периода и результатов перестройки. Есть еще одна опасность: сам процесс демократизации можно забюрократизировать до полного отрицания. Вспомните, во что был превращен коллективный подряд при массовом тиражировании этой хорошей в сущности идеи.

Если же дело непомерно растянуто, потеря стабильности общественной жизни может вызвать растущее недовольство людей, и тогда возможны не только временные отступления, но и длительный отказ от реформ. Да и опыт венгерской реформы восьмидесятых годов, когда отдельные некомплексные изменения вводились в хозяйственный механизм постепенно, показал, что такой способ не позволяет качественно изменить систему управления экономикой. А ведь экономические преобразования лежат в основе других преобразований общества.

— Как же, по-вашему, надо проводить реформу?

Думаю, прежде всего следовало бы глубоко, научно и комплексно проработать все ее главные проблемы, сформировать надежно обоснованную концепцию, которая охватила бы все основные элементы модели. А потом провести реформу сравнительно быстро, может быть, в один-два года, причем одновременно, комплексно.

Но это не больше, чем гипотеза. Реально же стратегию надо выбирать, опираясь не только на теорию, но и на широчайшие социально-экономические исследования, которые бы дали возможность понять и учесть положение, интересы, мнения, поведение всех общественных групп.

— Так что же вы сами называете перестройкой?

Возвращение на путь строительства социализма в полной мере. Мы в конце двадцатых годов ушли в сторону и добрались до «предкризисного состояния». Теперь надо восстанавливать то, что утратили.

— Что именно?

Хозяйское отношение к общественной собственности и активную позицию каждого в общественной жизни. Я думаю, что огромную роль здесь может сыграть глубоко продуманный и чрезвычайно серьезный возврат к ленинскому кооперативному плану, который мы так и не воплотили в жизнь. Конечно, в новых условиях и кооперация будет выглядеть не так, как она виделась в двадцатые годы, но мне кажется, что она и сейчас остается одной из лучших школ социалистического хозяйствования.

— У нас множество колхозов, это же кооперативная собственность, но я не вижу особого их отличия от государственных предприятий.

Сейчас в большинстве случаев никакой разницы и нет, но ведь сама идея кооперации в них извращена. Колхозами управляют государственные чиновники, причем во всем до мелочей. В свою очередь колхозы требуют, просят у «дяди» все, что им нужно. А вот в венгерских сельскохозяйственных и потребительских кооперативах, с которыми я знакомилась, никого не надо привлекать к участию в управлении, все члены кооператива и без того в нем участвуют. И какая гибкость, какая умелая организация работы! Но главное — абсолютно естественное хозяйское отношение всех членов кооператива к своей общей собственности и деятельности. Это и есть реальный социализм.

Убеждена: социализм вовсе не предполагает одной только государственной формы собственности, ему не противопоказана не только кооперативная, но и частная собственность в определенных размерах. Больше разнообразия в формах экономической жизни — больше демократии в жизни общественной. И хотя к этому не сводятся все наши нынешние проблемы, думаю, эта — одна из главных. ●

Беседу вела И. Прусс

Ю. Поляков, член-корреспондент АН СССР

Общественное достоинство историка

Быть может, и есть науки, нуждающиеся в том, чтобы доказывать свое право на существование, свою полезность. Историческая наука в этом не нуждается. Можно вспомнить немало высказываний о том, что уроки истории недостаточно изучают и, главное, недостаточно учитывают. Но никто и никогда не отрицал, что исторические знания необходимы. Недопонимали и это — бывало. Высокомерно недооценивали — бывало. Трактовали утилитарно-прагматически — бывало. Но чтобы отрицали начисто — такого не было никогда.

Понятия «воспитание историей», «воспитательный потенциал истории» прочно вошли в обойму нашей культуры, нашей науки, нашей общественной жизни.

История обладает огромной силой притяжения. Это — притяжение самой земли, самой жизни. Замечательная гравитационная сила истории делает ее наукой земной, реалистической, жизненной и жизненно необходимой.

Значение исторической науки ныне снова подтверждают зафиксированные в Программе КПСС весомейшие положения о коммунистическом воспитании трудящихся, о формировании научного мировоззрения советских людей. Обществоведы призваны изучать опыт мирового развития, опыт создания нового общества в СССР. И историки в первую очередь должны участвовать в решении этих задач.

1987 год в огромной степени повысил внимание общества к истории, прежде всего — истории нашей страны. Можно констатировать, что многие годы не появлялось в газетах и журналах такого количества публикаций на исторические темы и не привлекали они к себе столь обостренного внимания. Слово историка звучит много громче, чем в предшествующие годы.

Это объясняется, во-первых, дыханием 70-летия Октября. Мы, как справедливо заметил М. С. Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации в июле 1987 года, «гордимся каждым своим прожитым днем. И каждый день для нас дорог, даже когда он был тяжелейшим».

Во-вторых, интерес к истории растет под влиянием того, что происходит сегодня. Развертывая революционную перестройку, мы хотим разобраться в причинах наших успехов и трудностей, увидеть корни достижений и недостатков, истоки побед и причины поражений.

На фоне этого растущего интереса к истории особенно заметны становятся и слабости исторической науки, яснее ощущается падение ее престижа. Историческая наука, как никакая другая, состоит из множества дисциплин, областей, ветвей. И у каждой из них — свои успехи и неудачи, разный уровень достижений. Я не возьмусь, к примеру, утверждать, что снизилось общественное значение советской палеографии или упал авторитет советской сфрагистики.

Но определяется уровень исторической науки прежде всего положением на ее важнейших участках. А они, несомненно, относятся к истории нового и новейшего времени. И нельзя сказать, что наука в целом преуспевает, если на этих участках выявляются слабости, просчеты.

Так вот, поскольку здесь барометр показывает неблагополучие, значит, проблемы исторической науки в целом следует рассматривать под критическим углом.

В чем и как проявляется неблагополучие в исторической науке? В отсутствии кардинальных достижений, открытий, крупных фундаментальных трудов? В отставании от мировых стандартов?

Нет, дело не в этом. Дело в снижении морального престижа исторической науки, народного доверия к ней, падения ее социальной значимости. Вот, по-моему, несомненный факт нашей общественно-культурной жизни. Не исключаю, что этим в известной мере объясняется тяга к исторической беллетристике, хотя значительная часть подобных произведений высокими художественными достоинствами не блещет. Вакуум должен быть заполнен, потребности — удовлетворены, спрос рождает предложение. Эти истины азбучны.

Надо тут учитывать еще одну особенность исторической науки (как, впрочем, и большинства других гуманитарных наук). Если специальные исследования по естественным наукам недоступны широкому читателю, то исторические исследования (за редкими исключениями) могут читаться и читаются с интересом — когда они действительно интересны — практически любым мало-мальски образованным человеком. Ведь не случайно вспыхнул в этом году ажиотаж в связи с подпиской на многотомные (!) издания Ключевского и Соловьева.

Советская историческая наука имеет немалые заслуги перед нашим обществом. Во-первых, за время своего существования она — с марксистско-ленинских, классовых позиций — заново рассмотрела всю предыдущую историю человечества. Причем это было не простое переосмысление уже имевшегося материала. Нет, вовлечены новые гигантские массивы источников, учтены современные достижения зарубежных ученых, подняты ранее не затронутые тематические, хронологические и географические пласты. Ну как не сказать, например, о создании целой — и богатой — библиотеки работ по истории многих народов нашей страны, раньше не имевших практически никаких книг о своем прошлом!

1917 — 1987

Мы выстояли, нас не согнули и не сломили.

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

Дмитрий Моор. «Ты записался добровольцем?». 1920 год. 1.
Б. Игнатович. Первый трактор. 1926 год. 2.
Красногвардейский значок. 1917 год. 3.
И. М. Тоидзе. «Родина-мать зовет!». 1941 год. 4.
Южный фронт. 1942 год. Атака. Фото М. Альперта. 5.
22 июня 1941 года. 12 часов 10 минут. Фото Е. Халдея. 6.
Монгольская Народная Республика. Халхин-Гол. Лето 1939 года. Обсуждение предстоящей операции. Справа налево: командующий 1-й армейской группой комкор Г. К. Жуков (второй справа), Маршал МНР Х. Чойбалсан, посол СССР в МНР И. А. Иванов, командарм 2-го ранга генерал полковник Г. М. Штерн и другие. 7.
А. Кокорекин. «Все для победы». 8.
Все для фронта. 9.
Д. С. Моор. «Ты чем помог фронту?» 10.

Конечно, в огромном океане исторических фактов наши, даже многотомные, труды — всего лишь маленькие кораблики. Но они — в плавании. При этом марксистско-ленинская методология дала возможность и в общих концептуальных построениях, и в ряде конкретных исследований дать более глубокие, более убедительные и обоснованные решения важнейших проблем.

Во-вторых, наша наука заложила основы всемирной и прежде всего отечественной историографии новейшего времени, то есть большей части XX века, начиная с Великого Октября.

Более ста лет назад К. Маркс писал, что с капитализмом — последней антагонистической общественной формацией — завершается «предыстория человеческого общества». Маркс выразил этими словами не только непоколебимую веру в неизбежность крушения эксплуататорского строя, но и твердое убеждение, что именно после падения капитализма все неисчерпаемые силы и возможности человечества раскроются с невиданным прежде размахом, что люди, сбросившие путы тысячелетнего рабства, создадут общество свободное и справедливое. Строительство этого общества, его всестороннее развитие, его неуклонный прогресс и составят подлинную историю человечества.

Если оценивать широко, масштабно, то советские историки — пусть несовершенно, с упущениями, упрощениями и слабостями, быть может, еще вчерне, — нарисовали картину семи последних десятилетий в глобальном масштабе. Конечно, нарисовали вместе с учеными других социалистических стран, вместе со всеми прогрессивными исследователями мира.

В-третьих, советские историки своей научной работой заложили основу использования воспитательного потенциала истории. На этой основе строилось школьное преподавание, создавалась историко-популярная литература, возникли советская историческая романистика кино и т. п. Тем самым был внесен неоценимый вклад в формирование интернационалистского и патриотического мировоззрения советских людей, защитивших в Великую Отечественную Родину Октября и вековые достижения всех народов страны. Социализм и интернационализм не отринули национальных святынь, а соединили их в сознании народа в нерушимый монолит.

Но в этой гигантской — и должным образом еще не оцененной — деятельности историков постепенно накапливались и негативные моменты, которые в последние годы проявились более рельефно.

Действенность исторической науки, ее эффективность определяются, измеряются, оцениваются степенью и размахом влияния на сознание общества. Тут важен масштаб воздействия, объем и многообразие используемого арсенала средств и рычагов (тиражи книг и журналов, количество статей на исторические темы в газетах, число передач на радио и телевидении, удельный вес истории в школьном и вузовском обучении, лекционная пропаганда, деятельность музеев исторического профиля и т. д.).

Но еще более важно общественное достоинство историка. Мы и в науке слишком большое внимание придаем званиям, регалиям, должностям. Для ученого же все решает авторитет не должностной, не формально-престижный, а заработанный постоянной многолетней деятельностью — аргументированными книгами, документальными сборниками, яркими статьями, искренним словом лектора. Важно доверие общественности к слову историка, к его не бесстрастно объективистскому, а партийному, объективному, обоснованному анализу исторического опыта. Историк не имеет права обходить острые проблемы и углы, не имеет права писать даже полуправду. А исторические труды стали испытывать дефицит правды. Вот доверие к исторической науке и упало, а потому снизилась ее социально-общественная значимость.

Партия призвала к открытости, честности, гласности, показала необходимость говорить народу правду. В Политическом докладе XXVII съезду партии сказано четко и определенно: «...Правда — не отвлеченное понятие, она конкретна. Она — в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии».

И если необходимость правды жизни — это знамение и требование времени, то правда истории нужна партии и народу как неотъемлемая часть правды жизни.

Создать объективную, всестороннюю картину, воспроизвести всю правду — трудно и сложно. Но в том и суть науки — добиваться все большей глубины, всесторонности исследования, а, изучая ту или иную сторону дела, не выдавать ее за единственную.

Одних историков нередко упрекали в лакировке, других — в очернительстве. Были у нас, к сожалению, да и есть лакировщики. Были, да и найдутся еще, очернители. Но куда чаще многим ученым не хватает труда, терпения, старания, умения, способностей, наконец, чтобы исследовать исторические процессы во всей их диалектической сложности.

Мы нередко забываем важнейшие ленинские указания: «Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)...»

Диалектика — это «*живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближением к действительности...»

«*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте».

Итак, недостаточно высокий методологический уровень многих исторических исследований, частое неумение соединить глубину анализа с охватом максимально большего количества граней прошлого — одна из основных причин снижения престижа исторической науки. Одна из основных, но далеко не единственная.

Нельзя не сказать о том, что мы,— может быть, не совсем удачно и точно — привыкли называть конъюнктурщиной. Ее можно определить как стремление — в соответствии с не всегда правильно понимаемыми задачами текущего дня — выпячивать одни исторические события и отодвигать на второй план другие, не менее важные, преувеличивать историческую роль одних деятелей, напротив, преуменьшать значение других, а то и вовсе оставлять явления, факты, людей за бортом книг и статей.

Со второй половины шестидесятых годов историки практически перестали писать об отрицательных явлениях, связанных с культом личности Сталина. Несколько хорошо отработанных, гладко отшлифованных формулировок вставлялись в общие труды и учебники там, где об этом уже вовсе нельзя было промолчать. В юбилейных статьях, посвященных партийным и государственным деятелям, ставшим жертвами репрессий Сталина, даты смерти в большинстве случаев опускались. Есть люди, которые считают, что не надо сыпать соль на рану. Но делать вид, что раны вообще не было и нет,— бессмысленно и вредно. Фигура умолчания стала слишком заметной фигурой в трудах историков.

Дежурный пафос, золотистый мажор проникли в труды, посвященные шестидесятым, семидесятым годам, первой половине восьмидесятых.

Редакторы в издательствах и журналах больше всего заботились о том, чтобы снять все вызывающие у них хоть какое-нибудь сомнение, все, что казалось или хотя бы могло показаться спорным или «крамольным». В работах по кардинальным вопросам науки трудно было провести оригинальную, свежую идею, сделать принципиально новый вывод, дать свои определения, более глубокие и четкие, чем прежде. Невольно вспоминаешь В. Шкловского, сказавшего: «Владимир Маяковский говорил, что книги пишутся для того, чтобы случилось новое. А редактируют их для того, чтобы «как бы чего-нибудь не случилось».

Историки нередко попадали, скажем мягко, в деликатное положение, обходя и замалчивая вопросы, о которых их читатель слышал, знает. Пусть знает порой неправильно, тенденциозно, искаженно. В таких случаях читатель, во-первых, остается при своем тенденциозном полузнании, а во-вторых, начинает терять уважение к историкам, делающим вид, что этих вопросов не было и нет.

В исторической науке наметились за последнее время положительные сдвиги. Но вряд ли мы можем утверждать, что произошел коренной перелом.

Самое, может быть, трудное, что нам предстоит преодолеть, — это приверженность к стереотипам. Под общие и очевидные положения подверстываются факты, в том числе извлеченные из архивов,— и перед книгой, диссертацией, статьей зажигается зеленый свет.

Сколько мы знаем работ, где совокупность исторического опыта не подвергается углубленному, критическому рассмотрению, где исследователь берет то, что лежит на поверхности, не стремясь постичь сердцевину явлений, увидеть их в движении — подъеме или спаде.

Взять хотя бы книги о социалистическом соревновании. В массе монографий, коллективных трудов, статей, документальных сборников изложен огромный материал, который свидетельствует о действительном трудовом энтузиазме рядовых рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, об их подлинных успехах, достижениях, творческой инициативе. Но, сообщая о многочисленных починах, авторы, как правило, говорят об их первых шагах, мажорно описывая победы («почин был подхвачен передовыми рабочими страны», «почин быстро получил широкое распространение» и т. п.). Но результаты длительные, действительный экономический эффект, действительная польза для экономики не исследуются. И тем более не говорится о неоправдавшихся надеждах, об очковтирательстве, об увядании, угасании, о скромной, без официальных похорон, незаметной кончине того или иного надуманного «начинания». А ведь тут самое важное и полезное — исследовать, каким был почин по сути дела. Исчез ли, искусственный и показушный, сверкнув кометой в парадных отчетах. Или, несмотря на искусственность, долго еще продолжал внедряться, принося лишь вред, возник ли на основе смелой идеи, поддержанной поначалу, затем же оказался размолот ржавыми шестеренками бюрократической машины. Или почин был хорош и прижился, но со временем на смену ему пришли новые, более прогрессивные формы. Или, наконец, верно и надежно несет свою службу, став достоянием миллионов...

Такое исследование и явило бы пример осмысления исторического опыта, не формальной, а научно-практической связи с современностью.

Вообще, надо сказать, историки совершенно недостаточно изучали гигантскую работу народа и государства по поиску, выработке и определению форм, методов, темпов социалистического и — особенно — хозяйственного строительства.

В капиталистическом обществе наиболее жизнеспособные формы хозяйственной деятельности сохраняются в жесточайшей, беспощадной конкурентной борьбе. А у нас, в первом государстве социализма, система общественных и экономических отношений создавалась впервые, ей сопутствовали недостатки, которые устранялись в ходе накопления опыта. Нам нужно гибко и своевременно устранять из системы отжившие, неудавшиеся формы, поддерживать и развивать вырастающее из жизни и жизнью проверенное.

Ленин до конца своих дней неустанно боролся за становление и совершенствование социалистических общественных и экономических отношений, отводя особое место формированию социалистической организации общественного труда, налаживанию строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Однако позже, в условиях быстрого и динамичного развития советской экономики слишком часто необходимым организационным изменениям мешали чиновничье равнодушие, привычка к сложившимся стереотипам, неведомо откуда взявшийся консерватизм, страх перед новым, отсутствие научного подхода, чрезмерная централизация, ожидание предписаний сверху, неумение найти альтернативу...

Одним из негативных проявлений культа личности Сталина и стало отставание в поисках новых форм хозяйствования, абсолютизирование многих старых методов, распространение бюрократической неприязни к новому, веры во всемогущество административных приказных начал. Стал складываться регрессивный механизм торможения.

Не раз эти негативные явления подвергались критике, не раз предпринимались более или менее удачные попытки устранить накапливавшийся груз отставания. А он, этот груз, продолжал накапливаться, особенно в семидесятые годы.

Казалось бы, историки могли оказать немалую услугу обществу, партии, подвергнув подлинно научному анализу состояние и функционирование хозяйственного механизма в историческом разрезе. Нельзя ликвидировать трудности, не видя их исторических корней. Но сколько-нибудь серьезных попыток такого рода даже и не предпринималось, хотя трудов об истории развития промышленности и сельского хозяйства написано множество.

И в этом тоже одна из причин ослабления общественного значения исторической науки.

Серьезно ослабляет воспитательный потенциал исторической науки невысокий профессиональный уровень значительной части наших книг и статей.

Академик А. М. Будкер справедливо отмечал: «Среди ученых много ремесленников. И иногда трудно различить, кто сделал картину, а кто — рамку к ней». Это сказано не об историках, но к ним относится в полной мере.

В научных институтах и в издательствах царит пресловутый «вал». Но ведь работа ученого, как и писателя, может быть приравнена к «штучному» производству, а не к поточному. Индивидуальность ученого, его талант, его личность играют главную, определяющую роль в науке. Даже в создании коллективных многотомных трудов (а они очень распространены в исторической науке) не может быть конвейера. Попытки причесать под одну гребенку написанные разными авторами главы коллективных трудов приводят, как правило, к появлению унылой картины, «однаробразного», по выражению В. Маяковского, пейзажа.

Погоня за ложно понимаемой актуальностью приводит к публикации откровенно слабых, описательных статей, брошюр, авторы которых действуют по принципу известного повара: «За вкус не ручаюсь, а горячо будет».

Это опасный путь. Он уже не раз приводил ученых-обществоведов к конфузам. Сначала поделка, потом — подделка. С глубокой горечью приходится констатировать появление «клио макулатуры». Часто низок уровень критики. Общие заявления о недостатках исторических трудов не подкрепляются конкретным критическим настроем и разбором. Литераторы шутят: правила хорошего тона позволяют говорить, что у нас полно серых книг, но не позволяют называть по именам авторов этих серых произведений. Можно констатировать, что мы, историки, еще больше литераторов привержены правилам хорошего тона.

Мировая история — величайшая поэтесса — писал Маркс. Грустно, когда произведения этой поэтессы предстают перед нами лишь в виде грубого и неуклюжего подстрочного перевода.

Слабости науки в освещении периодов, хронологически близких к современности, приводят к тому, что в «воспитании историей» мы все чаще уходим в далекую старину. Разумеется, можно только приветствовать стремление народа видеть корни своего родословного древа, знать свое прошлое с самой глубокой древности. Кто же будет отрицать воспитательное значение великих подвигов наших предков — ратников Александра Невского и Дмитрия Донского, героев Бородина, армянских и грузинских воинов, отражавших нашествия турецких и персидских полчищ? Никто не поставит под сомнение колоссальный воспитательный заряд бессмертных творений Низами, Рудаки, Навои, актуальность набатного колокола «Слова о полку Игореве».

Но в ряде статей последнего времени стали слышаться ностальгические всхлипывания по всему патриархальному, староданетному, прозвучали нотки, которые не могут не настораживать. Мне как историку больше, чем многим другим, дороги реликвии, каждый особнячок XIX века, каждая забытая даже господом богом часовенка. Мы много ценного разрушили — разрушили по недомыслию, безразличию, некомпетентности архитекторов, по бюрократической ретивости градоначальников и чиновников всех уровней. Радует, что общественность громко и четко сказала: хватит! Надо внимательно, бережно относиться ко всему, что представляет историческую ценность. Это нужно для нас, нужно нашим потомкам. Но часть старинных построек исчезла и исчезает из жизни города неизбежно, закономерно, неотвратимо. Без каких-то утрат старого невозможно развитие нового.

Притом хочешь не хочешь, а у иных авторов получается так, что в доброе старое время строили красиво, добротно, на радость трудящимся, а мы, неблагодарные потомки, только разрушали и разрушаем. Из подобных ноток может сложиться далеко не безвредный хорал. Не надо забывать, что отнюдь не таким уж добрым было это старое время и не все построенное тогда было таким уж красивым.

Наша революционная история должна служить источником советского патриотизма. Она поистине неиссякаема, она дает столько волнующих, убедительных, правдивых примеров героизма, самоотверженности, энтузиазма масс, их творчества в строительстве небывалого доселе общества. Наша революция, созидание социализма, оборона советского Отечества породили миллионы героев революции, войны и труда, выдающихся лидеров, талантливых организаторов. Семидесятилетний опыт нашей страны, каждый шаг которой был «ездой в незнаемое», весь опыт, включая ошибки и просчеты, — феномен непреходящего всемирно-исторического значения. Подлинные замечательные достижения не нуждаются в приукрашивании. Им не нужна ретушь — им нужна правда. Возникшие в борьбе героические традиции партии и народа — реальность нашего общества — общественно-политическое явление огромной важности.

Задача историков в том и состоит, чтобы создавать труды, достойные величия эпохи, и максимально способствовать разумному и эффективному использованию этого опыта и этих традиций.

Мы, историки, ответственны за написанное неправдиво, за ненаписанное, несказанное и недосказанное. Каждый из нас лично ответствен. Каждый — не только тот, кто продолжает писать неправду или полуправду, но и тот, кто может написать правду, а не пишет.

Перестройка в исторической науке началась. В 1987 году появились в разных массовых органах печати (в журнале «Коммунист», в газетах «Правда», «Труд», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура», «Московские новости», «Аргументы и факты», «Социалистическая индустрия» и других) интервью и статьи, критикующие отставание исторической науки, ее слабости и недостатки. Завязываются дискуссии — и идут с остротой, о которой мы давно забыли. В открытых диспутах высказываются разные подходы к решению исторических проблем. Взгляните, например, какой широкий спектр мнений существует в оценке деятельности И. В. Сталина, Н. С. Хрущева (отметим в скобках, что в 1987 году критика Сталина в печати резко усилилась).

Творческое, в спорах развитие исторической науки, создание фундаментальных, подлинно научных, правдивых трудов — это и только это поднимет общественное достоинство историка, сделает в полной мере действенным воспитательный потенциал истории ●

Н. Моисеев, академик

«Мы не все можем предвидеть, но анализировать возможное обязаны уже сейчас»

«Компьютеризация — веление времени». «Компьютеризация — основа научно-технического прогресса»... Можно долго перечислять формулы нашего компьютерного века — безусловность их доказана и никем уже не оспаривается. Но чем явственней практическая реализация компьютеризации, тем отчетливее осознаются и те социальные последствия, которые она неизбежно порождает.

Остановлюсь для примера только на двух, наиболее сейчас уже очевидных*.

Развитие техники, ее усложнение неизбежно ведет к непрерывной интеллектуализации общества: растет удельный вес рабочих и служащих высокой квалификации, обладающих разнообразными знаниями и незаурядными интеллектуальными способностями. Это объективная потребность прогресса. Однако она же приводит к своеобразному «интеллектуальному» расслоению общества, что всегда представляло угрозу его стабильности. В свое время, когда неграмотность была достаточно распространенным явлением, лица, не умеющие читать и писать, составляли периферию общества, без всяких надежд на будущее, хотя они, быть может, и обладали высоким интеллектуальным потенциалом. Сейчас происходит нечто подобное, естественно, на качественно ином уровне: идет речь уже не о фактически неграмотных (таких практически уже нет), а о «компьютерно неграмотных».

Такое положение нельзя оценить однозначно. С одной стороны, появляются дополнительные стимулы к повышению образования. С другой — возникает вредная тенденция к элитарности, к выделению привилегированных групп, принадлежность к которым порой подменяет истинную оценку интеллектуального потенциала того или иного человека. Я думаю, это само по себе ставит нас перед серьезной проблемой выравнивания исходного образования. Но здесь надо себе отдавать отчет: это лишь сгладит эффект «интеллектуальной дифференциации». Исключить ее полностью, по-видимому, невозможно, так как она — проявление естественного эволюционного процесса. Однако смягчить ее необходимо. Полное равенство людей «по всем показателям», — наверное, утопия. И кроме того, это означало бы потерю индивидуальности, столь необходимой обществу для его развития. Но обеспечить людям одинаковые «стартовые» возможности, обеспечить им единые социальные гарантии — высшая задача человеческого гуманизма. Поэтому проблему «компьютерной элитарности» я бы не стал относить к числу второстепенных.

Второй пример. Новые технологии как бы вытесняют из «культурного генофонда» какие-то полезные навыки. Так, с развитием промышленной металлургии оказался забытым — и, видимо, навсегда — секрет дамасской стали, утерян опыт жизнедеятельности человека в суровых условиях Севера, который позволял местным жителям сохранить экологическую стабильность окружающей среды. И многое другое. Подобные потери обычно невосстановимы, так же как и утрата того или иного генотипа, — эволюционный процесс не повторяет себя. А ведь человечеству необходимо не только генетическое разнообразие культур и трудовых навыков: потери секретов профессии и мастерства, которые накапли-

* В [illegible] Н. Н. Моисеева [illegible] «Вопросы философии» № [illegible] 1987 год.

вались веками, могут оказаться для людей опасными — мы не знаем, что нас ожидает в будущем. Рост разнообразия — это всеобщий закон прогрессивной эволюции, если угодно, это ее определение. Он всегда был защитой жизни от возможных превратностей. Мы переживаем качественную смену технологий. От энергоемких мы весьма быстро переходим к «информационноемким». Электроника и биотехнология — лишь первые ее представители. В этом переходе, который сулит человечеству совершенно фантастические перспективы развития, очень важно не потерять того, что накоплено тысячелетиями. Это непростая задача и потребует специальных и трудных исследовательских программ и государственных решений.

Я думаю, что придет время, когда станет необходимым создание «банка исчезающих профессий». Может быть, начинать надо уже сейчас.

Теперь о последствиях, менее ясных с точки зрения их оценки, но не менее значительных для судеб общества.

Сейчас много говорят об использовании персональных ЭВМ для расчета семейного бюджета, заказа авиабилетов и других услуг, о компьютерных играх, которые будут занимать большое место не только в системе воспитания и обучения, но и в организации досуга и многом другом. Да, они очень важны и интересны, эти «бытовые» стороны компьютеризации, но значительно большую роль персональные компьютеры призваны сыграть в производственной деятельности: они во многом неизбежно изменят характер и управленческой деятельности, и работы «интеллектуальных профессий», да и вообще стандарты и организацию нашей жизни.

Персональный компьютер, снабженный принтером, для производственной работы в домашних условиях — уже не новинка для наших специалистов, занимающихся теоретическими исследованиями, проектной работой, оформлением рукописей и т. д. Персональная ЭВМ — это огромная экономия времени и интеллектуального труда. С ее помощью можно постепенно накапливать собственный архив (на тех или иных магнитных носителях), кроме того, при достаточно развитой системе сетей ЭВМ и подключении к ним библиотек, можно вызывать к себе на дисплей или переводить на принтер практически любой текст. Таким образом, значительная прослойка «белых воротничков» сможет выполнять большую часть своей работы в домашних условиях. Причем это касается не только инженеров, но в еще большей степени — лиц, занятых в гуманитарной сфере.

Таким образом, современная информационная технология способна качественно изменить весь характер работы исследовательских и проектных организаций уже в ближайшее десятилетие.

К еще большим последствиям приведет широкое внедрение безбумажной технологии управленческой деятельности. Сейчас у управленцев львиную долю времени съедает составление разнообразных справок и отчетов. Появление сетей ЭВМ и персональных компьютеров сделает всю эту деятельность ненужной. В самом деле, управляющий любого ранга может самостоятельно войти в любой банк данных (куда он допускается своим должностным паролем) и вызвать к себе на экран (или печатать на принтере) любую информацию, не прибегая ни к чьей помощи. Он может ее иметь в виде цифрового материала, в форме графика или диаграммы. Одним словом, так, как ему удобно для анализа и принятия необходимых решений. Исчезнет проблема форм отчетности и показателей, составление и расчет которых сейчас нередко отнимает у работников управляющей сферы все их время. Кстати, овладение новой информационной технологией не требует каких-то специальных знаний: изучение клавиатуры персональных ЭВМ и несложных правил обращения со стандартным математическим обеспечением требует нескольких дней, недели в крайнем случае. Основные трудности ложатся на программиста, который должен подготовить это математическое обеспечение и сделать обращение к нему наиболее простым. (Нельзя, конечно, забывать, что успешное внедрение безбумажной технологии возможно лишь при очень высокой дисциплине сбора первичной информации, но, повторяю, все последующие процедуры ее обработки делаются с помощью стандартных программных средств.)

Таким образом, только в самом факте внедрения безбумажной технологии работы с информацией содержится потенциальная возможность резкого сокращения управленческого аппарата. Я уже не говорю о том, как при этом облегчается выполнение основной функции руководителя — анализ производственного процесса и принятие необходимых решений.

Но еще важнее то, что эта технология — одно из эффективнейших средств разрушения ведомственных барьеров («ведомственных монополий») и организации эффективного надведомственного управления. В самом деле, ведь в этом случае лица, ответственные за межведомственные связи и надведомственное управление, имеют все возможности для получения любой, я подчеркиваю, любой информации без обращения к аппарату ведомств. Надо ли говорить, насколько это важно для нас, ведь ведомственная монополизация — в том числе и информации — едва ли не самый главный тормоз перестройки управления.

Я специально выделяю проблемы преодоления ведомственных барьеров как важнейшую народнохозяйственную проблему. Сейчас на повестке дня нашего общества стоит широкое развитие разнообразных форм кооперации, переход на полный хозрасчет, повышение самостоятельности по типу синдикатов и трестов двадцатых годов, рост соревновательности и конкурентности. Все это противоречит всесилию и всевластию идеологии ведомственности. Но существуют формы производственной деятельности, требующие ведомственной структуры, — транспорт, оборонные отрасли, некоторые добывающие отрасли и т. д. Государство должно иметь эффективное надотраслевое управление, а для этого оно должно располагать той же информацией, которой владеет ведомство. Вряд ли это возможно сделать без внедрения безбумажной технологии, без единой государственной информационной системы.

Создание сетей ЭВМ и внедрение персональной техники — это решающий шаг в создании единой государственной информационной службы, в которой все ведомства, в том числе и ЦСУ, будут абонентами и получат доступ к любой допускаемой паролем информации. Создание системы безбумажной технологии управления в сочетании с единой информационной службой будет знаменовать качественно новый этап в развитии управленческой культуры, расширении гласности и демократии, а в конечном итоге — и изменение всего социального климата. Это будет действительно новый этап в развитии нашего общества.

* * *

До сих пор шла речь о достаточно известных вопросах, я лишь подчеркнул некоторые их особенности. Менее известна деятельность, связанная с машинной имитацией, хотя ее социальное и политическое последствия трудно переоценить.

Успехи в развитии вычислительной техники — в сочетании с разработкой разнообразных методов математического моделирования — позволили начать изучение явлений и процессов, экспериментальное исследование которых невозможно в принципе. То есть появилась возможность воспроизведения крупномасштабных природных процессов, функционирования экономических систем, крупных систем связи и многое, многое другое, что долгое время могло быть лишь предметом умозрительных рассуждений либо заключений по аналогии.

Начал создаваться инструментарий количественного системного анализа. В качестве примера сошлюсь на вычислительный комплекс, имитирующий функционирование биосферы. Он создан в Вычислительном центре АН СССР, и я уже говорил о нем на страницах журнала*. Напомню лишь, что с помощью этого комплекса мы получили возможность оценить реакцию биосферы на те или иные формы человеческой активности. А это означает, что у нас в руках оказался инструмент, позволяющий установить пределы допустимых действий человека, — действий, которые еще не разрушают условий его жизни на Земле. Реализация этой возможности должна сыграть огромную роль в выработке политических и экономических доктрин. Ведь особенность современного этапа нашей цивилизации — появление экологического императива, обязательного для всех живущих на Земле. И машинная имитация — важнейшее средство, с помощью которого мы можем получать количественные характеристики этого императива.

Еще одним примером исследований, ставивших подобные цели, было изучение последствий возможной ядерной войны, проведенное с помощью нашей системы имитации в 1983 году. Эти результаты хорошо известны и многократно публиковались** Я только напомню: нам удалось показать, что в результате реализации любого из сценариев ядерной войны вся планета окутается пеленой сажи, и в течение года на Земле воца-

* «Знание — сила», 1981 год, № 11.
** Например, в «Знание — сила», 1985 год, № 2

1917 — 1987

Бессмертен подвиг советского человека, солдата и труженика, в Великой Отечественной войне.

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

1

2

3

Политрук продолжает бой. 1. Фото И. Шагина.
Минометчик. Фото В. Юдина. 2.
В осажденном Ленинграде. 3.
Встреча. Фото Г. Петрусова. 4.
Парад Победы. 1945 год. 24 июня. 5. Фото С. Лоскутова.
Нюрнбергский процесс. 6.
К. Пюсс. «Ради жизни на Земле». 7. 1978 год.
На Пушкинской площади 8. в годы войны.

4

5

6

рится ядерная ночь и ядерная зима. Произойдет коренная перестройка биосферы, исчезнут практически все высшие растения и животные. Биосфера сделается непригодной для жизни человека.

Эти исследования — параллельно и независимо в 1983—1984 годах они были проведены и в США — количественно доказали принципиальную недопустимость ядерной войны: ее следствием будет уничтожение рода человеческого. Это важнейшее утверждение экологического императива. Оно уже оказало заметное влияние на мышление людей и всю международную обстановку в мире.

Исследования, использующие системы имитации крупномасштабных процессов, имеют еще одну цель, которая, может быть, со временем сделается основной: они позволяют разрабатывать варианты стратегии человечества, способные обеспечить совместное развитие — или, как теперь говорят, коэволюцию — человека и биосферы. Таким образом, благодаря компьютеризации появились возможности не на эмоциональном или качественном уровне, а с помощью точных количественных оценок увидеть многие фрагменты грядущего, их зависимость от наших сегодняшних действий. Подчеркну: когда я говорю о «фрагментах грядущего», то имею в виду лишь самое ближайшее будущее — дальние горизонты нам неведомы. Но и это уже немало — хотя бы потому, что мы стали понимать, сколь непросто обеспечить сохранение, а тем более развитие цивилизации. Мы не все можем предвидеть, но анализировать возможное обязаны уже сейчас. И, что самое главное, лишь при целенаправленном использовании того громадного потенциала — научного, ресурсного, технического,— который оказался теперь в руках людей.

Но здесь мы уже выходим на новый «виток» последствий компьютеризации. Для управляемого развития необходимо, по меньшей мере, два фактора. Первый — это способность оценить реакцию управляемого объекта на управляющее воздействие. Те системы имитации, о которых шла речь, как раз и обеспечивают нужные знания. Я привел в качестве примера оценку реакции биосферы в целом на такие крупномасштабные воздействия, как пожары, вызванные ядерными ударами. Но мы можем уже сейчас оценивать экологические последствия практически любых крупных инженерных или народнохозяйственных проектов — для этого нужны лишь ресурсы и воля для организации необходимых исследований.

Я думаю, понимание того, что человечество уже владеет инструментом, способным уберечь людей от целого ряда традиционных ошибок, приведет к принципиально важным социальным и правовым последствиям. Одно из них очевидно — должны быть изданы государственные законы, утверждающие, что любые крупномасштабные проекты, прежде чем начать их реализацию, должны быть предметом изучения специальной академической программы. Я имею в виду программу исследований фундаментального характера, проведение которой носит надведомственный характер. Государственной экспертизы, например экспертизы Госплана, для этого недостаточно, ибо любая экспертиза подобного уровня неизбежно приобретает права ведомства, а вместе с ними и собственные цели. По каждому крупному проекту должна каждый раз самостоятельно создаваться специальная кооперация квалифицированных научных и инженерных коллективов, независимых от ведомств, в том числе и от Госплана. Их решения, конечно, будут носить консультативный характер и должны докладываться правительству.

Такой порядок требует, разумеется, специального закона. Ведь прекращение работ, связанных с проектом переброски северных рек,— следствие широчайшего общественного протеста. Что же касается необходимых исследований, которые бы достаточно полно оценили все последствия подобной акции, то их просто не было — наука своего окончательного слова не имела возможности сказать. Наши попытки провести системные исследования встретили сопротивление заинтересованных ведомств, и организовать их не удалось. Что же касается ленинградской дамбы, то ее проект и начало работ были чисто волюнтаристским актом.

Второй фактор, необходимый для управления, это цели. Если нет целей, то нельзя говорить и об управлении — бесцельного управления не бывает.

Вопрос о целях гораздо сложнее проблем построения имитирующих вычислительных систем, ибо каждая страна, каждый субъект, то есть юридическое лицо, имеющее в своем распоряжении ресурс и право его использовать по собственному усмотрению, имеет собственные цели. Даже не цели, а целый их спектр. И цели субъектов, как правило, не совпадают. А ведь речь идет о крупномасштабных акциях, затрагивающих многие страны, регионы, а часто и всю планету в целом. Значит, необходимы коллективные компромиссы, чем-то ради чего-то придется жертвовать каждому. Можно ли найти, можно ли создать «институты согласия», то есть найти такие компромиссы, которые были бы приемлемы для всех?

Я думаю, что за последние пятнадцать — двадцать лет эти вопросы во многом прояснились. Были найдены концептуальные подходы, построен целый ряд математических моделей конфликтов, отрабатываются методы их анализа в зависимости от целей участников той или иной конфликтной ситуации. Определенный шаг сделан и в понимании общеметодологических проблем. В основе развиваемой теории лежит тот очевидный факт, что в конце двадцатого века все люди на Земле, все страны приобрели одну общую цель — сохранение жизни на планете.

Жизнь выступает теперь как общая ценность всех народов, населяющих планету. А существование общей цели среди спектра других целей уже качественно меняет характер конфликтной ситуации. Она перестает быть антагонистическим конфликтом (математический термин «антагонистический конфликт» означает, что цели субъектов строго противоположны: что для одного хорошо, для другого плохо). И в ней могут существовать взаимовыгодные компромиссы. В антагонистических конфликтах взаимовыгодного компромисса быть не может. А это уже значит: тому, кто заключил компромисс (а любой компромисс — кооперативное соглашение), невыгодно нарушить принятые на себя обязательства. Другое дело, что отыскать такой компромисс в сложном переплетении целей и интересов совсем не просто. Вот здесь и нужна наука, ее специальные методы и модели.

В последние десять — пятнадцать лет было предложено несколько моделей конфликтных ситуаций по широкому кругу экологических проблем. Была предложена также и абстрактная модель гонки вооружений. И во всех рассмотренных ситуациях было показано существование взаимовыгодных компромиссов. Это позволяет предположить, что создание «институтов согласия» международных групп компетентных специалистов, способных проводить необходимые исследования и предлагать варианты компромиссов (взаимовыгодных кооперативных соглашений),— выходит сегодня на повестку дня.

Таким образом, сейчас с помощью методов информатики и вычислительной техники начал создаваться эффективный инструментарий, способный качественно изменить структуру анализа и преодоления существующих в мире противоречий. Социальные последствия подобного вторжения науки в государственные и межгосударственные дела трудно переоценить. Оно начинает формировать новые представления о возможных взаимоотношениях между людьми, народами, странами.

* * *

Изменяющаяся обстановка на планете неизбежно будет влиять на всю жизнедеятельность людей. Должно возникнуть новое «экологическое сознание», в основе которого — осознание объективной необходимости считаться с законами природы и с ограничениями, которые ставит природа человеческой активности. Исключение войн как средства разрешения противоречий, новое осознанное отношение к природе и как неизбежное следствие — новые отношения между людьми. Все это и составляет основу той новой нравственности, без которой вряд ли человечество сможет выжить. Отметим еще одно важнейшее обстоятельство. Сегодня воля и действия одного человека могут поставить на грань катастрофы все человечество. Дело не только в пресловутой красной кнопке, нажатие которой отправит в путь ракетную армаду. Существует множество и других возможных действий, в конечном счете столь же опасных для людей, как и ядерная зима. Значит, общество должно научиться выбирать надлежащим образом людей, которые получают полномочия распоряжаться огромным могуществом цивилизации.

Мы научились отбирать людей, годных для профессии летчика, космонавта, моряка. Теперь мы должны будем научиться отбирать людей и для политической деятельности. Потенциальные чингисханы и гитлеры должны быть лишены минимальных шансов получать права распоряжаться крупными ресурсами, а тем более судьбами людей, то есть властвовать над людьми. Я думаю, что это еще одно из положений нравственного императива будущего.

Здесь я обращаю внимание лишь на те воп-

росы, которые стали проясняться в процессе разработки методов определения допустимой границы человеческой деятельности — так называемой «запретной черты». Формирование нравственного императива будет процессом сложным и неоднозначным, ибо теперь речь идет об общих принципах поведения людей на всем земном шаре, людей очень разных, живущих в самых разных условиях, следующих в своей жизни самым разным политическим, религиозным и нравственным доктринам. Я думаю, например, что древний принцип «возлюби ближнего, как самого себя» должен будет возродиться в новом виде, отвечающем ясному естественнонаучному пониманию необходимости кооперативной деятельности людей!

Характер нравственного императива — это очень сложный вопрос, требующий привлечения интеллекта всей планеты. Здесь же мне важно лишь отметить абсолютную необходимость возникновения осознанного представления об ограничениях, которые накладывают взаимоотношения цивилизации и окружающей природы на деятельность людей, необходимость нового мышления и новых норм поведения. И это представление должно сделаться достоянием не отдельных ученых или политиков. Ему придется следовать тем многим миллиардам людей, которые населяют планету,— им предстоит понять, что иначе человечество может оказаться лишенным будущего. Людям придется научиться согласовывать эти новые взгляды со своим традиционным мировосприятием.

В решении этих вопросов очень важную роль должны сыграть компьютеризация и современные методы работы с информацией.

В самом деле, формирование императива современности должно сопровождаться и огромной, всеобъемлющей просветительской программой. И не только просветительской, но и воспитательской.

Только по-настоящему интеллигентное общество, отдающее себе отчет в тех бедах, которые влекут за собой войны, загрязнение окружающей среды, утеря генетического разнообразия и многие другие следствия научно-технического прогресса, может быть способно принять новые принципы морали и нравственности. Международная просветительская программа должна в максимальной степени использовать все современные средства массовой информации. Я думаю, что среди них особое место будет занимать телематика, этот симбиоз телевидения, информатики, вычислительной техники и космических средств связи. Она бурно развивается уже сейчас — телемосты, позволяющие людям в любой части земного шара не только получать информацию из первых рук, но видеть и задавать вопросы докладчику, участвовать в дискуссиях, начинают играть все большую и большую роль в развитии контактов между людьми. Значит, тогда, когда эти средства коммуникаций станут столь же доступными, как и персональные ЭВМ, появятся важнейшие средства массовой информации и массового общепланетарного воспитания, способные оказать решающее влияние на формирование нравственного императива. Конечно, очень важна проблема тех рук, которые будут владеть этими средствами информации. Массовая информация и массовое обучение — это великое орудие, но одновременно оно и не менее опасно, чем ядерная бомба. Значит, в утверждении новых принципов морали и нравственности, нового человеческого мышления, отвечающего потребностям наступающей эпохи, огромную роль должны сыграть те же «институты согласия», о которых я уже говорил.

Сказанное в последних разделах этой статьи может показаться плодом идеалистических рассуждений маниловского типа. Но в действительности это результаты размышлений, основанные на анализе фактов,— либо человечество сумеет качественно перестроить свою шкалу ценностей и организовать новую структуру взаимоотношений, либо его ожидает постепенная деградация, даже в том случае, если оно и сможет избежать ядерной катастрофы.

* * *

Человечество находится на подходе к эпохе, которую, следуя В. И. Вернадскому, следует называть эпохой ноосферы, эпохой совместного развития природы и общества, эпохой их взаимной адаптации. Переход в эту эпоху будет очень непрост и потребует от человечества глубокого понимания реальности, воли и способности подчинить свою деятельность и свое поведение тем требованиям, которые нам ставит сегодня жизнь. И вычислительная техника, ее возможности — тот необходимый инструмент, без которого совершить этот переход невозможно. ●

Рационально пользоваться природой — как это?

В нашей стране идет коренная перестройка управления экономикой. Один из важнейших вопросов, напрямую связанных с новыми способами хозяйствования,— вопрос охраны окружающей среды, а если взять шире — рационального природопользования. Как развивать промышленность и сельское хозяйство, не нанося природе непоправимого вреда? Что значит — рационально пользоваться природными богатствами? Эти вопросы были главными на встрече за «круглым столом» в редакции.

В разговоре приняли участие: Виктор Владимирович ВЛАДИМИРОВ, доктор архитектуры, заведующий кафедрой транспорта и инженерной подготовки территории Московского архитектурного института; Никита Федорович ГЛАЗОВСКИЙ, доктор географических наук, заведующий лабораторией природных ресурсов и техногенных изменений природной среды географического факультета МГУ; Михаил Яковлевич ЛЕМЕШЕВ, доктор экономических наук, заведующий лабораторией эколого-экономических проблем КЕПС при Президиуме АН СССР; Алексей Юрьевич РЕТЕЮМ, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований Госплана СССР и АН СССР; Татьяна Григорьевна РУНОВА, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии АН СССР; Григорий Андреевич ЗЕЛЕНКО, заместитель главного редактора журнала.

Г. Зеленко: — Что нас интересует? С какой целью мы собрали сегодня в редакции вас, специалистов, занимающихся различными сторонами очень важного дела — рационального природопользования?

Состояние экологических проблем, их масштаб и острота, знаменует собой существование в наше время ситуации, которой не было, скажем, двадцать или тридцать лет назад. Она требует активного, целенаправленного, более того — концептуального подхода к этим проблемам. Есть ли такой подход у современной науки?

Далее. Все мы понимаем — особенно сейчас, после опыта гласного обсуждения проекта переброски части стока северных рек или состояния Ладожского озера, или строительства ленинградской дамбы,— понимаем, что без широкого общественного обсуждения концепция рационального природопользования не может

Г. А. Зеленко
Н. Ф. Глазовский
М. Я. Лемешев
Т. Г. Рунова
А. Ю. Ретеюм
В. В. Владимиров

быть сформирована и не станет реальной силой на практике, так как не овладеет миллионами умов. Однако понимает ли широкая общественность необходимость такой концепции? Понимает ли, что без нее вся наша тревога по поводу экологических проблем будет выливаться в бессистемные протесты против тех или иных неразумных вторжений в природу? Понимает ли, что, если не будет выработана эта концепция, призвать какое-либо ведомство к порядку будет очень непросто — ведь не будет некоей желательной и обоснованной модели развития в области экологии, на которую надо ориентироваться?

Мне кажется, что на все эти вопросы следует ответить «нет». И вот почему.

Нам, журналистам, доступно большое количество специальных, профессиональных материалов, связанных и с загрязнением воздуха в городах, и с загрязнением рек, и с непродуманными проектами строительства, то есть информация у нас довольно большая. В то же время к широкому читателю значительная часть этой информации не поступает, она ему неведома. В результате мы видим, как возникает разрыв между реальным положением дел, которое отмечают специалисты, и реакцией общества.

Из-за этого разрыва, из-за недостаточной информированности общественность и не могла, думаю, в полной мере осознать необходимость создания концепции рационального природопользования. Общество озабочено экологическими проблемами (и это залог здорового будущего), но готово ли оно ответственно и с ясным пониманием программы действий участвовать в решении этих проблем?

Итак, нас интересует прежде всего состояние дела с выработкой концептуального, системного подхода к проблемам природопользования.

А. Ретеюм: — Короткий комментарий насчет оценки будущего. Наше будущее заложено в комплексной программе научно-технического прогресса, которая составлена на период до 2005 года. И если мы посмотрим тома, касающиеся природных ресурсов или окружающей среды, то знакомство не прибавит нам оптимизма нисколько, потому что оба эти тома составлены исключительно по отраслевому принципу. Они сшиты. Это такое лоскутное одеяло... Хотя в этой программе должна определяться концепция развития природопользования и охраны среды в нашей стране на отдаленную перспективу. Если все будет так развиваться, как намечено в этой программе, то особых концептуальных сдвигов ожидать, на мой взгляд, не приходится. По сути дела никакой концепции там нет. Это всего лишь сводка предложений различных ведомств. Может быть, я чрезмерно пессимистичен, но мой опыт работы над этой программой (сам я в числе авторов) не внушает оптимизма.

Г. Зеленко: — Какую вы видите альтернативу?

А. Ретеюм: — Необходимо, чтобы какая-то организация в системе Академии наук взяла на себя инициативу создания концепции природопользования. Надо, чтобы был создан междисциплинарный коллектив, который бы попытался, исходя из социалистических идеалов, нарисовать перспективы развития природопользования.

Сейчас же в области природопользования действуют прямо противоположные тенденции. С одной стороны, стремление к экологизации производства, экологизации культуры, с другой — линия технократическая, направленная на наращивание производства со всеми вытекающими отсюда последствиями: химизацией, дальнейшим насыщением природы техникой и продуктами техногенного метаболизма. Вот две разных линии. Как их соединить? Пока, мне кажется, есть лишь какие-то подступы к концепции. Я был бы рад услышать обоснованные возражения.

М. Лемешев: — Я не согласен, что у нас нет концепции природопользования. Считаю, что такая концепция есть. В Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии сказано, что социализм с его гуманистическим мировоззрением призван обеспечить гармонизацию между обществом и природой. Это принципиальная концепция, я считаю. Она возникла не на голом месте, а на основе многолетних исследований ученых. И наших отечественных, например Вернадского, и современных, и зарубежных ученых. Во-вторых, я не согласен, что слабо общественное движение за охрану окружающей среды и рациональное природопользование. Я читаю многочисленные лекции в самых разных аудиториях. И встречаю буквально полное понимание и страстные выступления за охрану природы — вся наша общественность прекрасно понимает состояние дел.

Но тогда возникает вопрос: почему у нас нет здесь прогресса? Потому, что между учеными и общественностью, с одной стороны, и природой — с другой, стоит ведомство. Таких ведомств только союзного подчинения у нас примерно сто пятнадцать. И каждое возглавляет какую-либо отрасль. Человек отчужден от земли, от природных ресурсов, от средств производства и результатов своего труда. Поэтому общество не в состоянии принимать решения, и принимают эти решения ведомства. А ведомству вообще, на мой взгляд, глубоко безразлично состояние природы. Ему важно выполнять план любой ценой.

Каждое ведомство обладает в наших условиях монополизмом. И именно поэтому оно зачастую производит продукцию, которая вообще на самом деле никому не нужна. Именно поэтому мы по всем природоэксплуатирующим отраслям давно перегнали все развитые капиталистические страны, включая США. Достаточно сказать, что нефти мы производим в полтора раза больше, цемента в два раза больше, стали в два раза больше, железной руды в четыре раза больше, тракторов в пять раз больше, станков в два раза больше, чем США. Объем промышленного производства в США на 25 процентов больше, а национальный доход нашей страны — 66 процентов к американскому уровню.

Что же нам делать в этой ситуации? Использовать ту самую концепцию. Как это сделать? Я обращу ваше внимание на то, что третья сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, которая проходила в июле 1985 года, рассматривала вопрос о выполнении природоохранного законодательства. Всем ясно, что наше природоохранное законодательство никоим образом не выполняется. И для того чтобы положить конец этому ненормальному положению, в постановлении Верховного Совета СССР было принято решение разработать общегосударственную долгосрочную программу рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. После того прошло, как вы видите, два года, а программы такой не только нет, но даже не начата ее разработка.

Что это должна быть за программа? Прежде всего, она должна базироваться на нашей концепции экономического развития, принятой XXVII съездом: интенсификация производства и ресурсосбережение. Такая программа должна предусматривать систему мероприятий по сокращению потребления природных ресурсов. Иначе ни о какой охране окружающей среды не может быть речи. Действительно, зачем, например, мы обрабатываем 228 миллионов гектаров пашни? Зачем? Мы обрабатываем в том числе земли, которые находятся в экстремальных условиях, не дают никакого урожая. Мы бросаем туда огромное количество техники, минеральных удобрений, людей, сжигаем горючее и не получаем никакого урожая. Например, в Прикаспии мы имеем места, где комбайны просто не выходят в поле — убирать нечего. А сеяли, культивировали, удобрения вносили, гербицидами обрабатывали, воду по каналам подводили... И как же предлагают на это реагировать? Ссылаясь на засуху, руководители, например, Волгоградской области говорят, что надо еще оросить 250 тысяч гектаров дополнительно к тем 235 тысячам, которые уже орошены, уже засолены и ожидаемого урожая не дают. То есть господствует затратный подход. На совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса в июне 1985 года М. С. Горбачев сказал, что затратный подход в экономике обрекает нашу страну на застой. Это принципиальное определение. И если мы не преодолеем затратный подход, особенно в природопользовании, мы, конечно, будем двигаться в тупиковом направлении.

Второе положение такой программы — экологизация всей техники и технологии. Вот здесь уже непосредственно должны даваться задания отраслям и научно-исследовательским институтам, конструкторским бюро на разработку экологически приемлемой техники и технологии. Такие задания должны базироваться на реальном спросе, а не на ведомственном интересе и плане, составляемом «от достигнутого».

Программа должна дать оценку экологической ситуации в каждом регионе. Есть Нечерноземная зона, Донбасс, Прикаспий, есть другие крупные регионы, которые иногда не совпадают с границами административного деления. Нужно разработать концепцию природопользования применительно к каждому региону.

Допустим, мы разработаем такую программу и технологию хорошую создадим, но нужно, чтобы они реализовались. А для этого необходим специальный природоохранный экономический механизм. В чем он должен состоять? Прежде всего — это экономическая оценка природных ресурсов и введение возмездного принципа предоставления природных благ в пользование предприятиям. Если по-прежнему земля будет предоставляться бесплатно, вода — бесплатно, месторождения полезных ископаемых — бесплатно, то, конечно, у нас будет все время экстенсивный характер производства, природоразрушение и расточительный затратный подход.

Все природные ресурсы должны получить экономическую оценку, проект методики такой оценки разработан еще десять лет назад, до сих пор Госпланом не утвержден, хотя одобрен Президиумом Академии наук и коллегией ГКНТ. В решении июньского Пленума ЦК КПСС абсолютно правильно обращено внимание на необходимость введения платного пользования природными ресурсами, и чем быстрее оно будет введено законодательно, тем лучше. Эксперименты показали, например, что как только в Киргизии ввели плату за воду в орошаемом земледелии, там примерно на 50 процентов сократились заявки на воду. И, что самое главное, с пользой для урожая, потому что избыточная подача воды вызывает засоление, заболачивание, потери продуктивности земель и так далее.

Нужно пересмотреть систему стимулирования за пользование меньшими удельными расходами природных ресурсов, с одной стороны, и за использование вторичных ресурсов — с другой. У нас вторичных ресурсов столько, что мы могли бы, грубо говоря, не добывая новые полезные ископаемые, например железную руду, вообще десять лет жить спокойно, не разрушать природу и получать сталь в десятки раз дешевле, чем из исходного материала.

Я приведу только один пример. Мы каждый год бросаем на село около 400 тысяч энергонасыщенных тракторов, средний вес каждого трактора сейчас около 10 тонн. А через три-четыре года все это ложится мертвым грузом, многие населенные пункты превращены в кладбища техники. А кроме тракторов, есть еще комбайны, сеялки — в миллиардах тонн можно сейчас считать металл в стране. Что же говорят в оправдание? Что комбайн или трактор сломан, своим ходом не идет, а погрузить и отправить его нет ни оборудования, ни спецтранспорта. А самое главное — нет газорежущего оборудования. Нечем разрезать, понимаете? Вот луноход мы сделать можем, а газорезку, чтобы разрезать комбайн, погрузить и увезти в металлолом — этого нет. И главное — потребители, металлурги в этом не заинтересованы, хотя выплавка стали из металлолома в семь—десять раз дешевле, чем из исходного сырья. Нужно сделать так, чтобы прибыль, получаемая за счет использования вторичных ресурсов, оставалась в распоряжении предприятия для стимулирования его хозяйственной деятельности и отдельных работников. Вот разработка долгосрочной программы рационального использования природных ресурсов могла бы целенаправить эти работы.

Кто такую программу может разработать? Я считаю, что должен быть создан временный научно-технический коллектив под эгидой Академии наук СССР, который имел бы право привлекать любых специалистов из разных отраслей народного хозяйства. После того, как программа будет разработана, нужно, конечно, учредить общегосударственный орган охраны природы и рационального использования природных ресурсов, с тем чтобы этот орган мог реализовать разработанную программу. Таково мое мнение. Все остальные меры частного характера — это только заплатки, с помощью которых решить проблему невозможно.

Вы обратите внимание: у нас есть энергетическая программа, программа продовольственная, есть программа химизации, программа производства товаров народного потребления и услуг, но нет главного — программы, призванной гармонизировать отношения между природой и обществом, чтобы сохранить базис, на котором развивается общественное производство и вообще жизнь общества.

Нужно, на мой взгляд, начинать с разработки такой программы.

1917 — 1987

Не угаснет наше восхищение свершениями энтузиастов первых пятилеток...

Из Обращения ЦК КПСС
к советскому народу

1. А. Родченко. Киноплакат. 1926 год.
2. А. Левин, В. Маяковский. Книготорговый плакат. 1924 год.
3. Г. Клуцис. «Выполним план великих работ!» 1930 год.
4. Казимир Лишко. «Вперед, заре навстречу!»
5. Трактор харьковского завода. Фото В. Бреля. (Фрагмент.)
6. Тяжелая промышленность. Фото В. Шияновского.
7. Г. Камрадзиус. «Качество — точность...» 1977 год.

Г. Зеленко: — Я хотел бы вернуться к теме «экологические проблемы и общество». Общество действительно очень сильно реагирует на экологические проблемы. Пресса на свои выступления получает тьму писем. Лекции на экологические темы вызывают огромный интерес. Но вы можете объяснить мне, почему, допустим, общество переброской занялось так сильно, а влиянием загрязнений на состояние здоровья, проблемами медицинской генетики как будто бы не интересуется совершенно? Хотя с проблемой переброски связано все-таки не все наше общество. А с состоянием здоровья — все...

А. Ретеюм: — Отсутствие гласности!

М. Лемешев: — Отсутствие информации и дезинформация. Вот что!

Г. Зеленко: — То, что вы говорите, это причины. А я говорю о последствиях. Но может ведь случиться так, что если не будет какой-то концептуальной программы, то и Комитет по охране среды станет просто еще одним ведомством, которое будет преследовать свои собственные интересы.

Т. Рунова: — Как вы считаете, разработка территориально-комплексных схем охраны природы поможет ли в правильной ориентации проектировщиков на размещение и развитие производства в тех или иных районах, уже страдающих от загрязнения, от нарушений среды? Как оцениваете эффективность этих территориальных комплексных схем, которые сейчас стали разрабатываться? Они разработаны по Литве, по Эстонии, по Армении, по Еревану, по БАМу.

М. Лемешев: — Татьяна Григорьевна, они ничего не могут дать, потому что в основу этих схем уже заложены перспективы развития производительных сил, промышленности. А надо не допускать этого развития. Что ж получается, мы построили шесть ниток газопровода на севере Сибири — там очень большие разрушения тундры, оленьих пастбищ, нарушили пути миграции оленей, реки загрязнили, а после этого говорим: давайте разрабатывать схемы охраны природы. Берут принятые перспективы развития отрасли и, исходя из них, создают эти схемы. Может быть, не надо так сильно развивать отрасли, а надо остановиться и подумать.

Н. Глазовский: — Мне кажется, что проблемы природопользования сейчас затрагивают четыре основных аспекта. Во-первых, гласность, во-вторых, управление, в-третьих, теорию природопользования, в-четвертых, образование. Они, может быть, не по порядку здесь названы, но все четыре очень важны.

Вот возьмем гласность. Если население будет знать о состоянии среды, то наверняка оно как-то станет воздействовать хотя бы на местные органы. Вот это будет гласность.

Тема гласности касается не только последствий реализации каких-то проектов, но в первую очередь — проектов на стадии их разработки.

Мы видели, как помогла гласность в борьбе против переброски. И это имеет огромное моральное значение, поскольку люди видят, что они могут реально принимать участие в решении вопросов, касающихся их непосредственно.

Второй аспект — это управление природопользованием. Безусловно, необходимо создание какой-то структуры природопользования, причем, может быть, начинать нужно с местных органов власти — облисполкомов, райсоветов и так далее. Ведь сейчас никого не удивляет, что во всех организациях, включая крупные заводы и даже колхозы, есть юристы, которых там двадцать пять лет назад не было, и никто не думал, что они должны быть. Мне кажется, точно так же должны быть какие-то эксперты-экологи, эксперты-географы, которые могли бы консультировать местные власти по проблемам природопользования. Точно так же, как юристы.

Необходимо создать какую-то информационную систему знаний. Ведь часто мы не можем принять разумное решение по проблемам природопользования из-за того, что у нас нет соответствующей информации. И, по-видимому, необходимо как-то выделить те знания, которые могут реально использоваться на разных уровнях принятия решения.

Насчет теории. Михаил Яковлевич был совершенно прав, утверждая, что у нас есть некая сформулированная цель — гармонизация взаимодействия человека и природы. Но это цель очень общая, это, скорее, философский постулат, который необходимо конкретизировать. И здесь, мне кажется, самый важный вопрос: каково должно быть соотношение духовного и материального для людей. Только определив это, мы сможем определить и пути гармонизации взаимодействия человека и природы.

Думаю, что у нас есть теоретическая основа, базис для создания теории природопользования. Это идея Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере. Нам необходимо учитывать весь комплекс факторов, касающихся человека и природы. Ведь сейчас в природопользовании что учитывают? В какой-то степени — природные условия. Немножко и плохо учитывают экономику. Но масса других вещей не принимается во внимание. Не учитываются этнические особенности населения. А это имеет огромное значение. Все это учитывать, мне кажется, совершенно необходимо. И в рамках концепции Вернадского о ноосфере это можно сделать.

У нас сейчас есть еще одна беда. Помимо того, что очень ведомственно все хозяйство, оно еще и очень зацентрализовано. Разрабатывается наверху какой-то проект, который затем доводится до места и там начинает осуществляться. И после этого на уровне района и даже области что-то изменить в конкретных вопросах природопользования уже очень трудно. Мне кажется, здесь должен быть смещен акцент: многое нужно решать на местах. Это, помимо экономических выгод, имеет большое этическое и политическое значение: если люди почувствуют, что они решают какие-то проблемы использования своей природы, они будут по-другому относиться и к стране, и к своей Родине.

И, наконец, об образовании. Мне кажется, что экологическое образование крайне недостаточно. На любом уровне, начиная со школы. Ведь сейчас в учебниках по географии для пятого или шестого класса так же пишется о глобальных переброспах, о том, что это нужно и хорошо. Вот на этом все и воспитываются. А из этого школьника через несколько лет вырастает экологически необразованный председатель колхоза или министр.

Посмотрите, у нас в системе Минводхоза — сто шестьдесят четыре института. Ну а сколько в стране институтов географии? Пять или шесть на всю страну. А институтов, включающих в свою программу экологию? Примерно столько же. Институтов, занимающихся проблемами природопользования, вообще не существует. И поэтому, действительно, объективно многие проблемы природопользования не изучены. Вот уровень Каспия падал, потом поднялся. Каковы причины этого явления, никто однозначно сказать не может. Я сам очень много работал на Каспии и знаю, например, что еще очень слабо изучен там механизм испарения. Нужны большие экспедиционные и стационарные работы, а для этого — ассигнования, материальное снабжение, научные штаты.

А. Ретеюм: — Мне кажется, что многое, о чем говорилось сегодня, не подпадает под категорию рационального природопользования. Вот мы призывали говорить: рациональное, рациональное, а я бы сказал, что сейчас актуально, может быть, кардиальное, то есть идущее от сердца, природопользование. Потому что даже события истекшего года показывают, насколько человек эмоционально, интуитивно, сердцем чувствует и предвидит последствия точнее, чем головой. И выступления против некоторых проектов, начиная с перекрытия ряда рек и кончая строительством атомных электростанций там, где их быть просто не должно, около крупных городов, показывают, что человек, когда он идет от сердца, то есть верит своим эмоциям, способен оценивать экологическую ситуацию очень правильно. И поэтому, я бы сказал, нужно говорить не только о рациональном, но еще и о гуманном каком-то природопользовании. Вот такой, может быть, неожиданный аспект.

Т. Рунова: — Мы здесь уже с самого начала стали говорить об очень интересной проблеме — о концептуальности подхода к решению проблем. И действительно, наверное, сейчас нет концепции, которая помогла бы нам построить такое рациональное природопользование. Мы знаем, что надо делать: надо сокращать, надо уменьшать, надо не нарушать. А каким образом удовлетворить потребности страны в природных ресурсах? Каким образом сохранять здоровье людей в районах, где загрязнена окружающая среда? Мы практически таких путей не знаем. Мы даже не знаем точно современного состояния природной среды нашей страны.

Вот мы попытались сейчас составить карту землепользования европейской части страны. И обнаружили, что уже не существует природной зоны смешанных лесов и природной зоны южной тайги. Они вырублены, сейчас это лесо-луговые зоны, островные леса — леса среди лугов и полей, пастбищ и сенокосов. Понимаете, только северная тайга, частично средняя тайга еще сохранились какими-то сплошными массивами.

И поэтому науке, мне кажется, в первую очередь нужно начать фундаментальное изучение природы своей страны. Новое изучение — не то, к которому она привыкла. Нужно изучать природу страны, преобразованную человеком.

Мало знать природу, ее свойства, пути ее развития — надо обязательно знать, куда мы пойдем дальше в своем социально-экономическом развитии. И взгляд науки должен быть целенаправленно ориентированным. Скажем, если мы сейчас будем говорить уже не только о текущей пятилетке, а посмотрим на рубеж XXI века, то увидим, что, очевидно, общество и природа придут к какому-то новому этапу взаимодействия.

Вот то же самое сельское хозяйство. Для увеличения урожаев мы пока идем по пути усиления мелиорации, химизации; очевидно, они еще раза в полтора-два могут возрасти. Но к 2000 году мы исчерпаем эти возможности, а в ряде районов их уже сейчас нельзя наращивать по экологическим соображениям. Мы не сможем дальше этими способами увеличивать продуктивность наших полей. Каким путем идет сейчас сельское хозяйство в Европе? Во многих странах используют генную инженерию. Но такие культуры могут развиваться только на высококачественных земельных угодьях. Если угодья низкокачественны, никакая генная инженерия не поможет, никаких высокопродуктивных сортов растений мы не получим и не сможем локализовать наше сельское хозяйство. Сейчас мы его «размазываем» по всей стране, чтобы нам каким-то образом получить урожаи.

И вот понять, каким путем пойдет наше хозяйство, как оно будет дальше развиваться, очень важно для того, чтобы строить принципы рационального природопользования.

Еще один пример. Мы перестраиваем свою экономику по пути научно-технического прогресса, по пути усиления интенсивной технологии. Это приведет к снижению ресурсоемкости. Но одновременно это переведет проблему количества отходов в проблему качества отходов. Мы получим более трудноутилизируемые отходы. Наше природопользование и техника должны быть к этому готовы.

Есть и другие вопросы. Как мы будем размещать хозяйство, надо ли нам переходить от моноотраслевого деления территории к полифункциональному ее использованию? Как мы будем размещать сельское хозяйство, лесные угодья, рекреационные угодья, каким образом станем их сочетать друг с другом, чтобы получать наиболее высокий и социальный, и экологический, и экономический результат? Вот этого мы пока не знаем.

Так вот, разработка долгосрочной программы охраны природы, мне кажется, должна опираться на социально-экономический прогноз нашего развития, на представление о том, куда мы пойдем, каким образом будут развиваться регионы. Целый комплекс научных исследований должен поддерживать эту долгосрочную программу.

Экономисты очень упирают на платность природных ресурсов. А я хочу спросить: платность — панацея ли от всех зол? Ведь можно получить такую вещь: все лучшие земли вокруг городов «скупят» самые богатые предприятия для своих целей. Самые лучшие рекреационные угодья могут попасть в распоряжение ведомств с наилучшими финансовыми возможностями.

Есть опасность, что ведомство, которое получило в свое распоряжение какие-то природные угодья, может сделать с ними все что захочет, сказав, что оно «заплатило» за них.

М. Лемешев: — Я поясню, как мыслится этот принцип. Вот здесь Никита Федорович Глазовский говорил о том, как согласовать интересы государства, отрасли и конкретной области. Я как экономист вижу единственный способ: собственником природных ресурсов должна быть местная Советская власть — область, город и так далее. И она предоставляет отраслям свои ресурсы за плату. На этой основе формирует фонд охраны природы и развития природопользования.

Сейчас ведь местная власть и партийные органы идут охотно навстречу отрасли и говорят: берите у нас земли, пожалуйста, но только

постройте нам несколько жилых домов, дорогу вот здесь сделайте, магазин, больницу.

Должно же быть наоборот: вы хотите у нас поставить какое-то производство — пожалуйста, но земля стоит столько-то, вода стоит столько-то. Условия такие-то. А из этих фондов на месте формируется фонд социального развития и инфраструктуры, и природопользования.

Т. Рунова: — Но раз отрасль за землю платит, значит, она может с ней делать все что угодно?

М. Лемешев: — Что значит — что угодно? Экологическая экспертиза должна быть.

Т. Рунова: — Мы знаем, что такое экологическая экспертиза. Очень часто ее выводы не принимаются во внимание.

М. Лемешев: — Это, конечно, плохо. Но и сама экспертиза должна быть иной. Вот вы, может быть, обратили внимание, в своем последнем выступлении в «Коммунисте» я особо подчеркнул, что надо экспертировать не готовые технические проекты, не готовые технологии, не созданную уже технику, а подвергать экспертизе гипотезы, концепции и теории развития регионов, отраслей и ведомств.

Концепция природопользования должна базироваться на том, что нужно определить истинную общественную потребность. Нужно ли нам в таких масштабах развивать металлургию, химию, машиностроение и так далее? Вот в чем концепция должна состоять! Определить общественную потребность в продовольствии, в жилье, в социальных благах, в качестве окружающей среды. И все. И от этих конечных целей потом планировать развитие производства.

Согласно моим подсчетам, в шестидесяти процентах производимого продукта общество не нуждается. Вот в чем дело. У нас все общественные потребности деформированы. Мы за общественную потребность принимаем производство стали, цемента, удобрений, поголовье скота, обрабатываемые площади, потребляемую воду... На самом деле у общества нет таких потребностей. Это надуманные, деформированные потребности. Если мы перейдем к общественной полезности, включая в эту категорию и качество окружающей среды, то мы должны отказаться в значительной степени от сложившейся системы производства и развития производительных сил. Вот где, на мой взгляд, лежит концепция.

Г. Зеленко: — Совершенно справедливо, Михаил Яковлевич! Но перейти от социальных целей к экологическим программам и решениям, мне представляется, не так-то просто. И я хотел бы услышать, готовы ли разные направления современной науки к этому переходу. С моей точки зрения — нет.

М. Лемешев: — Готовы. Я поясню. Например, сельское хозяйство. Мы обрабатываем сейчас 228 миллионов гектаров пашни. Нужно сократить обрабатываемые площади до 160 миллионов гектаров. И законсервировать эродированные земли. Уйти из районов экстремального земледелия. Вот вам конкретное решение — и экологическое, и социальное.

Т. Рунова: — За счет чего мы там поднимем урожайность на 160 миллионах гектаров? За счет удобрений?

М. Лемешев: — Почему за счет удобрений? Просто за счет воспроизводства разрушаемого плодородия земли.

Мы сейчас распыляем эти ресурсы, обрабатываем те земли, которые заведомо не дадут высокого урожая. Но можно и людские ресурсы, и технику, и удобрения сконцентрировать на определенной площади. А земли, которые у нас эродированы и не дают урожая, законсервировать. Как это делают американцы. В США федеральное правительство каждый год арендует 15—18 миллионов гектаров у фермеров на пять лет и консервирует. Платит фермеру за то, что он не обрабатывает эти земли. За пять лет земли восстанавливают структуру, повышают гумусное содержание. Через пять лет возвращают фермеру — пожалуйста, работайте.

Возьмем другой пример. У нас 43 миллиона молочных коров. 60-процентная обеспеченность кормами. Выбросьте половину поголовья — сразу стопроцентная обеспеченность кормами. И не нужно каждую весну уговаривать девочек и мальчиков, чтобы они после десятого класса шли на ферму. Кстати сказать, американцы за последние 30 лет сократили поголовье молочных коров с 27 до 10 миллионов голов и полностью обеспечивают себя молоком и молочными продуктами. А мы все время говорим: в стаде много коров больных, бруцеллезных, яловых... Выбросьте все это! И вы сразу обретете и социальную, и экономическую, и экологическую ситуацию, желаемую вами.

Нужно только отказаться от ложной посылки, что чем больше будет производство, тем больше якобы благ. Ведь вот в чем дело: если производство не ориентировано на конечные цели, то чем больше мы производим продукции, тем больше дефицит. Когда мы накануне индустриализации выплавляли 6 миллионов тонн стали, дефицита металла не было: все поезда ходили, рельсы были, плуги были, бороны, кровельное железо, гвозди, лопаты — все, что нужно было тогда для развития народного хозяйства, все было. Сейчас 156 миллионов тонн стали — нет металла! Куда металл идет? Экскаваторы делаем, копаем, чтобы добыть металл и построить домну, прокатный стан. Строим, прокатали металл, снова делаем из него экскаватор, чтобы снова копать. 84 процента всех средств производства используются для производства средств производства! Вот где погибель нашей природы заключена.

Г. Зеленко: — Я с вами во многом согласен. Но все-таки с теми ста шестьюдесятью миллионами гектаров, которые вы оставляете, с ними тоже проблемы экологии надо будет решать. Половина поголовья скота, которую вы хотите оставить, тоже будет связана с целым рядом проблем, не решенных сейчас, и которые не будут решаться завтра, если не произойдет сдвиг в общественном сознании.

М. Лемешев: — Сознание есть. Каждый зоотехник, каждая доярка, председатель просят, умоляют: дайте мне выбраковать скот, негодный, яловый, больной, бруцеллезный. Но ему же не разрешают!

Вы представьте: вот Калмыкия, там сейчас поголовье скота в четыре раза больше, чем кормовая емкость пастбищ. Поэтому все пастбища выбиты, стремительно наступает пустыня. Вы знаете, сколько там сейчас мяса производится? Семь килограммов в год с одной овцы. Вы сократите в четыре раза поголовье — и овца даст не семь, а сорок килограммов мяса. Там нужно провести поверхностное улучшение лугов и пастбищ: организовать нормальный водопой и сократить поголовье — и все! А не планировать отведение туда воды из Волги!

Каждое скотоместо — вы обратите внимание, каждое скотоместо — сейчас требует восьми кубометров бетона. Так выбросьте негодный скот — и сразу миллионы тонн цемента вам не нужны, не нужно такого количества людей, такого количества горючего! Понимаете? Ложные потребности! Потребности определяются в промежуточном продукте, а не в конечном.

Разве хоть один хозяйственник заказал Минводхозу орошаемые земли или осушаемые? Наоборот! Ведомство ему это навязывает.

Т. Рунова: — Некоторые вещи требуют рассмотрения, наверное, особого. Ну, скажем, почему американцы сейчас имеют возможность вот так своими землями манипулировать? Потому что они достигли значительно более высокой урожайности.

М. Лемешев: — Так из-за этого у них и урожайность высокая. А не наоборот! А вы все с ног на голову ставите!

Т. Рунова: — Нет, Михаил Яковлевич, они подняли урожайность при помощи удобрений, при помощи противоэрозионных работ.

М. Лемешев: — Какие удобрения? У нас в 1,6 раза больше производится удобрений, чем в США!

Т. Рунова: — Сейчас у нас такую примерно урожайность, как в США, имеют только Кубань, республики Прибалтики, Белоруссия и Украина.

М. Лемешев: — Вот в том-то и дело — потому что мы обрабатываем площади 228 миллионов гектаров, а они 140 миллионов обрабатывают. Разве наша Кубань хуже, чем у них Айова? Разве наш Казахстан хуже, чем их Дакота или Техас? У нас в ряде районов и по осадкам, и по всему природному потенциалу ничуть не хуже условия, чем у них.

Т. Рунова: — Правильно, но у нас таких земель немножко меньше.

М. Лемешев: — Каких?

Т. Рунова: — Которые дают высокую урожайность.

М. Лемешев: — Да нет, ну, о чем вы говорите! Нужно сопоставлять не пустынные и полупустынные земли, включенные в наши сельхозугодья, а наши 160 миллионов гектаров с их 140 миллионами, и вы не получите такой разницы.

Т. Рунова: — Наши исследования показали, что мы в Прибалтике достигли урожайности 30 центнеров с гектара во многом при помощи удобрений. Какой ценой достигнута такая урожайность? Ценой загрязнения почвы и водоемов. Если мы так загрязним и все остальные земли, то потомки нам спасибо не скажут. А каким образом сочетать интенсивные и экстенсивные земли — это, наверное, вопрос очень важный. Нужно сочетать земельные угодья с интенсивной технологией с угодьями экстенсивно используемыми, которые требуют меньше удобрений. Вот этот вопрос, наверное, нуждается в тщательном рассмотрении. А если все сельское хозяйство подвергнем высокой химизации и сконцентрируем на каком-то ограниченном количестве земель, мы эти земли приведем в полную негодность.

М. Лемешев: — Да не надо же, не надо минеральных удобрений! В Скандинавских странах урожайность 40—50 центнеров с гектара, площади обрабатываемых земель мизерные, а загрязнение минимальное в Европе. Минеральные удобрения вообще в таком объеме не нужны! Когда всего 40 процентов навоза используется, а Минсельхозстрой закладывает в проекты заранее гидросмыв навоза с ферм в реки. Ну, куда это годится?

А. Ретеюм: — Товарищи, мы все-таки, мне кажется, забываем, что мы собрались не в сельскохозяйственном журнале, а в журнале «Знание — сила». И вот я хотел бы вас вернуть к этому тезису: знание, действительно, сила, и сейчас, в условиях, когда всеми осознается необходимость поиска каких-то принципиально новых путей природопользования, это сила мощнейшая.

Михаил Яковлевич Лемешев правильно сказал: нужно определить потребности. Вот с этого надо начинать. Но мне кажется, что он преувеличивает наши знания о том, что нам нужно, и способности науки определить эти потребности, и — что еще важнее — определить последствия принятых решений, в том числе интенсификации сельского хозяйства.

Я бы так сказал: наша наука в силу разных причин — объективных и субъективных — отражает состояние хозяйства, где царит ведомственность. В науке это выражается в господстве специализации, господстве анализа. Наука наша, имеющая великие традиции — от Ломоносова до Менделеева и Вернадского, утратила многие свои лучшие качества. Она стала целиком аналитической наукой. Синтетические направления практически не развиты.

Вот возьмем Институт географии АН СССР, который, казалось бы, призван обеспечивать синтез наук. Этот да и многие другие институты также организованы по отраслевому признаку. В ИГАНе есть отделы гидрологии, климатологии, физической географии, экономической географии, народонаселения. Нет ни одного отдела (я не знаю, может быть, вы меня поправите?), нет ни одного подразделения, которые бы занимались синтезом. Таких отделов нет, как нет и людей-генералистов. И в этих условиях естественно, что все природопользование разложено по полкам.

Т. Рунова: — В Институте географии есть сейчас такой отдел — лаборатория комплексных географических прогнозов. Но она, правда, лишь начинает свои исследования.

А. Ретеюм: — Ну вот видите — только начинает. А я приведу конкретный пример. Наше сельское хозяйство резко отстает в использовании минеральных удобрений, в частности фосфора. Министерство по производству минеральных удобрений намечает увеличение в 2—2,5 раза этого производства. Но уже сейчас с колоссальным трудом добываются все новые и новые миллионы тонн фосфора. Мы вынуждены идти в глубину на километр, двигаться на Север, чтобы обеспечивать добычу. Добывать фосфор все сложнее и сложнее. И в то же время мы теряем с эрозией, со стоками с ферм огромное количество фосфора. Так вот, балансом фосфора, как и исследованием круговорота других веществ, никто не занимается. Я в свое время выступил с инициативой создания проекта «Фосфор», чтобы подсчитать на конкретном примере, где мы можем что извлечь. Оказалось — даже установив дешевые его источники, мы не можем решить проблему, потому что Министерство по производству минеральных удобрений не заинтересовано в использовании каких-нибудь там стоков или навоза.

Мне кажется, в стыковке наук и заложены резервы выхода из тяжелого положения, которое сейчас складывается. При существующей аналитической организации науки мы не сдвинемся с места. Потому что анализ не может дать концепции. Только синтез! И нужно ставить вопрос о том, чтобы наука была

организована совершенно по-другому, академическая наука — прежде всего.

В. Владимиров: — Мне кажется, тут еще вот в чем проблема. Мы как-то здесь собрались в основном некурящие. Курят — хозяева. Курят-курят... Вот вы курите, зная смертельную опасность этого дела. Что же говорить о том, как общественность осознает все эти экологические проблемы? Конечно, осознает очень плохо. И не только общественность. Те же самые сельскохозяйственники. С ними всякие разговоры были. Ответ один: надо кормить народ. Всё. Ответ правильный по существу. И вот получается: вокруг Москвы первое кольцо животноводческих комплексов, второе кольцо... Причем как можно ближе к Москве.

Перекрываются зонами вредности все рекреационные территории, места расположения пионерских лагерей, домов отдыха, садоводческих участков. Что же, люди, принимающие решения, совсем не представляют, что такое экология? В принципе-то они знают, что нужно беречь природу и так далее. Однако это делается! И будет делаться!

Попробуйте вы обыкновенному человеку сказать: вот давай комплексно будем охранять природу, но для этого тебе нужно поступиться собственным автомобилем. Он всегда автомобиль выберет! Потребительская психология в очень большом числе случаев ведет к игнорированию экологических принципов.

Поэтому, конечно, говорить о какой-то концепции охраны — это прежде всего говорить, действительно, о разработке какой-то общественной идеологии.

И вот тут я бы хотел остановиться на не затронутом еще вопросе, который мне представляется чрезвычайно важным. Вопрос такой: как мы относимся к территории? Мы к ней относимся в лучшем случае как к земле. Учитываем ее ценность как почвы, что ли. Но ведь территория еще имеет ценность как полигон, где развертывается вся экологическая драма нашей жизни, как жизненное пространство — в хорошем смысле, не в геополитическом. Мы же этого почти не учитываем.

Вот пример. Проектируется новая Елабуга, новый город, тракторный. Не буду, Михаил Яковлевич, лезть не в свою епархию, вы ее лучше меня знаете, но я с вами соглашусь в одном, что прежде чем строить этот город, надо было посмотреть, хватает у нас тракторов или нет.

М. Лемешев: — Лишние!

В. Владимиров: — Они еще и «лишние»! И вот решили, что самое лучшее место — это Елабуга.

Елабуга маленький город, невелико население в нем. Это родина Шишкина, там шишкинский музей; там похоронена девица-кавалерист Дурова; там похоронена Марина Цветаева; там есть памятники культовой архитектуры и архитектуры гражданской, и это единственный зеленый оазис в гигантском промышленном пятне. Зеленый клин идет с севера к городу Брежневу — огромный лесной массив в 16,5 тысячи гектаров, знаменитая шишкинская корабельная роща...

Город раньше и был ориентирован на развитие как центр отдыха этого района (17 километров от города Брежнева). А теперь представьте: шестисоттысячный Брежнев, и рядом с ним будет развиваться пятисоттысячная Елабуга (вместе с Менделеевском). Это рядом, это практически один город. Дальше — двухсоттысячный Нижнекамск. Иначе говоря, примерно сто километров сплошной промышленной застройки, чередующейся с жильем. Новая экологическая проблема. С одной стороны, справедливо критикуем хаотичную урбанизацию в капиталистических странах, а с другой — планомерно создаем подлинных градостроительных монстров.

Между тем в сорока километрах восточнее Брежнева есть город Мензелинск, который вполне можно было бы развивать, если нужен в этой агломерации такой завод.

Ну, а что касается концепции, то мне кажется, что у нее есть три составляющих — экономическая, социальная и экологическая. Думаю, что экономическое содержание концепции — это, действительно, определение истинных потребностей.

Вторая составляющая этой концепции, мне кажется, должна выявить социальные потребности человека и прежде всего — в территории. Сюда входит и жилье, и потребности в рекреации, в туризме, многие другие социальные потребности, связанные с использованием ресурсов.

И наконец, экологическая составляющая. Мне кажется, что прежде всего надо разработать какой-то общий критерий. Хотя бы такой: сохранение динамического экологического равновесия биосферы. И здесь очень важен, конечно, территориальный аспект — все, что связано с размещением производительных сил, регламентированием использования территории страны.

Сейчас все мы знаем, как разрушается биосфера: амазонские леса рубят, сегодня вот говорили — южной тайги уже по существу нет, океан загрязняется. Значит, надо определить, что́ нужно для сохранения равновесия. Учесть и воспроизводство ресурсов, и ограничение нагрузки на среду, и многое другое. Вот все это вместе мне и представляется концепцией. Той концепцией, на основе которой что-то можно сделать.

Г. Зеленко: — Думаю, что обмен мнениями сегодня был полезен. Решения июньского Пленума ЦК КПСС создают надежную основу для перестройки народного хозяйства страны, в том числе и по критериям экологическим. Вместе с тем мне по-прежнему представляется, что пока еще нет ясной и разработанной концепции рационального природопользования. Безусловно, интересной представляется позиция Михаила Яковлевича Лемешева: идти от конечного продукта, безусловно необходимого обществу. Однако предстоит найти путь воплощения этого принципа в широкую и разработанную программу действий — то есть на деле создать в ближайшем будущем концепцию рационального природопользования. Надеемся обсудить реальные очертания этой концепции на очередном «круглым столом» в редакции. Надеемся также, что отклики читателей на наш сегодняшний разговор помогут точнее очертить круг волнующих проблем. ●

Публикацию подготовила
Г. Шевелева

Города — искусственная природа, творимая руками человека. И он в ней живет. Нравственное и физическое здоровье людей находится в прямой зависимости от того, какова эта природа. Сделать ее человечной — задача жизненно важная, социальная. О том, что нужно для ее решения, речь шла на недавно прошедшем VIII съезде архитекторов. На вопросы нашего корреспондента Галины БЕЛЬСКОЙ отвечает делегат съезда, избранный членом правления Союза архитекторов СССР, Евгений АСС.

Е. Асс

Услышать голос будущего

Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
Б. Пастернак

— *Прошел съезд Союза архитекторов. Чем порадовал или не порадовал он вас? Какие новые рубежи обозначились на нем?*

— Радоваться организационным переменам стоит, они пойдут на благо; демократичность процедур, которые были предложены, обнадеживает. Но вместе с тем есть и неудовлетворенность, потому что на съезде не прозвучало слово, которое, на мой взгляд и взгляд многих моих коллег, определяет состояние архитектуры, нашей профессии. Слово — кризис.

Это тяжелый диагноз, но его очень важно было поставить. Для того, чтобы понять самим и показать всему обществу: речь идет уже не об «отдельных недостатках», а о предельном обострении «тяжелой и продолжительной болезни». Сейчас надо говорить не столько о ренессансе, сколько о реанимации.

Само общество болезненно переживает этот кризис. Но это, как ни странно, вселяет некоторый оптимизм. Если общество обратило внимание на архитектуру — жаль, конечно, что только из-за плачевного ее состояния, — есть надежда, что кризис будет преодолен. Нам одним тут не справиться.

— *Из чего складывается, на ваш взгляд, кризисная ситуация?*

— Хочу отметить четыре принципиально важных момента. Речь идет о кризисе творческом, а в более широком смысле — идейном. Это первое. Второе. Речь идет о кризисе организационном. О ситуации, в которой находится сама по себе профессия. Третье. О кризисе реализации, то есть о взаимодействии архитектуры с теми, кто занимается ее материальным воплощением, и о самом воплощении. И наконец четвертое. Речь идет о кризисе образования как причине или следствии многих бед. А результат всего — кризис доверия к архитектуре. Именно в этой последовательности и можно говорить.

— *Кризис идейный, творческий, в чем он?*

— Заканчивая свою речь на I съезде советских архитекторов (кстати, ровно пятьдесят лет назад), великий архитектор XX века Фрэнк Ллойд Райт сказал: «Архитектура все более становится областью науки и философии». Конечно, он не имел в виду, что при этом архитектура перестает быть искусством, — и доказал это всем своим творчеством, — но он обратил внимание на особенности развития архитектуры в наше время. Ведь что такое архитектура? Это искусство пространственной организации жизни и одновременно ее художественное истолкование. А пространственная организация жизни — вопрос, конечно же, философский прежде всего. Причем имею в виду все многообразие пространственной реальности, с которым соприкасается человек, — от космоса до фактуры стены в комнате. Не удивляйтесь. По истории архитектуры можно реконструировать и историю космогонии.

Так вот, если говорить о идейном кризисе, то я его вижу в упадке архитектуры как философии, в оскудении родника архитектурной мысли. Именно мысли. Не науки с ее точными данными, не теории со строго логическими умозаключениями, а размышления, пристального вглядывания в жизнь, человека, природу. Без этого я не вижу архитектуры. То есть она может существовать и существует как функциональный элемент народного хозяйства, но не как область духовной культуры.

У этого кризиса есть две стороны. Одна — всеобщая, культурно-историческая, и вторая — конкретно-социальная. По поводу первой приведу фразу английского теоретика Чарлза Дженкса: «Единственная вина современных архитекторов заключается в том, что они родились в XX веке». Действительно, из всех видов творческой деятельности архитектура в XX веке оказалась едва ли не в самом сложном положении. Для примера в самой грубой схеме представим себе только один аспект из огромного клубка проблем.

Архитектура всегда была вещественным выражением определенной картины мира. История «больших стилей» говорит об адекват-

ности художественных принципов социальным и философским идеям эпохи. В XVIII веке, даже раньше, с торжеством романтизма утрачивается целостность картины мира, в XIX веке происходит дробление этих картин, происходит и утрата «большого стиля». Я говорю о Европе. Классицизм умирает, ордерная архитектура подвергается сомнению. К XX веку оказывается, что стилевые каноны как бы исчерпаны, и перед архитектором возникает очень сложная задача — поиск формообразующих мотивов. Если в эпоху классики было совершенно очевидно, что есть ордер (кстати, невероятно гибкий инструмент), есть известные взаимосвязи и взаимодействия между определенными ордерными элементами, и архитектор занимался тем, что интерпретировал этот ордер, приспосабливая его к той или иной пространственной или социальной ситуации, то перед архитектором XX века встала задача каждый раз выдумывать все заново. А что выдумывать? Реализовывать свою собственную картину мира, индивидуальную, как бы не связанную с картиной мира потребителей, или условно предполагая все-таки такую связь? Апеллировать ли к объективности научно-технического прогресса, к его рациональности и таким образом воплощать некую единичную, всеобщую культурную модель? Перед архитектором встала проблема каждый раз находить новый образ, новую конструкцию мироздания. Не больше и не меньше. И несмотря на грандиозные интеллектуальные усилия великих пионеров современной архитектуры — Ле Корбюзье и Миса ван дер Роэ с их попытками утвердить как бы новые ордерные системы и всех других мастеров, — эти вопросы остаются открытыми. Но они заложили основы современной архитектурной мысли. Мы так или иначе возвращаемся к ним. Даже в их отрицании. С тех пор проще мир не стал. Архитектурная философия не поспевает за ним. Но старается. В последние десятилетия эта деятельность невероятно активизировалась во всем мире. Какие-то пути преодоления кризиса, как мне кажется, стали намечаться.

— А в какой мере эта активизация архитектурной мысли коснулась нашей страны?

Этот вопрос касается как раз второй стороны кризиса — конкретно социальной. Отвечая на него, надо признать честно: в весьма незначительной, если иметь в виду количество и качество собственных оригинальных идей. Но мало того, мы практически не знакомы с мировой современной архитектурой, а тем более — с профессиональной идеологией. Пожалуй, ни одна область культуры не оказалась в такой международной изоляции, как наша архитектура. Иностранную литературу мы читали и читаем постоянно, фильмы смотрим, если не подлинники, то репродукции живописи знаем, музыку слушаем. А архитектуру? Ведь ее, кроме всего прочего, потрогать надо. У нас же большинство архитекторов даже фотографий не видят. Но есть такие фигуры в современной архитектурной философии, не знать которых профессионалу нельзя. Так же, скажем, как кинорежиссеру нельзя не знать Феллини. Например, Кристофер Александер и его работы «Город не дерево», «Язык моделей». Или Джейн Джейкобс — «Жизнь и смерть великих американских городов». Это работы двадцатилетней давности, они стали классическими, а у нас о них слышали единицы. Какое многообразие блестящих идей заложено в постройках, проектах, статьях и комментариях ведущих мастеров! Но и это все почти недоступно рядовому архитектору, тем более — живущему в городах небольших.

Вообще отрыв от мировой архитектурной культуры накапливался, начиная с тридцатых годов. Наши конструктивисты и рационалисты были в прямой связи с международным архитектурным процессом и даже во многом в его авангарде, и журнал «Советская архитектура» образца 1928 года печатался на двух языках — он действительно был международным журналом. После этого все, что касалось зарубежной архитектуры, считалось либо запретным, либо подлежащим критике, остракизму. Но тем не менее информация просачивалась, хотя по принципу «испорченного телефона» — фрагментарная и поверхностная. Вместо серьезных идей перенимаются отдельные приемы, какие-то внешние атрибуты. И хотя все это очевидно, ни разу не была сделана попытка проанализировать влияние и параллели. И то, что мы не пытались поставить советскую архитектуру в круг рассмотрения наряду с мировыми архитектурными идеями, нас чрезвычайно обеднило. Сегодняшнее наше ощущение самих себя архитектурной провинцией очень мешает.

А вот каких-то значительных идей в отечественной архитектуре за это время не возникло. Последний серьезный всплеск оригинальной архитектурной мысли был связан с деятельностью группы НЭР (новый элемент расселения) в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. Кстати, работа эта получила за рубежом резонанс куда более широкий, чем дома.

Сегодня новый всплеск архитектурной мысли я вижу в творчестве так называемых «бумажников» — о них ваш журнал писал, — хотя вижу известный порок в их эскапизме. Но многие их работы, высоко оцененные в разных странах мира, так и не стали предметом дискуссий в нашей стране. В этом же ряду нельзя не упомянуть о прибалтийских архитекторах, прежде всего, наверное, эстонских. Они серьезно думают, проектируют и строят. И еще я бы мог назвать, может быть, десяток имен из разных городов и республик. Упомяну только блестящего мыслителя и архитектора Бориса Устинова, ныне работающего в городе Брежневе, основателя первого в нашей стране кооператива архитекторов. Мне этот список кажется трагически коротким. Это я и называю кризисом идей.

— В чем вы видите причину такого положения? Ведь, насколько мне известно, в системе архитектуры действует много научных, теоретических подразделений.

Что касается архитектурной науки, то я в самом начале уже заметил, что говорю не о науке, а о мысли. Для меня это совершенно разные вещи. Прикладная архитектурная наука занимается фактами, их точным анализом, систематизацией, обобщением, короче — накоплением знания. Но в архитектуре само по себе знание мертво. Из одних норм и рекомендаций, даже верных, дом не построишь, а уж из ложных — тем более. Это область грамматики, но ведь есть и литература. А там господствует мысль. Без мысли и грамматика ни к чему. Но надо сказать, что и с этой грамматикой дела у нас пока не очень благополучны.

А что касается причин идейного кризиса, то одну из них — международную изоляцию — я уже упомянул. Но все же главная — это, очевидно, общая ситуация застоя в культурной и экономической сферах. За многие годы сложилась определенная конъюнктура с вполне определенными установками. Вспомните, за что присуждались главные награды страны. Дворец съездов и Тольятти — вот что было эталоном. Рядом с такими монументами утверждение новых идей было делом бессмысленным и даже рискованным. У архитектуры своя специфика — это искусство очень конкретное, оно требует воплощения. В других видах творчества, несмотря на застой и давление, тем не менее шло накопление. Сейчас мы открываем фильмы и романы двадцатилетней давности, в которых звучат совершенно актуальные проблемы. В архитектуре такого задела не могло возникнуть. Ну и не последнюю роль в возникновении идейного вакуума сыграла печать, то есть ее отсутствие. В крохотной Швейцарии издается около двадцати (!) архитектурных журналов. А в нашей стране — фактически один. Общесоюзный «Архитектура СССР» — шесть номеров в год. И еще семь местных и республиканских, имеющих в основном региональное значение. Какие уж тут дискуссии и полемика! И полное отсутствие архитектурной критики. Кстати, и в массовой печати тоже. Сплошное умиление: «Прекрасный подарок от строителей (!) к Новому году получили жители города N. Просторные, светлые помещения...», «приветливо распахнули двери...», «взметнулись ввысь шестнадцатиэтажные красавцы...» и т. д. Профессиональная критика, к сожалению, мало чем отличается от этого елея.

— Однако что же может быть предложено? Какая альтернатива? Такое впечатление, что ни в проектах, ни в идеях нет того, что способно было бы заменить нынешнюю архитектуру. Это впечатление возникло не само по себе. Знакомясь с проектами на лучший, скажем, Дом культуры, Дом быта или школу, видишь, насколько, простите, убого работает мысль архитектора, как она незначительна,— и это тогда, когда архитектор может позволить себе все, на что он способен, чего он желает, реализовать все самые смелые свои идеи. Но ни одной смелой идеи на выставках таких конкурсных проектов не встречаешь. Исключения бывают, они чрезвычайно редки.

— Соглашусь с вами лишь отчасти. В том, что касается низкого профессионального уровня проектов, примитивности мышления. Но ведь такая примитивность поощрялась столько лет и сейчас еще поощряется. Этот уровень мышления — продукт времени. Я не берусь утверждать, что вот сейчас наконец открылась истина. И дальше архитектура окажется безупречной. Но я верю в существование альтернативы и вижу ее. Эта новая архитектура очень многообразна. Ее нельзя описать, архитектуру вообще трудно описывать. Ее будет создавать новое поколение архитекторов — свободное от догматизма, более раскованное и смелое. Если, конечно, ему не станут мешать.

— Предположим, что появится новая архитектура в проектах. Можно ли будет их реализовать?

— На съезде говорилось больше всего об этом — о взаимодействии архитекторов со строителями. Я думаю, что строительство — это высочайшая форма духовной деятельности. Как говорил Хайдеггер, «строить — значит жить».

Я не согласен со многими нашими архитекторами, в том числе и молодыми, которые хотели бы поставить строителей в положение безгласных исполнителей архитектурных затей. Когда-то архитектор сам был строителем. Специализация, выделение архитектуры произошло довольно поздно. А до этого архитектор был главным строителем. Все-таки строителем.

Осмысленно складывать камни, созидать — это есть акт духовности, миросозидания, что-то очень глубокое и важное. Катастрофическая утрата культуры строительного производства отбрасывает нас чрезвычайно далеко, но не назад, потому что там-то как раз было все в порядке.

На самом деле соотношение между строителем и архитектором при специализации, произошедшей в эпоху Ренессанса, метафорически может быть описано как деятельность композитора и исполнителя: и тот, и другой связаны единой духовной нитью. Если Рихтер играет Бетховена, это не значит, что он просто нажимает на клавиши согласно партитуре, написанной Бетховеном,— он воплощает духовную сущность, заложенную в нотах, делает это в соответствии со своей мерой духовности, таланта и мастерства. Так и строитель должен быть человеком большой духовной культуры, потому что он связан с миром и архитектором очень важной, глубинной связью. В нынешней ситуации обсуждение, где должны быть архитекторы — над строителями, под строителями, сбоку и т. д., не имеет смысла. Строительная база, строительство вообще должно накопить культурный и технический потенциал. А пока что это напоминает ситуацию, скажем, в филармонии, где директор приглашает сотрудничать композитора, предупреждая, однако, что рояль у него не настроен, скрипок не хватает, у музыкантов нет слуха и т. д. Пишите свою музыку поэтому в соответствии с этой ситуацией, такова жизнь. При этом тон — начальственный, командный. Это полный абсурд. Вместо того чтобы навести у себя порядок и дать возможность для естественного взаимодействия между авторами и исполнителями, создается иллюзия того, что все-таки можно композитора заставить писать музыку для вот такого оркестра. Можно. Это мы знаем. Только к музыке это уже не имеет отношения.

Ведь подумайте — строить кое-как значит и жить кое-как. Тут не до ведомственных амбиций — разрушается вековечная, основополагающая связь человека со своим окружением. На всех уровнях — от масштаба страны до региона, города, дома, вплоть до дверной ручки. Вот что такое архитектурно-строительный комплекс в культурном аспекте!

Если мы говорим о том, что упал престиж архитектуры, то престиж строителей упал еще больше. Идут туда уже, по-моему, от полного отчаяния. А я убежден, что на самом деле строитель должен быть, как он и был всегда, интеллигентом в самом высоком смысле этого слова. Как, впрочем, и архитектор. Тогда будет полное взаимопонимание.

Третье. О кризисе организации самого проектного дела. Здесь все запутано до безнадежности. Казалось бы, ситуация в высшей степени проста, проверена веками и работает бесперебойно в большинстве стран мира. Ситуация простого, прямого взаимодействия заказчика — проектировщика — подрядчика. Заказчик — тот, кому надо что-то построить, и тот, кто имеет на это деньги; проектировщик — это тот, кто знает, как удовлетворить интересы заказчика, и делает сценарий и проект. И подрядчик — это тот, кто по чертежам реализует это в материале. Все просто. У нас же запутано до такой степени, что, не выйдя из этого лабиринта, невозможно понять, что это так просто. А находясь внутри, невозможно, на мой взгляд, прийти ни к каким результатам — все ходы заведомо тупиковые.

Есть надежды, что экономические реформы, о которых шла речь на июньском Пленуме, как раз и помогут выйти из этой безвыходной ситуации. Предприятие-заказчик, находящееся на самофинансировании, хозрасчетная проектная бригада, хозрасчетное строительное управление — предполагается, что все они имеют интерес друг к другу без всякого ведомственного соподчинения и основаны эти отношения на простой и ясной экономической связи. Это надежды на будущее. Сейчас же то, что происходит с профессией, не выдерживает никакой критики.

Сама рабская подчиненность архитектора гигантским проектным организациям, его зависимость от не связанных впрямую с ним множества ведомств, огромное число ограничений всякого рода, от нумерования коридоров до запрещения тех или иных материалов, — все это ставит архитектора в положение настолько странное, прямо-таки дикое, что сводит продуктивность его почти к нулю.

Одно из предложений нашей инициативной группы, которые были опубликованы и о которых мы уже полгода говорим, заключается в том, чтобы сделать Союз архитекторов профессионально-творческой организацией. Архитекторы соответственно получили бы возможность вступать в договорные отношения с любым заказчиком, формируя бригады, творческие объединения. Но чтобы главным в их жизни была принадлежность к этому союзу, а не к отделу кадров какой-либо конторы. Тогда возникают совершенно другие отношения и внутри цеха профессионалов, и между профессионалами и заказчиками, и подрядчиками. Не ведомственная иерархия архитекторов, а творческая, неформальная, зависящая лишь от того, насколько профессионально, хорошо архитектор выполняет заказ. Если он имеет много заказов, его положение одно, если не имеет — положение другое, но оно, положение это, определяется исключительно способностями и творческими возможностями архитектора. Конкуренция, которая, безусловно, возникнет, в этих условиях будет естественна, нормальна. И ее бояться не следует, я бы считал, даже наоборот, именно за такую конкуренцию нужно всячески ратовать.

Не последнюю роль играет еще и система оплаты работы. Как служащий по определению, а не художник, независимо от того, чем он занимается и как, и каково общественное признание его труда, архитектор получает твердую зарплату. Рост архитекторв и, соответственно, его зарплаты возможен только по административной лестнице. Вовсе не на основании его мастерства на каждой следующей ступеньке он все меньше имеет дело с чертежной бумагой и все больше — с писчей. Корпус архитектурных командиров таким образом формируется по существу из чиновников. Мне кажется, что общество должно быть заинтересовано в том, чтобы раскрепостить архитектора и сделать его подконтрольным только самому себе на основе творческой конкуренции. Так же, как оно контролирует театр, — очередями перед входом или пустыми залами.

Теперь последнее — образование.

Падение престижа профессии «архитектор» в течение последних лет тридцати сказалось и на престиже архитектурного образования. Конкурс в архитектурный институт безнадежно упал, уровень профессуры, преподавательского состава безнадежно снизился, и если так будет продолжаться и дальше, может случиться, что мы окажемся вообще без архитекторов. А их у нас и так катастрофически мало. По сравнению, например, с ФРГ, где один архитектор приходится на тысячу жителей,— в шесть раз меньше.

Конечно, реформа образования невозможна без изменений во всей архитектурной жизни. Я бы хотел видеть архитектурный институт, организованный по принципу мастерских, во главе которых стоят видные профессионалы. И студенты с первых же дней учебы вовлекаются в сотрудничество с ними. Для мастера это повод для формулирования своих идей, для ученика — это непосредственная жизнь в профессии. Собственно, такой принцип обучения традиционен — ренессансные «баттеги» были организованы именно так. И все остальное обучение в институте подчинено главному — овладению профессией.

Именно архитектурный вуз должен быть центром архитектурной мысли. Пока что он таким центром не является. Мне кажется, что институт и Союз архитекторов — это те организации, на которые падает основная ответственность за развитие архитектуры...

— А не за единообразие. Ведь так? Потому что многие представляют себе, что Союз архитекторов должен породить какую-то генеральную модель, и тогда мы опять будем все бежать по одной правильной дороге.

— Вовсе не об этом идет речь. Речь идет о том, чтобы постоянно в себе самом

Окончание на стр. 87

«Молодежь может справиться с самыми запутанными проблемами»

Академик Е. ВЕЛИХОВ: — Аудиторию журнала с названием «Знание — сила» вряд ли надо убеждать, что без притока молодежи, ее энергии и жажды познания, ее инициативы «наука вообще» обречена на угасание. Мы знали, что положение «молодой» науки в академии, да и не только в ней, в последние годы складывалось явно неблагополучно. Но это было лишь общее ощущение. Нужна была конкретная статистика. И мы в 1981 году начали свою работу со сбора статистических данных. А затем обстоятельно проанализировали их. И выявилась, например, такая картина. К 1981 году доля молодых ученых в возрасте до тридцати трех лет от общего числа ученых и специалистов академии составляла примерно двадцать пять процентов. Вдумайтесь: четверть всех ученых академии — молодежь! А как с научным статусом? По сравнению с семидесятыми годами доля высококвалифицированных молодых ученых — докторов наук, завлабов, руководителей групп — упала в четыре раза! К 1981 году во всей академии было девять докторов в возрасте до тридцати трех лет, причем в 1982 пять из них «прощались с молодостью», переходили в среднюю возрастную категорию. Оставалось всего четыре!

И тогда-то мы въяве осознали, что время одних призывов «повышать, улучшать!» и т. д. кончилось. И в то же время столь же четко было ясно, что кавалерийским наскоком твердыню этой инерции не одолеть. В том же, 1981 году мы подготовили обширный статистический анализ положения и вошли в Президиум АН СССР с проектом постановления по работе с молодежью. Для себя этот документ мы назвали «манифестом».

Реплика с места: — А в чем была причина такого положения с молодежью в академии?

Е. ВЕЛИХОВ: — Причины. Их было несколько, причин...

Так началась встреча в редакционном клубе «Знание — сила» с председателем Комиссии АН СССР по работе с молодежью, вице-президентом АН СССР академиком Евгением Павловичем ВЕЛИХОВЫМ и ученым секретарем комиссии Юрием Петровичем ПЕТРОВЫМ.

Е. Велихов: — Итак, причин было несколько. Основная, на мой взгляд, была связана с окончанием этапа экстенсивного развития академии — расширения существующих и создания новых институтов — и переходом к интенсификации научной деятельности, но при неизменной организационной структуре. Короче говоря, нет новых институтов, лабораторий и т. д.— нет и притока молодежи, нет или очень затруднен профессиональный рост: ведь при закостенелых штатных расписаниях расти просто некуда, все занято. (Отсюда, кстати, и падение престижа научной работы у молодежи, отток из науки в более «хлебные» — а что тут скрывать, это наглядно было видно — профессии.) Сказался и пресс чисто бытовых тягот: к тридцати годам у «мнэ-эса» — уже семья, дети, а зарплата — нередко 120—130, очередь на жилье — это в среднем по пять — семь лет, а в каждом конкретном случае она как-то всегда больше.

Во многих академических институтах Центра явно видна была и раньше слабая, но ощущаемая тенденция к снижению абсолютного и относительного числа молодежи. Понятно, институты старые, устоявшиеся. А в относительно молодых научных центрах — филиалах АН СССР, в Сибирском отделении — наблюдалось увеличение числа молодых специалистов. Тенденция четко прослеживалась: чем моложе и удаленнее от Центра научное учреждение, тем больше в нем молодых сотрудников. Сказались тут еще и мероприятия по сокращению штатов академических учреждений — они были особенно широкими для центральных институтов.

Так вот, летом 1981 предъявили мы свой «манифест» на рассмотрение Президиума АН СССР. Прямо скажу: это

1917 — 1987

В ходе социапистического строительства наша страна преаратилась в могучую индустриальную державу...

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

Камера для создания сверхвысоких давлений. Институт экспериментальной минералогии АН СССР. Фото В. Бреля. 1.

Атомный ледокол «Арктика» во льдах Северного Ледовитого океана. Фото М. Начинкина. 2.

«Разбередили душу крестьянина-единоличника колхозный активисты». Архивное фото. 3.

Общий вид плотины Днепрогэса. 1936 год. Фото М. Альперта. 4.

Е. Ленева. «Готов Турксиб». Агитационный фарфор. 1928 год. 5.

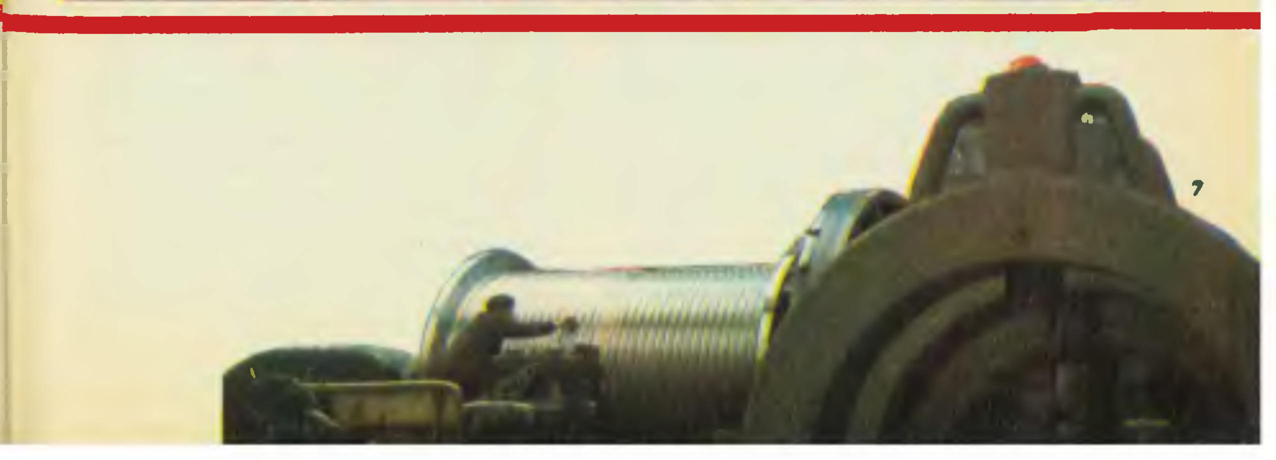
А. Самохвалов. «Советы и электрификация есть основа нового мира». 1924 год. 6.

Тяжелая промышленность. Фото В. Шияновского. 7.

была «программа-минимум», но «минимум» необходимейший и, как показало время, высчитанный грамотно. Мы решали главную, «стартовую» задачу — вывести работу с молодежью из статуса благотворительности. А вот как именно решали, об этом лучше расскажет Юрий Петрович. Это они, молодежь, сами и проворачивали весь объем конкретной работы по программе перестройки положения с молодежью в академии. У них она круглосуточно шла, эта работа.

Ю. Петров: — О круглосуточных бдениях говорить не буду. Постараюсь лишь провести аудиторию по узловым позициям.

Ведь как все шло по традиции? Приезжает какая-нибудь комиссия проверять работу академического института. Проверяет-проверяет, а в конце проверки — ритуальное: а как у вас работа с молодежью? Вызывается секретарь комитета комсомола, появляется — с папочкой. И начинается: у нас столько-то молодежи комсомольского возраста, столько-то старших, столько-то младших, все они оказываются охвачены шефской помощью... И все молчаливо соглашаются не замечать, что шеф в данном случае — начальник, которого просто не может не быть... Ну еше ряд показателей: столько-то недель или месяцев молодежь отработала в колхозах, на базах, написала столько-то статей и т. д., и т. п. Иными словами, обычная, текущая жизнь ритуалом превращается в «работу по...» То есть работа с молодежью была милостью дирекции. Это в лучшем случае — когда она действительно велась. В самом распространенном — обязаловкой для отчетности, для балла в соцсоревновании, для комсомольской «папочки». И лишь в очень редких случаях в «молодежной» науке видели огромный научный потенциал.

Е. Велихов: — К слову, там, где было хорошо молодым исследователям, там — это закономерность — хорошо было и вообще с наукой. Поверьте, это так.

Ю. Петров: — Итак, первой задачей было ввести «молодежную науку» в круг приоритетных забот дирекции института. Решили мы это, как ни странно, достаточно просто. В свой «манифест» мы записали: «Возложить на одного из заместителей директора ответственность за проведение всех форм постоянной работы с молодежью и обеспечение условий для ее быстрейшего профессионального роста...»

Реплика с места: — Но ведь это тоже призыв.

Ю. Петров: — Ну нет. Верно, «обеспечение условий» — вещь неконкретная. Но замдиректора-то всегда конкретен. Вот где был принципиальный шаг. И далее: «...сведения об ответственных за работу с молодежью, а также показатели этой работы направлять ежегодно до 25 декабря в Комиссию АН СССР по работе с молодежью по формам, указанным в приложениях 1 и 2».

...А в приложениях — статистическая анкета из двадцати восьми объективных показателей.

Мы, конечно, понимали, что это лишь первый шаг. Но без него нельзя было сделать второй — экономически заинтересовать дирекцию института «молодой» наукой. А здесь постановления любые бессильны: без экономической основы любые «выполнения» в конечном счете выльются в никому не нужные рапорты.

Е. Велихов: — Решение кадровых проблем научной молодежи, а следовательно, подчеркиваю, и всей академии, всей советской науки, надо было искать на путях предоставления ученым (подчеркиваю, и молодежи) большей самостоятельности, создания гибких организационных структур, мобильных временных коллективов, финансирования не только учреждений, но и конкретных тем. Академия наук по этому пути уже фактически пошла в 1981 году. Тогда нам с академиком Гурием Ивановичем Марчуком, возглавлявшим в то время ГКНТ, удалось начать работу по созданию в академии временных научно-технических лабораторий. Но они решали проблемы опытно-конструкторских работ, а не фундаментальных исследований, где создание гибких структур и важнее всего, и одновременно сложнее всего.

Не секрет, что во многих научных учреждениях АН СССР ищущая, активная молодежь лишена возможности руководить даже небольшими структурными коллективами, лишена соответствующей базы, площадей, установок и т. д. В большинстве сложившихся институтов АН СССР — дефицит кадров, средств, площадей, а следовательно, очень жесткий статус-кво между неизбежно соперничающими стабильными и вечными научными коллективами, идет своего рода позиционная война, все «сидят в окопах», научные, кадровые, организационные сдвиги минимальны.

Ю. Петров: — Вот конкретные цифры. Среди молодежи кандидатов наук в 1981 году было менее десяти процентов... Еще меньше — завлабов, старших научных сотрудников, руководителей структурных подразделений, групп и т. д.

Е. Велихов: — Но и при таком кадровом составе число научных публикаций, выполненных, например, в академических институтах Центра с участием молодежи, как оказалось, превышало 130 процентов ее численности! Имели ли мы право на основе только этих данных — а есть еще много других, подтверждающих — говорить, что тридцати-сорокалетние ученые сейчас и наиболее активные, и с наиболее часто не востребованным потенциалом сотрудники академии? Безусловно!

А надо ли напоминать, что «мэнээс» есть «мэнээс» по правам, обязанностям, а главное — возможностям? Что публикации публикациями, степень степенью, но в современной науке, особенно экспериментальной, ничего нельзя сделать в одиночку? Думаю, напоминать не стоит. А за этими ищущими тридцати-сорокалетними не было даже маленьких коллективов.

До тридцати — сорока лет ученый в большинстве случаев не допускается к самостоятельности в планировании и решении сколько-нибудь важных задач, к руководству коллективами, причем в вину научной молодежи обычно ставится то, что является следствием такого положения,— невысокий по сравнению с заведующими лабораториями, докторами и профессорами должностной или квалификационный уровень. При этом нередко указывают, что молодежь еще рано выдвигать, она еще не созрела для самостоятельности.

Средний возраст завлабов и докторов наук в академии теперь далеко за пятьдесят — шестьдесят. И как следствие — резкое (почти в десять раз!) уменьшение числа академиков и членов-корреспондентов АН СССР молодого возраста. Это естественно. Не быстро став кандидатом или доктором, поздно став, если вообще став, руководителем подразделения, тридцати-сорокалетние не могут претендовать на то, чтобы быть членами академии.

Но это — во-первых. Во-вторых же, у молодежи не нарабатывается навык научного руководства, отсюда — инфантильность, в том числе и научная, и иждивенчество, стремление «прилепиться к шефу». А это уж как первое следствие рождает конформизм, приспособленчество, двуличие, научный и гражданский цинизм...

Реплика с места: — Ничего себе «первое следствие»! Что же тогда второе?

Е. Велихов: — Оно же и последнее — научная смерть, после которой человек может и работать, и добиваться всевозможных степеней и должностей... Но тот ученый, который жил в его душе, если жил, конечно, — умрет...

Иными словами, цифры объективно уже показали, что положение молодых ученых есть проблема общенаучная, без решения которой невозможно решать стратегические проблемы развития науки вообще. И первым шагом в исправлении такого положения и должны были стать стимулы, которые экономически заинтересовали бы дирекцию института в предоставлении молодым ученым максимальной научной самостоятельности. Грубо говоря, поставить работу с молодежью «на саморегулирующийся режим».

Реплика с места: — То есть чтобы она не зависела от личности директора?

Е. Велихов: — От личности всегда зависит многое. И наша цель была не заставить работать с молодыми, а сделать эту работу выгодной для всего института, и тем выгодней, чем лучше она будет поставлена. Вот здесь уже фактор личности директора института, научного руководства вступал в полные свои права.

Ю. Петров: — И мы предложили организовать конкурс среди институтов академии на лучшую постановку работы с молодыми учеными.

Не спешите говорить: это тоже дело привычное, и все мы знаем, во что могут вылиться такие конкурсы,— кто лучше бумагу составит, тот и победитель. Но слушайте дальше. Для награждения институтов, призеров конкурса, кроме переходящих красных знамен Президиума АН СССР и ЦК ВЛКСМ с денежными премиями, предусматривалось и выделение дополнительного фонда заработной платы для молодых ученых... Надеюсь, присутствующим не надо объяснять, какой это великий приз для любого директора — дополнительные финансовые средства?

Реплика с места: — А директор-победитель возьмет этот приз, знамена — в красный уголок, а средства — кому захочет...

Ю. Петров: — А мы в «манифесте» конкретно указали, на что они могут быть использованы — на качественный рост руководителей и сотрудников созданных в учреждении и эффективно работающих структурных и внеструктурных, в том числе временных комплексных творческих молодежных коллективов (КТМК).

Вот такая была выстроена еще в 1981 году диспозиция, плацдарм, если хотите, для дальнейшей работы, все это было утверждено постановлением Президиума АН СССР. Тем самым комиссия, во-первых, обеспечила себя бесперебойным, ежегодным поступлением количественной информации о состоянии и кадровом положении молодой науки во всех академических институтах, а во-вторых, объективно заинтересовала руководителей институтов в создании у себя механизма отбора наиболее активных молодых ученых, готовых взять на себя самостоятельное осуществление своих идей, могущих заинтересовать своими идеями коллег, рискнувших возглавить коллективную работу...

Первичный экономический механизм, таким образом, был создан. Оставалось запустить его. Вернее, так: он был уже решением Президиума запущен, но пока еще в экспериментальном режиме — финансовых, юридических, конкретно организационных сложностей здесь было сверх головы. Но к этой нашей работе подключились научно-организационный отдел, управление кадров, управление дела-

ми и планово-финансовое. И мы вместе с ними начали искать возможности, как наладить такое финансирование этого механизма, чтобы, во-первых, не брать у государства ни копейки сверх академического бюджета, во-вторых, не ущемлять при этом уже существующие финансово-экономические артерии, питающие институты, и, в-третьих, не нарушать в то же время государственные финансовые инструкции. И вот в 1983 году комиссия представляет в Президиум АН СССР проект нового постановления, в котором идея ежегодного конкурса среди институтов на лучшую работу с молодежью получает постоянно действующий финансово-экономический фундамент. Размеры премий для институтов — призеров конкурса мы установили в соответствии с существующими постановлениями Госкомтруда и Президиума ВЦСПС, но при этом — прошу внимания! — в качестве численности сотрудников учреждений, по которой определяются размеры премий, берется только численность сотрудников с высшим образованием в возрасте до тридцати трех лет. И тут же — приложение-инструкция.

Реплика с места: — Назовите, пожалуйста, конкретные цифры.

Ю. Петров: — Пожалуйста. Если молодых ученых в институте пятьдесят и меньше... При этом вся численность института никакого значения не имеет... Так вот, если пятьдесят и менее, первая премия — 500 рублей. А если, например, молодых ученых триста, институт получает уже 2670 рублей, если четыреста — 3070, а если тысяча, то 4150.

Реплика с места: — А если триста тридцать шесть?

Ю. Петров: — И это учтено: указаны дополнительные размеры премий из расчета на десять человек сверх основной шкалы отсчета. Вы спросили — триста тридцать шесть? Институт получит дополнительно к 2670 рублям еще 160, всего 2830. Все расписано, фантазировать не надо. Далее. Постановление предусмотрело, и кому конкретно даются премии,— ответственным за работу с молодыми и молодым ученым, достигшим наибольших успехов в производственной и общественной деятельности.

Реплика с места: — А если останутся деньги?

Ю. Петров: — В постановлении сказано: премии могут идти не только кому-то, но и использоваться для финансирования мероприятий совета молодых ученых и специалистов института. Так что инструкция четкая, но не жесткая, дающая большие права распоряжаться ею самому институту.

Реплика с места: — А кто распределяет премии?

Ю. Петров: — Дирекция совместно с общественными организациями.

Но даже не это главное в конструкции экономических рычагов нашего конкурса. Самым главным стимулом и для молодежи, и для руководства институтов явился тот самый дополнительный фонд заработной платы. Размеры этого фонда таковы, что позволяют ежегодно переводить в старшие научные сотрудники более ста эффективно работающих молодых ученых. Таким образом, только за счет этого фонда армия самых молодых старших научных сотрудников академии, руководителей тех самых творческих коллективов, ежегодно увеличивается на четверть.

Тут в чем главное? Премия — дело разовое, преходящее (и довольно скоро уходящее). Дополнительный же фонд заработной платы, ежегодно в десять раз превышающий по своим размерам премии, остается в институтах-призерах навсегда.

Реплика с места: — И механизм заработал?

Е. Велихов: — Он начал работать. Но — и мы это отчетливо понимали — до «полных оборотов» еще было далеко. Здесь, видимо, необходимо сказать несколько слов о тех комплексных молодежных творческих коллективах (КТМК), создание которых нам представлялось так необходимым.

К 1981 году в академических институтах Центра фактически не было ни одного КТМК. Утверждение нашего «манифеста» в июне этого года привело к попыткам создания таких коллективов в ряде академических институтов. Однако это дело пошло не так быстро и не так гладко, как предполагалось вначале... За исключением, пожалуй, только Отделения Института химической физики АН СССР, где семнадцать КТМК были организованы уже к концу года. И дело здесь, по-видимому, объясняется не столько тем, что администрация, совет молодых ученых и специалистов, бюро ВЛКСМ отделения быстро занялись этим вопросом, сколько тем, что они правильно им занялись. Обычно при создании КТМК допускались ошибки двух типов. Первая — когда администрация единолично решает этот вопрос, да еще не имеет при этом надлежащей информации о формах организации КТМК, об опыте работы уже сложившихся временных коллективов в каких-либо институтах, и чаще всего отрицательно относится к этой идее. Тогда КТМК расценивается как ненужная затея, не вписывающаяся в сложившуюся структуру института. И если даже такая группа все-таки как-то создавалась, она существовала достаточно формально и влачила жалкое существование. Вторая ошибка возникла тогда, когда администрация, не возражая против КТМК, все вопросы их создания перекладывала на молодежные организации, чаще всего на комитет ВЛКСМ. В этом случае обычно появлялось много комсомольской формалистики, много чисто организационной работы, состав группы утверждался и переутверждался на комсомольском собрании, на партийном собрании, на заседании комитета ВЛКСМ, совета молодых ученых и т. д. При этом чаще всего терялась или затушевывалась собственно научная цель создания КТМК, а сложность и многоступенчатость такого пути подчас намного превышали сложность создания обычной структурной группы. Такой путь обычно вел к созданию парадно-формальных коллективов, о которых с удовольствием пишутся отчеты, но которые не становятся полнокровными научными группами, действительно вносящими существенный вклад в науку. В этом смысле и был поучителен урок создания КТМК в Отделении Института химфизики. Руководители отделения проявили активную заинтересованность в создании творческих коллективов из таких уже реально сложившихся, но формально еще не организованных групп молодых — и, кстати, не только молодых — ученых, которые ведут эффективные исследования. То есть в КТМК увидели как бы кандидата на нормальную структурную группу. Причем кандидата, который должен — и обеспечен возможностью — доказать свое право на существование в науке по самому высокому счету. Поэтому и выбор будущих коллективов для создания КТМК исходил прежде всего из научных задач и уже реально достигнутых результатов, осуществлялся научными руководителями соответствующих подразделений и утверждался научными коллегиями этих подразделений. Роль же молодежных организаций и прежде всего совета молодых ученых как наиболее информированного и подходящего для проведения такой сложной работы молодежного органа заключалась в первую очередь в том, чтобы дать исчерпывающую информацию, заинтересовать администрацию работой по созданию КТМК, создать на всех уровнях отделения атмосферу благожелательности к работе с молодежью, была создана представительная комиссия по работе с молодежью — ее возглавил член-корреспондент АН СССР Александр Евгеньевич Шилов. Таким образом, руководству и общественным организациям отделения в 1982—1983 годах удалось в очень короткий срок решить две важнейшие задачи: создать в институте благожелательную атмосферу для постановки молодежных проблем и создать механизм для вдумчивого и последовательного решения этих проблем. И еще раз скажу: тогдашний опыт отделения института очень помог нам в конкретизации общей идеи дальнейшего пути — молодежное творчество должно быть глубоко научно мотивировано, а дирекция института должна быть заинтересована в том, чтобы стимулировать это творчество, научную самостоятельность своих молодых исследователей.

Ю. Петров: — И конкретные организационные формы осуществления этой идеи мы окончательно выработали к концу 1986 года, 24 декабря они были утверждены еще одним постановлением Президиума АН СССР.

Этим постановлением определяются два пути создания самостоятельных творческих молодежных коллективов. Первый, традиционный, — выделение в самостоятельный коллектив отдельных сотрудников или научных групп молодежи и специалистов среднего и старшего поколений из уже существующих неформальных объединений. Как это и было в Отделении Института химической физики. И второй, принципиально новый путь — конкурсный. По нашему предложению Президиум АН СССР организует среди молодых ученых ежегодный конкурс научных проектов и предложений, для реализации которых требуется образование временных научных коллективов.

Реплика с места: — То есть вы объявили свободный конкурс научных идей, победители которого получают право на создание лаборатории для их реализации?

Ю. Петров: — Именно так. Если идея окажется достаточно перспективной, если она достаточно аргументирована, а не просто прожект, если экспертная комиссия убедится, что в течение ближайших трех лет можно ожидать первых результатов, Президиум АН СССР организует и финансирует такую лабораторию, группу, структурное подразделение и предоставит дополнительное финансирование. Причем предусмотрено, что руководство таким подразделением возлагается на одного из молодых сотрудников, как правило, в возрасте до тридцати трех — сорока лет, который является автором или активным участником разработки утвержденного проекта или темы.

Реплика с места: — А если за три года...

Ю. Петров: — Понял. Цитирую: «В зависимости от результативности работы ТМК его деятельность по истечении установленного срока может быть либо прекращена, либо ТМК может претендовать на продление этого срока...» И еще одно принципиально важное уточнение: после прекращения деятельности ТМК, выполнившего поставленные задачи... Подчеркиваю: выполнившего, то есть доказавшего свое право на самостоятельное существование в науке... После этого дополнительный штат ТМК, его дополнительный фонд заработной платы, полученное им оборудование и иное имуще-

ство остается в институте. То есть это уточнение обязывает молодых исследователей доказать свое право на самостоятельную научную работу, а дирекцию института экономически заинтересовывает в том, чтобы всемерно помогать им. Иначе, это тоже оговорено, если ТМК окажется мертворожденным, по представлению Комиссии по работе с молодежью он расформировывается «...с возвращением штатно-финансового обеспечения в единый фонд проведения конкурса-экспертизы»...

А теперь об этом фонде. Однажды созданный Президиумом АН СССР, этот фонд предполагается пополнять за счет средств тех институтов, которые по итогам конкурса на лучшую постановку работы с молодежью занимают последние места, в таких институтах штатная численность и фонд заработной платы сокращаются не менее чем на один процент. Вот так и оказались «закольцованными» постепенно-логическими ходами все постановления Президиума АН СССР по работе с молодежью. Получился, на наш взгляд, цельный механизм, хотя еще не окончательно завершенный.

Реплика с места: — А есть ли хотя бы первый результат работы этого механизма?

Е. Велихов: — У нас уже есть в портфеле много чрезвычайно интересных, остроумных, очень актуальных проектов, требующих для своей реализации создания временных групп. А ведь конкурс научных идей был объявлен лишь с конца 1986, и проекты могли подавать на него до 30 сентября сего года. Так что результаты мы узнаем уже после выхода этого номера. Я уже не говорю, что за прошедшие пять лет, несмотря даже на частичные меры, пока отлаживался механизм в целом, явно стала улучшаться статистика... На 10 процентов возросло количество молодых кандидатов наук, их в АН СССР сейчас около трех тысяч человек. На 15 процентов увеличилось число старших научных сотрудников в возрасте до тридцати трех лет (сейчас их около четырехсот), почти на треть возросло число защит среди молодежи, на сто процентов стало больше структурных, внеструктурных и временных групп, руководимых молодежью (их сейчас около шестисот). Но дело не только в цифрах, даже очень показательных.

Здесь еще вот что надо сказать. В том, «стартовом» для нас 1981 на одном заседании Президиума АН СССР было принято сразу два постановления о работе с молодыми учеными. О том, которое объявило конкурс среди институтоа на лучшую работу с молодежью, мы уже говорили. Другое же стимулировало конкретную личную научную инициативу молодых. Академия наук и ранее присуждала три медали с премиями молодым ученым за научные разработки, но, прямо скажу, дело было поставлено достаточно вяло, зримого эффекта не давало. Так вот, еще в 1981 году мы предложили под эгидой Президиума АН СССР начать новый ежегодный широкий конкурс научных работ молодых на соискание восемнадцати медалей академии с премиями. Причем к участию в конкурсе приглашались не только молодые научные сотрудники, но и студенты,— квота медалей и премий была равной, по девять. На первый конкурс — он был проведен в том же, 1981,— поступило девяносто шесть работ не только из академических, но и из отраслевых НИИ, из союзных академий и учреждений разных ведомств, вузов. К весне 1982 года в комиссию было прислано сто тридцать шесть работ — из Москаы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска, Вильнюса, Минска, Риги, Иркутска...

Медали и премии академии очень престижны и весомы в научном мире. И я мог бы привести примеры того, каким мощным стимулом они стали для дальнейшего творческого роста конкретных молодых ученых. Я мог бы привести примеры прекрасных научных разработок, выполненных в хорошо организованных КТМК, о некоторых из них говорилось в докладах на годичных сессиях Общего собрания академии. Но, думаю, об этом надо отдельно. Сейчас же я хочу подвести некоторые принципиальные итоги с точки зрения наработанного опыта.

Вначале хочу сказать, что он еще раз доказал: молодежь может справиться с самыми хитроумными и запутанными проблемами, связанными с научной и организационной деятельностью. Я говорю о конкретном опыте работы нашей комиссии. Ведь, по сути дела, председатель ее, заместители председателя, как говорится, осуществляли общее руководство. Все конкретные разработки — главным образом заслуга молодых. И надо сказать: то, как систематично и целенаправленно они шли к решению изначально поставленной задачи, можно сравнить с реализацией какого-либо научного проекта — та же последовательность в формулировке и решении конкретных проблем с учетом объективно существующих ограничений и без потери общей перспективы движения к конечной цели.

Реплика с места: — Фигурально говоря, ваш ТМК, выдвинув свой проект перестройки работы с молодежью, за отведенный срок с задачей справился?

Е. Велихов: — Я ведь говорил не об этом. Как работала комиссия, насколько удачен созданный механизм — судить не нам. Однако думаю, раз уж задан вопрос, можно и так считать, хотя... Но об этом позже.

Второй итог, мне кажется, выходит уже за рамки конкретной проблемы молодых ученых. Созданный самоподдерживающийся, саморегулируемый механизм работы с академической молодежью является, на мой взгляд, весьма показательной моделью безболезненного, естественного, я бы сказал, «экологически грамотного» введения в практику нашей науки подвижных междисциплинарных научных коллективов, нацеленных на постановку и решение актуальных научных проблем.

Особое значение в этой модели имеет принцип конкурсности, состязательности, который, с одной стороны, стимулирует активность, с другой — обязывает к ответственности за взятые «авансы» и исполнителей, и администрацию. Думаю, не надо говорить, какой социально-психологический эффект для всего климата нашей науки заложен в самом факте открытой, всем доступной и гласной состязательности — и в постановке проблем, и в обсуждении их обоснованности и приоритетности.

Реплика с места: — Евгений Павлович, хотелось бы узнать, какие существенные проблемы «молодой науки» принципиально не решены созданным механизмом?

Е. Велихов: — Я как раз хотел закончить именно этим. Будет очень печально, если сложится мнение, что все сделано, «вечный двигатель» сконструирован и запущен и все в порядке, можно переходить к «текущим делам». Ведь мы пока до конца не знаем, какие трудности и сложности возникнут в процессе дальнейшей интенсификации всей научной деятельности академии, которые отразятся на решаемой нами проблеме. Мы не можем предугадать, какие новые «вызовы» нам бросит само ускорение научно-технического прогресса и как они наложатся на те старые, на которые мы еще не дали ответа. Причем я пока говорю только о научно-организационных «вызовах».

По существу же заданного вопроса: сейчас видятся в качестве главных нерешенных проблем две. Первая — подготовка студенческой молодежи для работы в академии. Существует традиция: академический институт готовит будущие кадры вместе с вузами соответствующего профиля. К сожалению, это больше традиция, чем планомерная и постоянная работа. Наиболее четко дело поставлено в Физтехе: студенты этого вуза приходят на практику и работу в академический институт с третьего-четвертого курса, что, несомненно, стимулирует и их самостоятельность, и более активное творческое включение в научную жизнь с самого начала. Но это — лишь одно из редких исключений. А наш механизм эту проблему пока напрямую даже не затрагивает. Вторая проблема кажется менее значительной, но это только кажется.

...Когда замечательному польскому физику Леопольду Инфельду было предложено создать институт теоретической физики, он поставил только одно условие — чтобы прежде всего были обеспечены научные поездки молодежи, именно молодежи... Посмотрите биографии всех крупных ученых прошлого и современных, и вы увидите, какое значение имела для них та или иная, даже кратковременная, поездка к зарубежным коллегам, как много новых научных направлений, обогативших отечественные науки, являлись результатом международных контактов исследователей.

У нас же здесь, в «молодежной части», положение очень медленно меняется к лучшему, да и начальный уровень был очень низким. И все это понимают. У нас самые «старые» делегации на международных научных собраниях... (Интересно бы, кстати, определить «средний возраст» зарубежных наших командировок...) На том июньском заседании президиума 1981 года, где мы предложили свой «манифест», об этом с такой озабоченностью и болью говорили наши ведущие ученые, члены Президиума АН СССР, что, мне кажется, я до сих пор слышу их выступления.

Увы, прошло более пяти лет, но мы пока что по этой проблеме ничего особенно утешительного сказать не можем, хотя работа в этом направлении идет и есть надежды на некоторые разрабатываемые нами конкретные проекты. Но об этом — по свершении, в следующий раз. Кстати, думаю, для вашего журнала это очень важная и необходимая тема — международные контакты и развитие науки. И если такое решение у вас созреет, все материалы комиссии и «сердца горестные заметы» ее членов — к услугам ваших корреспондентов. ●

Материал подготовил В. Левин

1917 — 1987

Революция стала беспримерным взлетом исторического творчества масс, звездным часом победившего народа...

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

1

Ю. Пименов. «Мы строим социализм». 1927 год. 1
«АМО-1» — первый советский автомобиль. 2
Ю. А. Гагарин. 3
Константин Эдуардович Циолковский. 4
Аэропорт в Ереване. 5
Строим БАМ. Фото Майи Скурихиной. 6
Ракета-носитель «Энергия» на стартовой площадке. 7
Фото А. Пушкарева

2

3

4

5

6

7

К. Симонов

«Двадцать первого июня меня вызвали в Радиокомитет...»

Первую попытку напечатать свои военные дневники, составившие затем двухтомник «Разные дни войны», Константин Симонов предпринял вскоре после 20-летия Победы. Первая часть их под названием «Сто суток войны» должна была появиться в трех последних номерах «Нового мира» в 1967 году. Однако набранная и сверстанная книга света не увидела. Читателю, который в письме спрашивал, почему она не появилась, хотя и была уже объявлена, Симонов объяснил, что он не сошелся во взглядах с людьми», которые считали, что эту книгу не следует печатать в том виде, в каком я ее подготовил к печати. А я считал и считаю, что именно в таком виде, и ни в каком другом, ее и следует печатать.

В результате эта книга пока что не вышла.

А так как я убежден, что это вещь, нужная читателям,— я говорю не о ее художественном качестве, тут я не судья, а о ее документальной стороне,— и вещь, написанная с партийных позиций, то я буду продолжать стремиться ее опубликовать».

Обращение Симонова, как принято было тогда говорить, «наверх» успехом не увенчалось, поддержки он не получил. Человек мужественный и стойкий, не падавший духом от неприятностей и ударов судьбы, Симонов эту историю переживал тяжело. Если в письме читателю она излагается спокойным, эпическим тоном, то от человека близкого, старого друга — бывшего редактора «Красной звезды» Д. И. Ортенберга — Симонов не скрывает мрачного настроения и горьких мыслей: «Что же касается моих колебаний, ты должен понять их,— речь в письме идет о заказанном Д. И. Ортенбергом для составлявшегося им сборника очерке о Г. К. Жукове.— Я дал тебе слово написать. Я люблю тебя и хотел бы выполнить это слово. Я люблю и уважаю Жукова и рад был бы написать о нем. Но пойми мои чувства человека, у которого лежит полтора года без движения рукопись, которую он считает лучшей из всего, что он написал. Как трудно такому человеку сидеть и писать еще одну вещь, которая, по его весьма основательным предчувствиям, ляжет и тоже будет лежать рядом с предыдущей». Кстати, предчувствия не обманули Симонова — написанные им по просьбе Д. И. Ортенберга «Заметки к биографии Г. К. Жукова» были опубликованы только в наше время, в 1987 году в «Военно-историческом журнале». А дневники напечатаны через семь с лишним лет после того, как были набраны в «Новом мире»,— с серьезными потерями, с весьма существенными купюрами в комментарии. В частности, был изъят и тот текст, который теперь публикуется,— это был в «новомирской» верстке обширный комментарий к первой фразе дневника: «Двадцать первого июня меня вызвали в Радиокомитет и предложили написать две антифашистские песни» (эта фраза и дала название данной публикации). В этом комментарии в свете тяжкого опыта войны с гитлеровской Германией рассматривалась предвоенная драматическая обстановка в стране.

Когда в выступлениях и письмах речь заходила об истории, исторической науке, Симонов предварял свои соображения неизменной по смыслу оговоркой: «Я не историк, не специалист». Однако войну он изучал самым тщательным образом именно как историк — и работая в военных архивах, и штудируя военно-исторические исследования, и читая присылаемые ему в больших количествах неопубликованные мемуары, и обстоятельно беседуя с многими участниками войны — от рядовых до прославленных военачальников. О чем красноречиво свидетельствует и публикуемый текст.

К этому стоит добавить, что на основе анализа «Разных дней войны» специалист-историк делает вывод, что Симонов «...постиг методику исторического исследования и внес существенный вклад в изучение истории минувшей войны»*. И еще одно наблюдение профессионального историка: по поводу недавно опубликованных заметок Симонова «Уроки истории и долг писателя», в основу которых был положен доклад, сделанный Константином Михайловичем к 20-летию Победы, академик А. Самсонов пишет: «Еще двадцать лет назад К. М. Симонов с присущим ему мужеством и гражданственностью выполнил эту работу, к которой сейчас, по сути, только еще приступают историки: проанализировал связь между трагическими событиями 1937—1938 годов, следствием которых был разгром и уничтожение наиболее квалифицированных военных кадров, и жестокими неудачами первых лет войны, многими нашими бессмысленными и ничем не оправданными потерями»**.

Если двадцать лет назад Симонову удалось сделать то, что сегодня является еще насущной задачей наших историков, он сделал это только потому, что и тогда был убежден: подвиг, совершенный нашим народом в годы Великой Отечественной войны, во всем его величии может быть раскрыт лишь при условии, что о тех трагических годах будет рассказана правда без каких-либо умолчаний и конъюнктурных подтасовок и приписок. Был в этом убежден и по мере сил и таланта, но неукоснительно следовал этому принципу. Вот на чем основывался авторитет Симонова как военного писателя. А сколь высок он, говорит из множества возможных одно лишь высказывание на этот счет — маршала А. М. Василевского: «Очень важно для нас и то,— писал он Симонову,— что все Ваши всенародно известные и безоговорочно любимые творческие труды, касаясь почти всех важнейших событий войны, преподносятся читателю наиболее капитально, а главное — строго правдиво и обоснованно, без каких-либо попыток в угоду всяким веяниям послевоенных лет и сегодняшнего дня отойти от порою суровой правды истории, на что, к сожалению, многие из писателей и особенно нашего брата, мемуаристов, по разным причинам идут столь охотно».

Работа Симонова печатается по «новомирской» верстке, цитируемые выше письма — по копиям (А. М. Василевского — по оригиналу); все это находится в архиве К. М. Симонова, хранящемся в его семье.

Л. Лазарев

* И. Я. Биск. К. М. Симонов как автор воспоминаний о Великой Отечественной войне. «История СССР», 1985, № 3, с. 142.

** А. Самсонов. Главное в истории есть правда. «Наука и жизнь», 1987, № 6, с. 50.

...Я хочу сейчас, через двадцать пять лет, ответить себе на вопрос, с которым связано все начало моих записок: в какой мере война была неожиданностью для меня и для других моих сверстников? Для того, чтобы попробовать на это ответить, надо вернуться из 1941 года еще на несколько лет назад.

Между процессом Димитрова и 1939 годом у меня не было никаких сомнений в том, что война с фашистами непременно будет. Больше того, мыслями о неизбежности этой войны для меня лично определялось все, что я делал в те годы как начинающий литератор. Именно этой неизбежностью объяснялись для меня и многие трудности нашей жизни, и та стремительная и напряженная индустриализация страны, свидетелями и участниками которой мы были. В этой же неизбежности войны мы искали объяснения репрессиям 1937—1938 годов.

Во всяком случае, когда весной 1937 года я узнал о суде над Тухачевским, Якиром и другими нашими военачальниками, я, мальчиком, в двадцатые годы, несколько раз видевший Тухачевского, хотя и содрогнулся, но поверил, что прочитанное мною — правда, что действительно существовал какой-то военный заговор и люди, участвовавшие в нем, были связаны с Германией и хотели устроить у нас фашистский переворот. Других объяснений происшедшему у меня тогда не было.

Я не хочу сказать, что у меня не вызывало мучительных сомнений все последовавшее за этим. Конечно, я, как и другие, не мог знать тогда тех сведений, которые сейчас, в 1967 году, каждый может прочесть, открыв однотомник «Краткая история Великой Отечественной войны», я не мог знать, что тогда врагами народа, если говорить только об армии, объявлены были в течение двух лет все командующие и все члены военных советов округов, все командиры корпусов, большинство командиров дивизий и бригад, половина командиров и треть комиссаров полков. Если глазам кого-нибудь из нас могла бы предстать вся эта картина в целом, то я не сомневаюсь, что наши тяжелые сомнения превратились бы в прямую уверенность, что это неправда, что этого не может быть.

Кстати сказать, размышляя об этом сейчас, я не могу понять людей, которые и теперь,

перед лицом неопровержимых и опубликованных в нашей печати фактов, продолжают объяснять все тем, что Сталин был болезненно подозрителен, верил Ежову и не ведал, что творится. Ведь Сталин-то знал тогда все эти цифры в полном объеме, он видел всю картину в целом и не мог, разумеется, верить, что все командующие округами, все члены военных советов, все командиры корпусов по всей стране, от Белоруссии до Приморья и от Мурманска до Закавказья, были предателями. Я не могу допустить возможности такого безумия.

Разумеется, когда речь идет об аресте командиров и комиссаров дивизий, бригад и полков, это шире понятия «верхушка армии». И нет оснований полагать, что каждый из таких арестов осуществлялся с прямой санкции Сталина, но зато справедливо будет сказать, что все это было результатом страшной цепной реакции.

Ежегодные служебные аттестации, незадолго до своего ареста написанные «врагами народа» на обширный круг своих подчиненных, сплошь и рядом ставили под подозрение этих последних. Со следами этого сталкивался всякий, кому приходилось работать над личными делами того времени. И чаще всего нельзя сказать даже, по какому принципу одни погибли, другие остались служить в армии, а третьи оказались на несколько лет изъятыми из нее, вплоть до своего освобождения в 1939—1941 году, когда было реабилитировано более четверти арестованных в предыдущие годы военных. В каждом случае это зависело от того или иного сцепления обстоятельств. Но не сказать с полной определенностью о масштабах этого страшного процесса — значит не сказать об одной из важнейших причин неудач нашей армии в начале Великой Отечественной войны.

Тем не менее, несмотря на масштабы постигшей армию катастрофы 1937—1938 годов, тяжелая атмосфера недоверия все-таки с меньшей силой повлияла бы на моральные и боевые качества военных кадров к началу и в начале войны, если бы происшедшая к этому времени реабилитация более чем четверти арестованных военных сопровождалась признанием огромности совершенных ошибок. Такое признание было бы воспринято хотя бы как частичная гарантия невозможности их повторения.

Но об этом не было и речи.

Я хорошо помню, с каким вздохом облегчения было воспринято исчезновение в начале тридцать девятого года с политического горизонта зловещей фигуры Ежова, и так же хорошо помню, как тогда, на первых порах, с именем его не менее зловещего преемника Берия у несведущих людей связывались даже добрые чувства. Именно ему тогда зачастую приписывали освобождение многих вернувшихся на свободу людей. Как ни чудовищно выглядит это в свете всего последующего, но тогда ощущение было именно такое.

А в общем, к началу войны в смысле оценки событий 1937—1938 годов в глазах многих из нас дело выглядело так: были известные перегибы, исправленные товврищем Сталиным. Появилось довольно много освобожденных людей, исчез без публичного объяснения причин Ежов, а в целом страна — и в частности армия — очистилась и окрепла после уничтожения «пятой колонны», которая предала и погубила бы нас во время войны, если бы она не была своевременно ликвидирована.

Сейчас особенно очевидно, насколько подобный взгляд на вещи совпадал с тем определением «ежовщины», которым просто и коротко заклеймил события тех лет народ. И сделал это не после смерти Сталина, а еще перед войной.

И все-таки в те тяжелые годы именно всеобщая уверенность в том, что нам придется скоро не на жизнь, а на смерть воевать с фашистской Германией, а может быть, одновременно и с Японией, в какой-то мере отвлекала людей от более критической оценки происшедшего, толкала их на то, чтобы в напряженной обстановке в той или иной мере искать оправдание обостренной подозрительности, доходившей порой до того, что в невинных крестиках какого-нибудь текстильного орнамента находили коварно замаскированные фашистские свастики.

О моральной готовности народа вступить, если понадобится, в вооруженную борьбу с фашизмом говорили и глубокий отклик в сердцах, вызванный процессом Димитрова, и решимость молодежи в любую минуту ехать добровольцами в Испанию, и всеобщее одобрение, которое в 1938 году вызвала готовность Советского правительства прийти на помощь Чехословакии, и такое же единодушное возмущение Мюнхеном. Во всяком случае в той рабочей и студенческой среде, а которой я жил в те годы, не помню ни одного разговора, даже с глазу на глаз, в котором кто-нибудь из моих сверстников проявил бы равнодушие к судьбам Испании или высказался в том смысле, что «наша хата с краю» и зачем нам ввязываться из-за чехов в войну с немцами.

Война справедливо рисовалась нам тогда как нечто неизбежное, хотя и вынужденное. Ее начало представлялось как нападение на нас фашистской Германии, или Японии, или обеих вместе, за этим следовал их разгром в результате наших ответных действий. История в конце концов подтвердила правильность этого предчувствия, хотя по дороге к победе нас ожидали такие страшные и неожиданные испытания, возможность которых в те годы просто-напросто не приходила нам в голову. Мы не ожидали их потому, что неверно оценивали обстановку в стране и начавшее обнаруживаться уже к 1939 году отставание и в области организации армии, и в области ее оснащения современной военной техникой. Воспитанные в глубокой любви к Красной Армии и, в конце концов, несмотря ни на что, не ошибавшиеся в своем ощущении ее потенциальной мощи, мы, конечно, и отдаленно не представляли себе меру ее неподготовленности к войне.

В написанном в 1937 году эпилоге поэмы «Ледовое побоище» я, выражая свои тогдашние чувства, писал о будущей войне так:

Когда-нибудь, сойдясь с друзьями,
Мы вспомним через много лет,
Что в землю врезан был краями
Жестокий гусеничный след.

Что мял хлеба сапог солдата,
Что нам навстречу шла война,
Что к западу от нас когда-то
Была фашистская страна.

Концепция этих строк была сходна с концепцией многих стихов, писавшихся тогда о будущей войне,— сначала война шла нам навстречу, потом, защищая свою страну, мы вооруженной рукой ставили крест на германском фашизме. Примерно тем же самым я закончил через год свои стихи «Однополчане»:

Под Кенигсбергом на рассвете
Мы будем ранены вдвоем,
Отбудем месяц в лазарете
И выживем, и в бой пойдем.

Святая ярость наступленья,
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколенье
В железный узел навсегда.

Правда, даже и тогда и мне, и целому ряду моих товарищей по профессии в отличие от других литераторов, писавших в шапкозакидательском духе, война все-таки представлялась «жестокой страдой». Но предположить, что в начале этой войны мне придется слышать гул орудий на окраинах Москвы и видеть бои на улицах Сталинграда, я, конечно, не мог. Кстати, тогда, в 1938 году, в редакции в слове «Кенигсберг» изменили одну букву, написав «Ренигсберг», очевидно, во избежание дипломатических осложнений.

Немалое место в наших мыслях о ходе будущей войны, выраженных и в прозе и в стихах, в том числе и в моих, занимала надежда на то, что в ходе этой войны народ Германии выступит против фашизма. Эта вера была частью нас самих, и хотя того, что мы ждали, не произошло, сила и чистота нашей тогдашней веры и сейчас не вызывает у меня чувства раскаяния.

В августе 1939 года, когда был заключен пакт с Гитлером, я был на Халхин-Голе. Как раз в эти дни наша действовавшая вместе с монголами армейская группа, которой командовал Г. К. Жуков (тогда комкор), в жестоких боях добивала окруженную на территории Монголии 6-ю армейскую группу японцев. Не знаю, может быть, окажись я в то время в Москве, я отнесся бы к этому пакту с бо́льшими душевными сомнениями. Там, в Монголии, в разгар боев, я воспринял это известие как неожиданное, даже ошеломляющее, но, в общем, благоприятное. Не хочу распространять это мое восприятие на других людей, в таких случаях надо говорить о себе. Несмотря на то, что до полного уничтожения окруженных японских дивизий оставались считанные дни, я, так же как и многие на Халхин-Голе, вполне допускал, что японцы не примирятся со своим разгромом в Монголии и уже стоивший им нескольких десятков тысяч жизней вооруженный конфликт может развернуться в большую войну на всем Дальнем Востоке. В этих условиях оттуда, из Монголии, пакт с Германией воспринимался как благо, как нечто такое, после чего там, у тебя за спиной, на Западе, по крайней мере в ближайшее время, ничего не начнется.

Потом, когда разразилась война на Западе и когда политики, ответственные за Мюнхен и за срыв переговоров с нами, толкнули Польшу, а вслед за ней и Францию, навстречу происшедшей трагедии, мое отношение к пакту стало более сложным и противоречивым, в особенности после падения Франции.

В меру своего разумения я по-прежнему считал, что после неудавшихся по вине Англии и Франции наших переговоров с ними о взаимных гарантиях против германской агрессии пакт был единственным возможным для нашей страны выходом из создавшегося положения. Но чем дальше фашисты шагали по Европе, чем больше стран они подчиняли себе, тем большее чувство внутренней душевной стесненности вызывали у меня наши внешне лояльные отношения с этими завоевывавшими Европу людьми. Они оставались теми же, кем были, — фашистами, но мы уже не имели возможности писать и говорить о них вслух то, что мы о них думаем.

Государственная целесообразность пакта для меня по-прежнему не подвергалась сомнению, но чувство душевной потрясенности нарастало.

Молниеносное поражение Франции не только потрясло душу, но и вселило чувство горечи. Существовавшее у меня с самого начала европейской войны желание, чтобы у немцев не выходило так, как им хотелось, все больше обострялось по мере их новых успехов.

Вдруг промелькнувшее в газете сообщение ТАСС о противовоздушной обороне Лондона, в котором прозвучала нота сочувствия к оборонявшим свою столицу англичанам, было воспринято с обостренной радостью. Я говорю не только о себе. Хорошо помню, что это было общее чувство.

Конечно, все это было связано не только с неприязнью к Германии, неприязнью именно потому, что она была фашистской страной, но и с возраставшей тревогой за собственную судьбу: что же будет дальше, когда они завоюют всю Европу? Кто же их разобьет в конце концов? Очевидно, это все-таки придется делать нам, больше некому.

Пока я лишь добросовестно пробовал восстановить свои тогдашние мысли. Не могу не добавить к ним тех, которые после долгих размышлений рождаются у меня сейчас. Да, тогда пакт 1939 года казался мне разумным. Особенно перед лицом перспективы создания против нас единого антисоветского фронта. И сейчас он, в общем, продолжает казаться мне государственно разумным в том почти безвыходном положении, в котором мы оказались тогда, летом 1939 года, когда

угроза того, что западные державы вот-вот толкнут на нас фашистскую Германию, стала самой прямой и реальной.

И все-таки, когда оглядываешься назад, чувствуешь, что при всей логической государственной разумности этого пакта, многим из того, что сопровождало его заключение, у нас, просто как у людей, была почти на два года психологически отнята какая-то часть того необыкновенно важного самоощущения, которое составляло и составляет нашу драгоценную особенность и связывается с таким понятием, как «первая страна социализма»... То есть случилось нечто в моральном смысле очень тяжелое.

Я пишу все это после долгих размышлений и колебаний, но одно для меня ясно: когда через два года началась война с фашизмом, мы среди неслыханных испытаний и жертв — и для себя самих, и для многих миллионов людей в мире — своим образом действий в этот трагический для нас час истории вновь подтвердили, с какой духовной высотой связано великое понятие «страна социализма».

Возвращаюсь к своим довоенным мыслям.

Все более оглушительные успехи немцев вызывали у меня не только все возраставшее сочувствие к тем, кому они наносили поражение за поражением, но и все усиливающую тревогу за будущее. Повторяю: армия казалась мне несравненно более готовой к войне с немцами, чем это было на самом деле. Но время постепенно вносило коррективы в это представление. И главные коррективы внесла финская война.

Я не был на ней, но там были многие мои близкие друзья, достаточно откровенно рассказавшие мне обо всем, что они видели.

Из этой войны делались весьма серьезные выводы, под председательством Сталина проходили многодневные заседания Главного Военного Совета, К. Е. Ворошилова сменил на посту наркома С. К. Тимошенко, произошла резкая перемена к лучшему во всей системе обучения армии.

В литературе куда сильней, чем раньше, зазвучали ноты, напоминавшие, что настоящая война — нечто совсем иное, чем те облегченные до нелепости детские проекты ее, которые еще недавно можно было увидеть в таких фильмах, как «Если завтра война», «Эскадрилья номер пять», или прочесть в таких книгах, как «Первый удар» или «На Востоке»

В печати появился цикл стихов прошедшего финскую войну Суркова, в которых говорилось о неимоверной тяжести войны, о крови, жертвах, лишениях, о том, что войну не выиграешь за двенадцать часов, как в романе «Первый удар», а ее надо «вытерпеть» и «выдюжить». Сейчас все это само собой разумеется, но тогда такие стихи были важным событием в литературе, да и вообще в нашей духовной жизни.

Для большей очевидности этого скажу, что когда примерно за год до появления стихов Суркова я закончил одно из своих халхин-гольских стихотворений строкой: «Да, враг был храбр, тем больше наша слава», то сначала мне пришлось долго отстаивать ее, а потом я неожиданно услышал ее по радио в таком виде: «Да, враг коварен был, тем больше наша слава».

Кто-то счел, что, уж во всяком случае по радио, недопустимо превозносить врага, высказывая предположение, что он, видите ли, может быть храбрым!

Вспоминаю, какой тяжелый для меня спор вышел из-за этого же стихотворения «Танк» с В. П. Ставским после нашего возвращения с Халхин-Гола.

В этом стихотворении я предлагал на месте так называемого Баин-Цаганского побоища, в котором наши танкисты, разбив японцев, сами понесли жесточайшие потери, поставить в качестве памятника один из наших продырявленных в этом бою танков,— сейчас мысль естественная, даже не дискуссионная.

Но тогда Владимир Петрович Ставский, сам участник этого Баин-Цаганского побоища, видевший все своими глазами, прочитав это стихотворение, рассвирепел:

— Нашел, что придумать,— поставить вместо памятника дырявый танк! Разбитый, никуда не годный! Что это за символ победы?.. Что, мы не можем новый танк поставить или мраморный?..

В первую минуту я опешил от его натиска. То, что говорил мне Ставский, никак не вязалось у меня ни с его собственным мужественным обликом, ни с его биографией солдата (которую он потом достойно продолжил на финской и Великой Отечественной войнах). Я не сразу понял, что в полном противоречии со всем тем, что он сам же видел и пережил на Баин-Цагане, Ставским продолжает владеть страшная инерция нашей пропаганды, говорившей о победе малой кровью и умалчивавшей о трудностях и жертвах, которыми покупается победа.

Мы так ни до чего и не договорились и расстались в ссоре, а в следующий раз я увидел Ставского — прихрамывающего, вернувшегося после финской войны с тяжелым ранением. Да, бывало тогда и так, что сама жизнь человека, пережитое и виденное им собственными глазами жестоко расходилось с тем, что он искренне считал нужным писать обо всем этом. И я бы не вспоминал этого случая, если бы в нем не отразились существенные черты того времени.

Я не был на финской войне, а на Халхин-Голе оказался лишь в конце событий, когда японцы на моих глазах, действительно, без всяких преувеличений, были разбиты наголову. Своими глазами я видел разгром японцев. Но на Халхин-Голе я общался с людьми, находившимися там с самого начала событий, и для меня не было секретом ни то, что наши броневики горели, как свечи, ни то, что наши быстроходные легкие танки БТ-5 и БТ-7 неожиданно оказались очень уязвимыми для артиллерийского огня, ни то, что наши истребители, как выяснилось, несколько отставали в скорости от японских. Мне приходилось также слышать, что поначалу японцы били в воздухе наших неопытных, совершавших первые боевые вылеты летчиков и перелом в воздушных боях создался, только когда на Халхин-Гол прилетела большая группа наших лучших истребителей, уже отличившихся в Испании.

В разговорах там, в Монголии, не делалось особого секрета из того, что одна из наших стрелковых дивизий оказалась очень плохо обученной, при первых столкновениях с японцами побежала и лишь через месяц, постепенно втянувшись в бои, начала неплохо воевать. А кроме того — это я уже видел своими глазами,— японская пехота дралась отчаянно, защищала каждую сопку до последнего человека, умирала, но не сдавалась, нанося нам чувствительные потери. Словом, «враг был храбр». И, вспоминая о японцах, я допускал, что этого можно ждать и от немцев...

Я говорил о стихах Суркова, о споре со Ставским, о разных точках зрения на то, как писать о враге: «храбр» или «коварен». Все это только частности тех споров, которые в открытом, а чаще в скрытом виде существовали в духовной жизни страны, и того постепенного осознания меры опасности, с которой нам придется столкнуться в случае войны с немцами.

Этот процесс, встречавший жестокое противодействие в силу сложившихся за предшествующие годы ложных представлений, хотя и ускорился под влиянием тяжелых для нас уроков финской войны, но так и не успел завершиться и дать существенные результаты к началу войны с немцами. Тем не менее он происходил, и мне хочется процитировать в доказательство отрывки из двух архивных документов, относящихся к преддверию войны, к февралю 1941 года. В обоих говорится о готовящемся тогда в издательстве «Молодая гвардия» сборнике «Этих дней не смолкнет слава».

В первом из документов сказано так: «...Сборник исходит из принципиально неверной установки о том, что «наша страна — страна героев», пропагандирует вредную теорию «легкой победы» и тем самым неправильно ориентирует молодежь, воспитывает ее в духе зазнайства и шапкозакидательства».

Во втором документе говорится то же самое, только другими словами:

«В материалах много ненужной рисовки и хвалебности. Победа одерживается исключительно легко, просто.. все на ура, по старинке. В таком виде воспитывать нашу молодежь мы не можем. Авторы, видно, не сделали для себя никаких выводов из той перестройки, которая происходит в Красной Армии...»

Первая цитата — из проекта письма тогдашнего начальника Главного политического управления армии А. И. Запорожца к А. А. Жданову, вторая — из письма тогдашнего наркома обороны С. К. Тимошенко к тогдашнему секретарю ЦК комсомола Н. А. Михайлову.

Видимо, если бы война началась хоть на год позже, тот с трудом происходивший поворот в умах, о котором свидетельствуют эти письма, если бы и не завершился, то, во всяком случае, уже принес бы некоторые плоды. Однако война началась в июне 1941 года...

В декабре 1940 года я написал пьесу «Парень из нашего города». Пьеса кончалась событиями на Халхин-Голе, но тревожные мысли о будущей войне с немцами, все больше занимавшие меня в то время, все-таки нашли в этой пьесе свое выражение, правда, максимально сдержанное, приемлемое для печати.

Герой пьесы Луконин слушал в Монголии передачу немецкого радио из только что взятого немцами Кракова, и конец этой сцены выглядел так:

«**Сергей.** Довольно, выключи! (*Молчание.*) Здорово здесь чувствуешь расстояние?.. Конечно, все эти Беки и Рыдз-Смиглы — дрянь и авантюристы, но когда я думаю о польских солдатах... Нет, незавидная участь — быть солдатом в стране, где умеют делать только дамские чулки и губную помаду! Как по-твоему, а, Севастьянов?

Севастьянов Да, по-моему, они сейчас предпочли бы уметь делать танки.

Сергей. Поздно. За две недели этому не научишься...»

Больше сказать тогда в печати и со сцены было невозможно, и я понимал эту невозможность и не пытался переступить границу, но тем не менее стремился, как мог, выразить свое отношение к фашистам, шагавшим по Европе. Актеры Театра Ленинского комсомоля, игравшие эту сцену в марте 1941 года, еще ближе к войне, в дополнение к авторским вложили в эту сцену свои собственные чувства, и, как нам казалось, зритель понимал то, что мы хотели дать ему почувствовать.

За месяц до войны, 16 мая 1941 года, мне пришлось участвовать в обсуждении этой пьесы в Доме актера.

Пьеса была неровная, с большими слабостями, но на обсуждении меня больше хвалили, чем ругали, видимо, потому, что главные герои пьесы были военные, уже воевавшие и, если надо, готовые снова идти сражаться люди. Появление таких людей на сцене тогда встречалось с особым сочувствием, и в этом тоже сказывалась тревожная атмосфера времени, ожидание вот-вот готовой разразиться войны, о которой, как мне вспоминается, тогда много думали, хотя и не часто говорили вслух.

Что касается меня, то на этот раз после обсуждения моей пьесы я сказал, отвечая выступавшим: «Что бы мы ни писали, не надо забывать о том, что если не в этом году, так в будущем нам предстоит воевать. Так я и писал эту во многом еще плохую пьесу... Нам скоро воевать! А перед этим отступают на задний план все мелочи. И из-за того, что пьеса... при всех ее недостатках, написана с тем чувством, что если не сегодня, так завтра нам предстоит воевать, мне прощаются многие недостатки. Я это учитываю».

Мысль выражена несколько коряво, но мне не хотелось задним числом править эту довоенную стенограмму.

Во многих воспоминаниях о первом периоде

войны я читал о заявлении ТАСС от 14 июня 1941 года и о том дезориентирующем влиянии, которое оно имело.

Так оно и вышло на деле. Хотя сейчас, перечитывая это заявление ТАСС, я думаю, что его можно рассматривать как документ, который, при других сопутствующих обстоятельствах, мог бы не только успокоить, но и насторожить.

Думается, что Сталин хотел этим документом, во-первых, еще раз подчеркнуть, что мы не хотим войны с Германией и не собираемся вступать в нее по своей инициативе, во-вторых, что мы хорошо осведомлены о концентрации германских войск у наших границ и, очевидно, принимаем в связи с этим свои меры, а, в-третьих, мне лично кажется несомненным, что это официальное заявление государственного телеграфного агентства имело целью попробовать вынудить Гитлера в той или иной форме подтвердить свои предыдущие заявления о миролюбивых намерениях по отношению к нам и этим в какой-то мере дополнительно связать себя.

Мне кажется, что разоружающее значение этого заявления ТАСС состояло не в самом факте его публикации, в в другом: если, с дипломатической точки зрения, появление такого документа считалось необходимым, то внутри страны ему должны были сопутствовать меры, совершённо обратные тем, которые последовали. Если бы одновременно с появлением этого документа войска пограничных округов были приведены в боевую готовность, то он, даже без особых дополнительных разъяснений, был бы воспринят в армии как документ дипломатический, а не руководящий, как адресованный вовне, а не вовнутрь.

Но этих мер не последовало. Напротив, буквально все попытки на местах, в пограничных округах усилить боевую готовность войск наталкивались на жестокое сопротивление сверху, за которым, несомненно, стояла твердая воля Сталина.

Не только тяжело, а душевно непереносимо читать сейчас главы мемуаров, посвященных этому периоду. Соответствующие цитаты заняли бы десятки страниц. Сошлюсь лишь на нескольких лиц, занимавших перед войной самые разные должности — от начальника ПВО страны и до командиров дивизий. Упоминания о строгом запрете сверху принимать в пограничных округах срочные меры к приведению войск в боевую готовность проходят через мемуары Воронова, Баграмяна, Сандалова, Бирюзова, Лобачева, Болдина, Кузнецова, Попеля и многих других участников войны.

И, конечно, уж вовсе трагическое впечатление производит висящая на стене в музее Брестской крепости красноармейская газетв 4-й армии «Часовой Родины», вышедшая утром 22 июня 1941 года с передовой «Летнему спорту — широкий размах».

В таких условиях заявление ТАСС, разумеется, могло иметь и имело только одно — разоружающее значение.

Надо попробовать представить себе психологическое состояние людей, которые знают об угрожающем сосредоточении германских войск у наших границ, ежедневно получают донесения на этот счет, сами доносят об этом своим старшим начальникам и в Москву, предлагают принять соответствующие меры, но ответом на все это оказывается или молчание, или прямые окрики: «Не сметь!».

Мне вовсе не кажется удивительным, что сочетание этой реальности, этой очевидности угрозы, которую чувствовали люди, находившиеся в пограничных округах, с твердостью отпора сверху, из Москвы, по отношению ко всем предложениям о приведении войск в боевую готовность у многих рождало ощущение, что, должно быть, есть какая-то иная очевидность, иная реальность, о которой хорошо осведомлен такой высший и непогрешимый авторитет, квким был тогда для нас Сталин.

Думаю, что именно это и могло рождать такие ответы, как ответ командующего войсками Западного особого округа Павлова своему встревоженному заместителю Болдину: «Иван Васильевич, пойми меня: в Москве лучше нас с тобой знают военно-политическую обстановку и наши отношения с Германией».

То, что, несмотря на явные признаки готовящегося нападения, Сталин, очевидно, до самого последнего момента еще верил, что ему удастся оттянуть начало войны, уже доказано нашими историками на основании анализа огромного количества неопровержимых фактов. В своем коллективном труде «Великая Отечественная война» они пришли к выводам, что неподготовленность пограничных военных округов к отпору врагу явилась прежде всего следствием ошибочных представлений Сталина о перспективах войны с фашистской Германией в ближайшее время и переоценки им значения советско-германского договора.

Я полностью разделяю эти выводы, но меня как писателя дополнительно интересует еще одно: за суховато-точной формулировкой историков о неподготовленности пограничных военных округов к этой при всех обстоятельствах неизбежной войне стоит множество лишних жертв, понесенных нами на войне вследствие этих ошибочных представлений Сталина, не говоря уже об оккупации и опустошении немцами огромной территории, на которой потом все своим горбом заново отстраивал народ. Спрашивается, в силу чего психологически сложились у Сталина эти так дорого нам стоившие «ошибочные представления»?

Мне кажется, что во время и особенно после финской войны Сталин субъективно стремился сделать все, что от него зависело, чтобы страна вступила в войну с фашистской Германией как можно позже. Есть основания считать, что, по его представлениям, мы были бы готовы встретить войну во всеоружии к 1942—1943 году. Судя по многим высказываниям наших компетентных в этом вопросе военных деятелей, эти предположения были бы близки к действительности с точки зрения реорганизации и перевооружения армии и освоения новой техники. Другой вопрос, что нам и к этому времени не удалось бы восполнить огромные потери в командных кадрах, которые мы понесли в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, а большой боевой опыт германской армии, даже если бы война началась на год или два позже, в первый период все равно оставался бы фактором, усиливавшим нашего противника.

Но при всем том оттянуть надвигавшуюся войну хотя бы на год нам было нужно буквально до зарезу. Это было прямой государственной необходимостью, и то упорство, с которым стремился к этому Сталин, вполне понятно. Непонятно другое: как он не мог не считаться с тем, что будущее может оказаться совсем иным, чем он хочет, что события могут пойти вразрез с его планированием? А ведь после неожиданного для нас всех разгрома Франции летом 1940 года, после того, как на Западе освободилась основная часть германской армии, были все основания предполагать возможность резкого изменения хода событий. И в том, что Сталин не пожелал посчитаться с этими изменившимися обстоятельствами, сказалось, как мне кажется, разлагающее личность влияние неограниченной власти. Этот психологический комплекс был связан с постепенно сложившимся у него, особенно в тридцатые годы, ощущением отсутствия непреодолимых препятствий для выполнения всего задуманного и намеченного им. Он планировал будущее, порою не считаясь с теми грозными диссонансами, которые вносил в его субъективные планы сам объективный исторический процесс...

Заглядывая вперед, хочу добавить, что в ходе войны, после первых и страшных ее уроков, вся сила характера Сталина проявилась именно тогда, когда ему пришлось столкнуться с беспощадным противодействием противника и ломать его сопротивление, исходя из реальных возможностей борьбы, а не из предвзятых представлений о своем всесилии и всевластии.

Мне хочется высказать также и некоторые психологические догадки, связанные с переоценкой Сталиным значения советско-германского договора. Хочешь не хочешь, а из многих действий Сталина перед самой войной складывается ощущение, что, при всем его неприятии фашизма, при всей его убежденности, что фашизм есть и остается нашим идеологическим врагом, с которым нам рано или поздно придется столкнуться на поле битвы, у Сталина в то время был некий субъективный момент. В Гитлере было нечто, вселявшее в Сталина уверенность, что после заключения пакта Гитлер не захочет терять лица, сочтет несовместимым со своим престижем нарушить торжественно данные им обязательства. Казалось бы, все прошлое Гитлера говорило об обратном, но я допускаю, что Сталин считал, что с ним, с исторической фигурой такого масштаба, Гитлер не посмеет решиться на то, на что он решался раньше с другими.

Я с интересом прочел одно высказывание по этому поводу, принадлежащее Густаву Хильгеру, ближайшему сотруднику последнего перед войною посла Германии в Москве графа Шуленбурга. Исходя из наблюдений тех лет, Хильгер пишет, что Сталин, решив «...не допустить столкновения с Германией и использовать для этого, если потребуется, весь свой личный авторитет... переоценил как политический кругозор Гитлера, так и его чувство реальности».

В ряде работ наших военных историков справедливо замечается, что нельзя сводить все причины наших неудач первого периода войны только к субъективным ошибкам Сталина в непосредственно предшествовавшее ей время. Причиной наших неудач была целая сумма не только субъективных, но и объективных факторов, включающих в себя и моменты доставшейся нам в наследство от царской России и все еще не преодоленной к концу тридцатых годов экономической отсталости, и масштабы военно-промышленного потенциала Германии, не только самой Германии, но и покоренной ею к тому времени Европы, и отмобилизованность и боевой опыт ее армии, и многое другое. Однако если говорить о внезапности и о масштабе связанных с нею первых поражений, то как раз здесь все с самого низу — начиная с донесений разведчиков и докладов пограничников, через сводки и сообщения округов, через доклады Наркомата обороны и Генерального штаба, все в конечном итоге сходится персонально к Сталину и упирается в него, в его твердую уверенность, что именно ему и именно такими мерами, какие он считает нужными, удастся предотвратить надвигавшееся на страну бедствие. И в обратном порядке — именно от него, через Наркомат обороны, через Генеральный штаб, через штабы округов и до самого низу — идет весь тот нажим, все то административное и моральное давление, которое в итоге сделало войну куда более внезапной, чем она могла быть при других обстоятельствах.

Думая о том времени, нельзя не пытаться найти хотя бы частичную разгадку поведения той исторической личности, в государственные решения которой упирается вопрос о мере неожиданности для нас всего, что произошло 22 июня 1941 года.

До конца объяснить психологические причины ошибочных предвоенных представлений Сталина о перспективах войны, очевидно, невозможно. Чем больше я думаю об этом, чем больше знакомлюсь со связанными с этим материалами, тем более острое чувство недоумения испытываю.

Когда 5 мая 1941 года в последний раз перед войной состоялся в Кремле традиционный прием выпускников военных академий, на котором выступил Сталин, то на следующий день в конце посвященной этому событию передовой «Правды» стояла обращающая на себя внимание фраза: «В нынешней сложной международной обстановке мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям». Не приходится сомневаться, что содержание передовой было прямо связано с духом того, что говорил на приеме Сталин. Но 3 июля 1941 года,

словно забыв об этом, он, объясняя причины наших неудач, говорил, что «...немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт», говорил так, словно это нарушение не было именно той самой главной неожиданностью, к которой мы должны были быть готовы. А потом, в своей майской речи 1942 года, подводя некоторые итоги, он же говорил: «Исчезли благодушие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы Отечественной войны». Так вот, оказывается, кто, по его мнению, в начале войны был беспечен и благодушен, кого война научила,— бойцы!

Конечно, и бойцов она многому научила, а вернее, тех из них, кто тогда, в первые дни, не погиб. Но, по совести говоря, стоило бы все-таки, если уж заводить такой разговор, начинать его не с бойцов, а с себя. С упоминания о собственной ответственности.

Говоря о начале войны, невозможно уклониться от оценки масштабов той огромной личной ответственности, которую нес Сталин за все происшедшее. На одной и той же карте не может существовать различных масштабов. Масштабы ответственности соответствуют масштабам власти. Обширность одного прямо связана с обширностью второго.

Другой вопрос, что даже в самых сложных условиях существует еще и ответственность общества, когда оно по ходу своей истории вручает слишком обширную власть в руки одного человека. И, не снимая с этого человека ни единой доли ответственности за все его деяния, праведные и неправедные перед лицом истории, нельзя забывать и об ответственности общества, о нашей собственной ответственности за то положение, которое занял этот человек.

Как все это постепенно произошло в нашем обществе — особый и трудный вопрос, может быть, самый трудный в нашей истории. Но он существует и не перестанет существовать, независимо от того, как бы мы ни относились к Сталину и будем ли называть его в своих сочинениях Ставкой или собственным именем.

В тот вечер, когда поэтов вызвали в Радиокомитет писать антифашистские песни, произошло такое экстраординарное событие, как переход к нам через юго-западную границу перебежчика Альфреда Лискофа, сообщившего час нападения немцев. Происходили и более рядовые события — получение очередных разведдонесений от штабов пограничных округов. В последнем предвоенном разведдонесении, посланном в Москву из Прибалтийского особого военного округа 21 июня в 21 час 40 минут, в частности, сообщалось, что по данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в Восточной Пруссии. Вслед за этим в донесении подробно излагалась дислокация немцев на Шяуляйском и Каунасско-Вильнюсском направлениях. Были указаны номера немецких корпусов и дивизий и количество танков. Далее сообщалось, что на аэродромах Тильзита, Кенигсберга, Пилау, Инстербурга отмечено до семисот самолетов. Словом, была показана обстановка непосредственного сосредоточения перед наступлением.

Но, может быть, все это было сообщено в самый последний день, когда уже поздно было что-нибудь предпринять? Нет. Об этом свидетельствуют выводы донесений, звучащие так: «1. **Продолжается** сосредоточение немецких войск близ границы. 2. Общая группировка войск **продолжает** оставаться в прежних районах. 3. Требуется установить достоверность дислокации в городе Кенигсберг штаба 3-го армейского корпуса и штаба 1-й армии».

Из выводов этого донесения с полной очевидностью явствует: ему предшествовали другие и оно само являлось лишь очередным напоминанием о том, что уже неоднократно сообщалось.

Я привожу всего один документ, попавший мне на глаза в архиве. Существует много других документов такого же рода.

Маршал К. С. Москаленко, командовавший перед войной 1-й моторизованной артиллерийской противотанковой бригадой, одним из немногих соединений такого типа, которые мы успели создать к началу войны, недавно в беседе с писателями рассказывал: «20 июня 1941 года меня вызвал к себе командующий 5-й армией Потапов и в упор задал вопрос о возможном, с моей точки зрения, начале войны с немцами. Беседа велась с глазу на глаз в четырех стенах. Мы понимали, что, если откровенный разговор на этот счет станет известным, нам несдобровать. Доложив о данных разведки, я ответил Потапову, что думаю, что война вспыхнет не сегодня, так завтра. Это чувствуется по обстановке в пограничных районах. Он полностью со мной согласился и сказал: «Не знаю, что думают в Москве и Берлине, но разделяю твои опасения, что немцы не сегодня завтра нападут на нас». После этого он познакомил меня с приказанием командующего округом Кирпоноса о немедленном укрытии всей боевой техники».

Присутствуя на этой беседе с Москаленко, я вспомнил одну старую довоенную книгу и не поленился заново прочесть ее.

«...К 4 часам 19 августа судьба пограничного боя на северном участке юго-западного фронта, где немцами было намечено произвести вторжение на советскую территорию силами ударной армейской группы генерала Шверера, была решена.

Лишенные оперативного руководства и поддержки бронесил, части ударной группы Шверера отходили. У них на хребте, не давая времени опомниться, двигались танки Михальчука. Скоро отступление немцев на этом участке превратилось в бегство. В прорыв устремились красная конница и моторизованная пехота».

Так выглядели первые двенадцать часов войны в напечатанном за два года до нее романе Шпанова «Первый удар»; на этих страницах рассказывалось о предполагаемых действиях на том самом северном участке Юго-Западного фронта, который в реальной предвоенной обстановке занимала 5-я армия генерала Потапова.

А вот как выглядели там эти первые двенадцать часов войны в действительности. Я еще раз приведу соответствующее место из беседы маршала Москаленко с писателями:

«Подъезжая к аэродрому, мы увидели, что его бомбят и самолеты горят. Генерал Лакеев, командовавший воздушными силами, не смог поднять с этого аэродрома в воздух ни одного самолета... Войска поднимались по боевой тревоге. Я вскрыл мобилизационный пакет и увидел, что в нем было предписание моей бригаде в случае объявления мобилизации идти на Львовское направление на Раву-Русскую. Я доложил командующему армией, что должен уйти от него, из его подчинения, на другое направление, на Львов.

— Как же ты можешь так поступить,— сказал Потапов,— когда немцы уже выходят к Владимиру-Волынскому и сейчас его возьмут!

Я ответил Потапову, что тем не менее я обязан выйти из его подчинения и могу выполнить его противоречащий мобилизационному пакету приказ, только если этот приказ подтвердит Москва или Киев.

Он позвонил мне снова через несколько минут — у него не было связи ни с Москвой, ни с Киевом, она была прервана, и никакого руководства ни по радио, ни по телефону оттуда в первые часы у нас не было.

Тогда в сложившейся обстановке я решил подчиниться приказу командующего и пошел на Владимир-Волынский».

Хорошо известно не только по нашим, но и по немецким источникам, что в дальнейшем 5-я армия под командованием генерала Потапова была одной из тех, которые на протяжении первых месяцев войны оказали наиболее ожесточенное и успешное сопротивление наступавшим немцам. Рассказ маршала Москаленко свидетельствует о том, в какой тяжелейшей обстановке начала действовать эта армия в первые часы войны.

Навстречу примерно такой же обстановке и таким же событиям, обернувшимся на Западном фронте еще более тяжелыми результатами, выехал я в дачном вагоне из Москвы в Минск, имея в кармане командировочное предписание: «Интенданту 2-го ранга товарищу Симонову К. М. Приказом начальника Главного управления политпропаганды Красной Армии № 0045 от 24 июня 1941 года Вы назначены литератором редакции газеты «Боевое знамя», предлагаю отбыть в распоряжение начальника Управления политической пропаганды Западного особого военного округа. Срок выезда 24 июня 1941 г. Маршрут — Москва — Минск. О выезде донести»... ●

Публикация Л. Лазарева

Начало на стр. 66

и внутри профессии в целом продумывать, проживать вопросы профессиональной деятельности. Нынешний момент в архитектуре, на мой взгляд, отражает отказ от глобальных доктрин. Если начало века — героическая эпоха, как ее называют,— было построено на идеях тотальной реорганизации мира, то сегодняшняя архитектурная идеология переходит в иную плоскость. Я бы ее сравнил с образом мышления интеллигентного, хорошо воспитанного и глубоко образованного человека, который знает, как правильно себя вести в любом случае жизни. Он точно и тонко чувствует каждую конкретную ситуацию, в которой реализует свои добродетели, свою интеллигентность, остроумие, образованность. Человеку, истинно интеллигентному, более или менее безразлично, находится ли он в обществе крестьян или в обществе английской королевы,— он всегда будет адекватен ситуации. Сегодняшняя архитектура должна быть, на мой взгляд, именно такой. Каждый раз быть адекватной жизни, пространству, контексту, истории и т. д. Это требует огромной внутренней работы, думаю, гораздо большей, чем архитектура глобальных доктрин, когда находится одно решение как бы на все случаи жизни. То, о чем говорю я, на самом деле — особая форма профессиональной этики. Мастера современной архитектуры демонстрируют именно такое отношение. Отношение, в котором есть и связь с прошлым, линия предков, генетически воспроизводимая, и абсолютная актуальность, сиюминутность. Например, такой архитектор, как Джеймс Стерлинг, включает в свои постройки архитектурные элементы от критомикенской культуры до новейших технических форм. И их сложение совершенно не противоречиво, наоборот, оно отражает сегодняшнее мироощущение.

Поэтому я с большой опаской смотрю на прямолинейный историзм как доктрину, опасаясь также и безоговорочного техницизма, видя в нем как бы другой полюс того же самого. На самом деле все может сосуществовать, только нужно найти форму такого сосуществования. Как это происходит в жизни...

Получилось, что я все говорил о проблемах и нарушаю традицию, не предлагая решений. Я думаю, что архитектурные проблемы будут решены только в том случае, если возникнет широкое общественное движение «за архитектуру». Основанное на глубоком понимании ее философского, культурного и художественного смысла. Архитекторы нуждаются не только в критике, но и во внимании, уважении и поддержке. Как бы мы все ни любили старую архитектуру — без новой не обойтись. А как сделать, чтобы она была не хуже?

В общем-то очень просто: изменить социальный статус архитектора, реконструировать всю административную систему в архитектуре, усовершенствовать материально-техническую базу строительства, повысить культуру строительного производства, изменить систему архитектурного образования. Это — на стадии реанимации. И если стимулировать движение архитектурной мысли, можно надеяться и на ренессанс. Я — оптимист. ●

Под нами — полюс!

М. Шевелев

События, даже самые значительные, со временем стираются в памяти людей. Но тогда, полвека назад, имена советских полярников ставили рядом с именем Колумба. Газеты всего мира восторженно писали о советской экспедиции на Северный полюс.

«Значение ее можно сравнить только с открытием Америки и первым путешествием вокруг света».

«...Самые горячие поздравления великим советским летчикам, совершившим замечательный исторический подвиг...»

Вся жизнь Марка Ивановича Шевелева связана с Арктикой. Три десятка лет — с перерывами, правда,— возглавлял он Управление полярной авиации Главсевморпути, потом полтора десятка лет работал в Администрации Северного морского пути. В годы войны генерал-лейтенант Шевелев был начальником штаба Авиации дальнего действия. В настоящее время — председатель Отделения географии полярных стран Московского филиала Географического общества. В домашнем архиве Марка Ивановича — тысячи интереснейших документов, тысячи фотографий. Вся история Советской Арктики!

Вот самый первый самолет Полярной авиации — «Комсеверпуть № 1».

— Только благодаря помощи Алексея Максимовича Горького мы его в 1929 году получили...

Вот фотография Полюсной экспедиции — стоят на льдине четыре огромных самолета. На обороте — дата: «Июнь, 1937».

А вот фотография 1977 года: атомоход «Арктика», над ним — ледовый разведчик Ил-14.

— Через сорок лет я снова побывал на полюсе,— улыбается Шевелев.

К сожалению, до сих пор не написана книга его воспоминаний:

— Понимаю, что надо бы. Столько событий, столько замечательных людей... Никогда времени не хватало — ни раньше, ни теперь...

По просьбе редакции журнала Марк Иванович рассказал нашему корреспонденту А. Шумилову о Полюсной экспедиции 1937 года.

Когда родилась идея — сказать трудно. План полюсной экспедиции начали продумывать еще в 1934 году — на челюскинской льдине. А решилось все 13 февраля 1936 года, в этот день было принято постановление ЦК: «Разрешить ГУСМП организовать экспедицию на Северный полюс и создать там научную дрейфующую станцию».

На всю подготовку был запланирован только один год!

Газета «Известия» провела тогда анкету среди иностранных ученых. Все опрошенные авторитеты предлагали либо дирижабль, либо подводную лодку. Но никто не предлагал самолет!

Авторитет Руала Амундсена был чрезвычайно велик, и все помнили его предупреждение:

— Не летайте в глубь ледяных просторов. Вы не найдете там ни одного годного для посадки места — ни единого!

Что ж, дирижабль, конечно, неплох... Если бы можно было «организовать» погоду — маловетреную и без обледенений... А подводная лодка — это все-таки из области фантастики. По тем-то временам. Реальная дальность подводного плавания не превышала десятков миль, а до полюса — сотни.

Предлагался вначале такой вариант: пробиться на ледоколе как можно дальше — скажем, до восемьдесят четвертого градуса, а оттуда направить к полюсу собачьи упряжки. Посчитали... Нет, нереальное дело. Нужно забросить тонны оборудования, продовольствия... Сколько же это упряжек?

Опытные парашютисты Минов и Мошковский предлагали сбросить на полюс парашютный десант, который подготовил бы аэродром. Герой Советского Союза Михаил Васильевич Водопьянов предлагал установить на фюзеляже тяжелого самолета маленький самолет — с небольшой посадочной скоростью. На подходе к полюсу этот самолетик должен взлететь, выбрать подходящее ледяное поле и сесть. Экипаж подготовит полосу, чтобы принять тяжелые самолеты...

Однако от всех этих проектов после внимательного обсуждения пришлось отказаться. Представьте себе: если подготовить аэродром не удастся, то ведь и самих парашютистов придется спасать. Или экипаж легкого самолета. Тут уж о главной задаче позабыть придется...

«Комсеверпуть» начал ледовые разведки еще в 1929 году. Посадок на лед были единицы, и то — легких самолетов. И все же опыт подсказывал, что пусть с трудом, но подходящее для посадки поле найти все-таки можно. Опасностей, конечно, много. Причиной катастрофы может стать, например, не замеченный с воздуха ропак. При ударе о него шасси почти наверняка будут снесены. Однако еще страшнее была другая опасность — ровная, присыпанная снегом площадка могла оказаться недавно замерзшим разводьем. Тогда тонкий лед просто проломится под тяжелым самолетом. Двадцать четыре тонны с полной загрузкой!

Нам нужен был лед толщиной не менее семидесяти сантиметров. Под Москвой, на озере Тростянском, мы устроили своеобразный полигон. Толщина льда была здесь как раз подходящей, и мы проводили эксперимент. На лед с самолета сбрасывались обтекаемые железные болванки разного веса. Надо было понять, какой предельный удар выдержит семидесятисантиметровый лед. Теперь мы знали твердо: если болванка определенного веса лед не пробила, значит толщина льда достаточна для посадки.

В апреле 1936 года Михаил Васильевич Водопьянов в паре с Василием Михайловичем Махоткиным вылетели из Москвы на Землю Франца-Иосифа, чтобы выбрать место для базы. Строить ее надо было именно там, на самом северном советском архипелаге. Ясно ведь — чем ближе к полюсу, тем меньше нужно горючего. А вес груза, который может взять самолет, соответственно увеличивается. Мы подсчитали уже — на полюс нужно забросить около десяти с половиной тонн.

Осенью 1936 года ледокольный пароход «Русанов» сумел пробиться к острову Рудольфа и выгрузить все необходимое — комплект сооружений, оборудование, запас горючего. Руководил этой операцией Иван Дмитриевич Папанин, начальником базы на острове Рудольфа был назначен молодой, но уже опытный полярник Яков Либин.

Вся подготовка экспедиции шла под внимательным наблюдением начальника ГУСМП Отто Юльевича Шмидта. В свойственном ему стиле он давал возможность каждому проявлять максимум инициативы. Вмешивался редко — если работа шла не так, как надо. Но вмешивался ненавязчиво, незаметно — часто ра-

Чего здесь больше, в Ледовитом океане,— воды или льда? И найдется ли здесь место для посадки?

В Арктике Отто Юльевича называли «Борода», «наш Борода». Не без оснований, как видите

ботнику казалось, что он сам придумал то, что подсказал ему Шмидт.

Для полета к полюсу выбрали четырехмоторные дальние бомбардировщики ТБ-3М — в те времена лучшие, пожалуй, в мире.

Известно было, что магнитный компас в районе Северного полюса работает неустойчиво. Поэтому на острове Рудольфа мы установили радиомаяк, который давал ось зоны строго на полюс. Однако ширина зоны, а следовательно и возможная ошибка в определении места, составляла в районе полюса около 30 километров. Подходя к полюсу, необходимо было определиться более точно. На самолетах устанавливались первые из появившихся радиополукомпасов, они давали возможность определяться по пеленгам широковещательных радиостанций. Но самые большие надежды мы возлагали на самолетные секстаны и на СУК — солнечный указатель курса. Весь этот комплекс, учитывая умение и опыт наших штурманов, позволял определить место полюса достаточно точно.

Для экспедиции был подобран наиболее опытный летный состав — в основном из полярной авиации. Командиры воздушных кораблей — Водопьянов, Молоков, Алексеев и недавно пришедший в полярную авиацию талантливый летчик Мазурук. Вторые пилоты — Бабушкин, Орлов, Мошковский, Козлов; штурманы — Спирин, Жуков, Ритсланд, Аккуратов; бортмеханики — Бассейн, Ивашина, Сугробов, Шекуров, Кекушев...

Командирами самолетов-разведчиков Р-6 и Р-5 были назначены Головин и Крузе.

Прошла зима, наступил март. При облетах самолетов выявлялись все новые и новые недоделки, а время поджимало. Весна в том году была ранняя, снег в Москве почти уже растаял, взлетать на лыжах нечего было и думать. Решили взлетать на колесах, а лыжи отправили в Архангельск по железной дороге.

Главным синоптиком экспедиции был Борис Львович Дзердзеевский. 20 марта он предупредил: ожидается новая волна потепления, снег может растаять и в Архангельске.

По плану следующим пунктом посадки был Нарьян-Мар. Но туда громадные самолетные лыжи перевезти невозможно — не на чем, железной дороги не было. Значит, ничего не поделаешь; пришлось прекратить все доработки — вылетаем!

Вылетели 22 марта. Машины перегружены, оторвались с трудом. Фонтаны брызг — снег, вода. Аэродромы в то время еще не чистили.

Погода была препаршивая — заряды мокрого снега, клочья облачности чуть не до самой земли. Единственное приятное воспоминание — «Полюшко-поле». Эту чудесную песню архан-

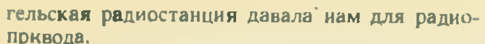
Лагерь у вершины планеты — с воздуха и со льда.

Москва сообщила впервые: «Погода на полюсе...».

На приеме в Кремле: О. Ю. Шмидт, М. И. Калинин, начальник летного отряда М. В. Водопьянов, заместитель начальника экспедиции М. И. Шевелев.

гельская радиостанция давала нам для радиопривода.

Аэродром на Кегострове непригоден для наших тяжелых самолетов — слишком мал. Спасибо товарищам из Архангельска — подыскали подходящее поле. И надо же так — на родине Ломоносова, у самой околицы села Холмогоры. Правда, на посадке мы немножко поволновались, толщина снега была около 70 сантиметров, и наши огромные колеса уходили в этот снег почти до осей.

Ну ладно, зарулили, остановились, все в порядке. Лыжи уже доставили скорым поездом, заменили ими колеса. Кое-что еще получили дополнительно, взяли кое-какие запчасти. В общем, перегрузка — дальше некуда. А тут еще Иван Дмитриевич все пополняет свои запасы. Подходит ко мне: разреши, говорит, хочу теленочка взять — дополнительно свежего мяса. Ну и крыночку сметаны захватим с собой... Через час, смотрю, два здоровенных мужика на длинной-предлинной палке тащат на плечах огромную тушу бычью. А сзади еще двое — на палке громадная кадушка висит. «Крыночка сметанки», значит... Ну что ж тут поделаешь, захватили и этот груз.

В Архангельске пришлось нам восемь дней погоды ожидать. Снег раскис, буквально превратился в кашу. Было 70 сантиметров снега, осталось 10—15. Тридцатого взлетели все-таки, а в Нарьян-Маре — опять задержка.

По плану мы должны были идти на остров Рудольфа, вдоль Новой Земли. А этот архипелаг славится коварством своей погоды. Про новоземельскую бору читатели наверняка слышали, а нам в тридцатые годы пришлось впервые близко с ней познакомиться. Рождается бора фактически внезапно, при ясной погоде. Чуть подальше от берега — почти штиль, а в прибрежной зоне — настоящий ураган. Скорость ветра достигает 50—60 метров в секунду, 180—220 километров в час. Практически такой же была и скорость наших самолетов, даже меньше.

В общем, в Нарьян-Маре пришлось просидеть значительно дольше, чем хотелось. То у нас погоды нет, то на Рудольфе, то в районе Новой Земли.

Весна настигла нас вновь, на льду Печоры выступила вода. 12 апреля синоптики дали хорошую погоду, а мы не можем взлететь. Вторая, третья, девятая попытка... Машины перегружены, не могут оторваться. Решили слить по две тонны горючего и лететь до Маточкина Шара — там у нас заготовлен запас.

В Матшаре сели благополучно, заправили машины — завтра с утра идем на Рудольфа. А ночью — бора. Хорошо, что закрепили самолеты, как следует,— пробурили лунки, тросы под лед протащили. Иначе — беда. Когда ураган достиг предельной силы, самолеты и на тросах «взлетали» — концы лыж по льду хлопали. Такая вот бора.

Потом, когда ветер стих,— густой снегопад, потом — Рудольф не принимает, только 18 апреля к вечеру погода сжалилась над нами.

На Рудольфе пришлось нам просидеть месяц, можете себе представить это мучительное ожидание.

5 мая, когда погода показалась более или менее подходящей, выпустили наш дальний разведчик — Р-шестой. Головину была поставлена задача дойти до 88-й широты, но он, конечно, не утерпел — дошел до полюса. Поволновались мы изрядно — бензина-то у него

У метеобудки — будущий академик Е. К. Федоров.

не должно было хватить, к тому же погода у нас опять испортилась... Садился Павел Григорьевич прямо с хода, и на пробеге оба мотора остановились — кончился бензин...

По данным Головина, на широте 85—86 градусов были сильно всторошенные поля, но севернее картина резко изменилась — пошли громадные ледяные поля, выбрать место для посадки не представляло большой трудности. Значит — хорошо, хоть с этим волнений поубавилось. Теперь только погоды дождаться.

Наконец 21 мая стартовал Водопьянов на самолете Н-170. На борту у него начальник экспедиции Отто Юльевич Шмидт, вся четверка — Папанин, Ширшов, Федоров, Кренкель, и кинооператор Трояновский. Полет проходил нормально, дошли до полюса, Спирин сообщил, что на всякий случай они пройдут еще десять минут за полюс. Потом сообщение: «Идем на посадку». И все. Связь оборвалась.

Что мы только вообразить и передумать могли! Возможно, у Иванова вышел из строя передатчик, но ведь у Кренкеля есть своя радиостанция. Он бы мог сообщить...

Наконец, через десять часов, Николай Николаевич Стромилов услышал Кренкеля:

— Работает!

Ну, все мы сбежались в радиорубку. Выяснилось, что во время захода на посадку радиостанция самолета вышла из строя — сгорел умформер. А Кренкель свою радиостанцию не мог запустить до тех пор, пока не будут заряжены аккумуляторы с помощью ветряка.

Поэтому такое вот томительное ожидание и досталось нам в эти трудные часы.

Утром 25 мая с полюса сообщили: погода ясная. У нас на Рудольфе купол был полностью закрыт, но едва облачность поднялась на 30—40 метров, мы решили тотчас же — взлетать.

Надо сказать, что снег на Рудольфе был настолько переморожен и уплотнен систематическими пургами, что походил скорее на кварцевый песок. На материке мы с таким снегом никогда не встречались. Оказалось, что с такой перегрузкой, как у нас — полетный вес доходил до 24 тонн, наши самолеты просто не могли сдвинуться с места.

Еще когда взлетал Водопьянов, мы придумали сложную «комбинацию» — в самолет... запрягали два трактора. С их помощью, со включенными на полную мощность двигателями, самолет наконец сдвигался с места. К счастью, уклон ледника по направлению к морю постепенно увеличивался, скорость возрастала. Теперь нужно по ходу отцепить трактора. Мотористы, посаженные на самолетные лыжи, по команде освобождали троса и... побыстрее откатывались в сторону — чтобы не попасть под хвостовой костыль самолета.

Сами понимаете, остроумцы наши изощрялись — «цирк на куполе». Но взлетели мы благополучно, и теперь оставалась последняя сложность — разыскать самолет Водопьянова.

Предполагалось вначале, что мы пойдем по радиокомпасу, настроившись на их сигнал. Но из-за поломки умформера этот план рухнул. Радиостанция Кренкеля не могла нам помочь — ее частоты не совпадали с частотами, на которых работали наши радиокомпасы. Оставалось одно — положиться на штурманов.

Алеша Ритслянд решил задачу отлично. Когда мы дошли до полюса, он вполне буднично скомандовал:

— 45 градусов влево.

Мы с Молоковым недоверчиво переглянулись, но через несколько минут на горизонте показалось оранжевое пятнышко — самолет Водопьянова.

Каюсь, в тот день у меня не было ни времени, ни желания разглядывать этот самый полюс. Алексеев, как выяснилось, решил совершить посадку, чтобы уточнить свое место и курс на наш лагерь. Он прилетел на следующий день. А с четвертой машиной дело вышло хуже. Мазурук выбрал для посадки не совсем удачную льдину. Его экипажу пришлось затратить восемь дней, чтобы подготовить взлетную полосу. Мы за это время построили склады из выпиленных брусков снега, установили все оборудование, палатки. Ведь четверо оставались здесь жить — Иван Дмитриевич Папанин, Эрнст Теодорович Кренкель, Петр Петрович Ширшов и Евгений Константинович Федоров. Остался на льдине и пес Веселый...

Только перед отлетом, когда самолеты были уже подготовлены, решил я все-таки посмотреть — где же она тут, ось земная. Вы понимаете, вид уже обжитой, лагерь большой, народу много. Взял я лыжи, отошел километра на два, присел на торос и разглядываю... День серенький, но облачность не толстая, солнце диском просвечивает... Приходит на ум этакая философия — по Владимиру Владимировичу Маяковскому: мелкая философия на глубоком месте. Сижу, я думаю, на самой верхушке Земли... Шар земной подо мною вращается, несется вокруг Солнца... И вся наша система в нашей Галактике несется куда-то к созвездию Стрельца... Да...

Под таким вот настроением бреду потихонечку в лагерь. А тут — самолеты, как где-нибудь в Сибири на аэродроме полевом. Механики в двигателях копаются, в каком-то самолете примус шумит — обед, наверное, дежурный готовит... Подхожу к нашей палатке, где мы со Шмидтом жили,— шум, стук! Что такое? Просовываю голову в палатку... Картина... Сидят! Отто Юльевич, напротив него Михаил Сергеевич Бабушкин, а вперекрест — Молоков и Водопьянов. На коленях у них — лист фанеры, с грохотом «козла забивают»! Я так даже опешил немножко. Говорю: товарищи... Ведь сюда, говорю, человечество веками мечтало попасть. Ведь мы же, говорю, на полюсе с вами, на вершине планеты... А вы — козла забиваете...

Отто Юльевич блеснул голубыми глазами, характерным таким жестом бороду свою погладил... Не мешайте, говорит, Марк Иванович. Это, говорит, не простой козел — полюсный! Кто проиграет, тот век не отыграется!

* * *

Фактически Полюсная экспедиция 1937 года ознаменовала начало новой эры в изучении Арктики. Только-только вернувшись с полюса, Отто Юльевич Шмидт подчеркивал: «Наряду с возможным повторением высадки на лед такой станции, как папанинская... можно широко применять временные посадки самолета на льдину для производства научных работ в течение нескольких дней или недель».

Теперь уже «СП-29» несет вахту в Ледовитом океане. Дрейфующие станции давно уже стали делом привычным, обыденным. За послевоенное время проведено свыше четырех десятков воздушных «прыгающих» экспедиций, о которых мечтали полвека назад.

Недавно в нашей стране издан уникальный «Атлас Северного Ледовитого океана». Более двухсот интереснейших карт создано по итогам работ дрейфующих станций, по итогам высокоширотных воздушных экспедиций. Пять десятков лет назад Ледовитый океан казался самым недоступным. А теперь он стал самым изученным из всех океанов Земли. ●

«Цирк на куполе» — без трактора не взлетишь

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Д. Биленкин

Весенние лужи

Жизнь — это ожидание. Ждут все, всегда и всего, начиная с первых капель материнского молока и кончая последней надеждой на исцеление. А меж этим такое обилие всякого, что давно сосчитаны звезды нашей Галактики — и до сих пор нет ответа, сколькими желаниями обременены наши души.

Чудо на этой ярмарке ожиданий — товар особый и неприметный. Кто упомянет о нем наряду с любовью, успехом и даже удовольствием от бифштекса? Но если вглядеться, то вера в чудо, желание чуда постоянны в нас: вдруг, ну а вдруг... Правда, с возрастом копится разочарование. Где они, эти всеозаряющие, невероятные, с неба падающие подарки судьбы? Не считать же чудом шальной выигрыш в какой-нибудь лотерее! Вообще, оглядев историю нашего рода, сможет ли кто-нибудь назвать пусть одно, самое крохотное, зато несомненное чудо?

Странно все-таки устроен мир... В нас теплится неизбывная жажда чуда, законы природы оставляют им место (вплоть до разрешения холодной воде самопроизвольно вскипеть в обычном графине), а подлинные, беспримесные чудеса, судя по всему, не случаются, ибо та же вода еще ни разу не воспользовалась своим правом беспричинно взбурлить на глазах изумленной публики, да и по канонам теории вероятностей столь нечаянная игра ее молекул возможна лишь во временных пределах существования Вселенной, то есть практически нигде и никогда, хотя, с другой стороны, среднестатистически воде дозволено сбрендить таким образом в любой миг и в любом месте. Хоть в этом графине!

Смешней и обидней всего, если при этом в комнате никого не окажется...

А если и окажется?

Наша история вам, конечно, известна, о ней упоминается даже в учебниках. Но я расскажу о том, что не попало в научные публикации. И не только потому, что здесь много личного и эмоционального, а то и другое изгоняется из научных сообщений с тем же рвением, с каким в старину изгоняли нечистую силу. Нет, дело не только в этом...

Задание у нас тогда было самое обычное: возле звезды, имеющей в силу своей незначительности лишь порядковый номер, надлежало смонтировать очередную вакуум-станцию. И заодно обследовать одну тамошнюю планетку, что могло скрасить рутину и даже возвести нас на пьедестал первопроходцев, если бы не два обстоятельства: во-первых, планета более всего походила на обледенелый булыжник, а во-вторых, ее, хотя и бегло, уже обследовали.

Впрочем, мы и не гнались за лаврами. Изречение «Чудес не бывает!» давно стало ходовым в нашей компании, а приучил к нему Василенко, у которого бутерброд всегда падал маслом вниз, что побуждало его, качая головой и подергивая вислый чумацкий ус, бранить «закон мировой подлости». Так и привилось. Чудес не бывает! Мы поминали это заклинание, разыскивая всякие куда-то подевавшиеся мелочи, которые «вот только что, не успел отвернуться, были на месте», употребляли его, когда что-то не должное ломаться ломалось и еще во множестве других случаев, то есть почти ежедневно. Что за жизнь, если вдуматься: у меня десятки раз отлетали пуговицы и, заметьте, всегда некстати, и хоть бы одна пришилась сама собой! Нет, наш мир устроен настолько бездарно, что само собой осуществляется лишь плохое, поэтому жить здесь трудно, а созидать — тем более.

Хотя тем больше чести. Не с богами сражаешься — с поломками борешься, пыль изгоняешь, второму началу термодинамики противостоишь. Лишь творческое созидание удерживает жизнь от растекания болотом, где хорошо одним только подонкам, и то лишь до тех пор, пока им есть на ком паразитировать, пока они всех творящих не передушили. Правда, столь известный философ, как Ирма Бреннер, утверждает — и многие женщины с ней согласны,— что труднее всего просто жить, и как раз по этой причине мужчины рвутся прочь от семейного очага ко всяким там звездам и поют дифирамбы творчеству. Не знаю, не знаю, в молодости я, конечно же, счел это мнение отрыжкой консерватизма, теперь я не столь категоричен...

Простите! Я заболтался, это, должно быть, старческое уже. Все-все, перехожу к делу.

Пока мы возились с главным предприятием, то есть с вакуум-станцией, работа шла как надо, без срывов и неожиданностей. Техника она техника и есть: что автомобили клепать, что наши межзвездные станции ладить — были бы опыт и мастерство, остальное приложится. Все поначалу и далее шло гладко, хотя и несколько однообразно, ибо планета, повторяю, более всего напоминала обледенелый булыжник, неизвестно зачем кружащийся в пустоте и космическом мраке. Самое удручающее, что на этой оледенелости некогда плескались океаны и, судя по палеонтологическим находкам, бурлила жизнь. Но это было примерно миллиард лет назад, а ныне глаз видел лишь камень да лед, лед да камень. Чаще всего спокойное, уныло прозрачное, словно простерилизованное небо, морозы, хуже чем антарктические, ощущения безотрадности — я понимаю первооткрывателей, которые даже не потрудились как-нибудь назвать эту планету.

Верно, однако, замечено, что во всякой ночи есть свет и в любой пустыне найдется оазис. Вечная, вот уже миллиард лет длящаяся на этой планете зима раз в год сменялась близ экватора робким подобием

весны, и мы это время застали. Пригревало, в скалах стучала капель, их карнизы обрастали хрустально звенящими сосульками. Весна, так похожая на земную! Трудно было смотреть на нее равнодушно. Время пробуждения, время надежд, но каких? На этой планете ничто не могло сбыться, весна здесь никогда не могла перейти в лето, даже ручьи не успевали окрепнуть, ибо за мартом тут был неизбежен декабрь; что печальней такой обреченной, ни для кого, ни для чего весны? Даже Бхопал, наш капитан, чувствовал это несоответствие, хотя там, где он родился и жил, всегда стояло лето. И невольно припоминалось, что если наша планета хоть раз оденется в снежный саван, то этот покров уже никогда не сойдет и на Земле станет так же мертвенно, как здесь..

И все-таки в этой обреченной весне была своя щемящая прелесть. Стояли погожие дни, слабенькое чужое солнце светило и пригревало, как наше мартовское, такое, знаете, задумчивое, легкой дымкой неба подернутое. И так же звенела капель. И ярок белый повсюду снег. И дремотно голубели прозрачные лужи. Иные разливались широко и покойно. Стоишь на берегу такого озерца — ни ветерка, ни морщинки на водной глади, и черт знает что переворачивается в душе!

Весна...

Время нас, как всегда, ограничивало, ритм был жесткий, иначе в работе, тем более на краю света, нельзя. И все же мы поддались обаянию этой грустной весны. Только так можно объяснить, что в тот день мы с Василенко задержались на берегу обширнейшей лужи и, как последние рамапитеки, просто-напросто созерцали природу окрест, то есть немножечко изменяли своему долгу. Ученый-созерцатель! Похлеще разве что «монтажник-созерцатель», а мы, пожалуй, в большей степени были инженерами и рабочими, чем учеными, ибо, напомню, главным нашим заданием считалось не дообследование никому в общем-то не нужной планетки, а установка вакуум-станции. И все же в тот раз мы надолго впали в праздность, чего, правда, лишь с роботами не бывает... Забыв о времени, мы топтались на берегу протаявшего озерца, млели среди спокойствия и безмятежности, стояли, будто завороженные чуть колышущимся отражением солнца в воде, платиновым оттуда светом и нечаянным, скупым, как ласка, припеком лучей чужого светила.

Говорят, вот с этого, то есть созерцания, вся наука и начиналась когда-то. Но, честное слово, ничего натурфилософского в наших головах тогда не было, мы просто стояли, щурясь на водную гладь, и наслаждались чужой скоротечной весной.

И вдруг увидели это...

Непотревоженную гладь лужи прочертила слабенькая, углом расходящаяся волна.

Всего-навсего! Каждый из нас сотни раз видел такие волны, ведь их оставляет все движущееся по поверхности, будь то жук-плавунец или катер. Но здесь нечему было двигаться, вот в чем штука...

Уже исчез всякий след волны, а наше пригревом и светом умиротворенное сознание оставалось невозмутимым. Глаз видел, а до ума еще не дошло! Зато потом...

То, что мы видели, было чудом или ошибкой восприятия, но ошибку наше подсознание почему-то враз отмело. Не было никакой ошибки! Было чудо. Такое огромное, беспримесное, восхитительное, что я пережил ни с чем не сравнимый восторг ликующего потрясения, благодарности неизвестно кому или чему.

Увы, это блаженное состояние длилось недолго. Само собой разумеется, мы развили кипучую деятельность. По самой строгой, естественно, научной методе, которую не описываю, поскольку уже не первое столетие она, можно сказать, у нас в крови. Замечу, однако, что не будь ее, все так бы и осталось непознанным, ужасно загадочным и чудесным, как это бывало гораздо раньше и намного позже средневековья.

Впрочем, действовали мы столь же азартно, сколь и методично. Охота на неведомое — самая увлекательная из охот! Все дети мира, столь любящие дрызгаться в лужах, могли позавидовать нам. Мы по уши залезали в лужи, вдоль и поперек тралили их глубины, осушали самые подозрительные — в нетерпении, веря и не веря в успех, ведь как-никак мы ловили самое настоящее чудо, ибо ничего самодвижущегося в этих лужах быть не могло. Немыслимо! Конечно, не потому немыслимо, что вода ледяная,— для многих, в том числе земных организмов, это самая благодать. Но кто мог резвиться в столь недолговечной воде? Тем более на планете, где после естественной, а может быть, технологической катастрофы (поди, через миллиард лет разберись!) вода, воздух, почва и лед — все стало стерильным! Да и какой организм мог существовать в одиночестве, вне и помимо себе подобных?!

Но углом расходящийся след на воде не померещился нам, вскоре мы его снова увидели..

Наконец и сам виновник переполоха был схвачен! Им оказался треугольный, совершенно плоский, размером с ноготь мизинца зеленоватый жучок, при других обстоятельствах способный вызвать восторг лишь завзятого энтомолога. Но тут! Обретя это чудо-юдо, мы почувствовали себя в сказочном Зазеркалье, где березы летают, а жабы играют в футбол.

То ли, однако, нас ждало впереди! Вы когда-нибудь держали в руках чудо, исследовали, препарировали его? При всей заманчивости это занятие, уверяю вас, выявляет врожденную недотепистость человеческого ума, который, приглядываясь к Вселенной (или к себе самому), различает, как правило, одни лишь банальности, отчего столкновение с глубокими свойствами мира опять же, как правило, повергает нас в шок. Первые же лабораторные анализы существа оглушили нас известием, что наш якобы жучок исправно осуществляет фотосинтез, то есть является эдаким самодвижущимся, целеустремленно гребущим лапками травяным листиком!

Вдобавок он существовал в единственном числе. Не как одиночная особь, понятно,— в лужах удалось найти и поймать еще несколько «жуколистиков», но более в талых водах не было ничего — даже вирусов и бактерий. Своей персоной наше чудо-юдо представляло всю биосферу, да оно и было ею! Буквально, так как в организме «жуколиста» отыскались свои, домашние микроорганизмы...

Существо — биосфера, вы представляете! Одно-единственное на планете! Своеобразный «ноев ковчег», крохотный и недолговечный, тем не менее уцелевший и странствующий добрый миллиард лет! К черту летели какие-то биологические закономерности, а то и законы, ну и ладушки! Что нам законы, без них чудесней...

Чудо пьянит, уж поверьте. Лишь Василенко тяжело переживал это попрание основ, ведь он единственный среди нас был медико-биологом, и надлежащие научные представления прочно въелись в его душу. Мы же экзаменов по биологии не держали, тяжким трудом эти знания не оплачивали и, натурально, чувствовали себя, как дорвавшиеся до праздничной свободы мальчишки, ведь в глубине души — чего скрывать! — не очень-то мы любим законы природы, поскольку видим в них ограничение собственной воли. Опять же не нас тяготила ответственность; не нам, профанам, предстояло расхлебывать эту кашу, не нам!

Зато и не наши имена будут высечены на скрижалях науки, ибо, согласно правилам и традициям, наш друг мог назвать чудо-юдо своим именем, так, чтобы отныне в веках торжественной латынью звучало какое-нибудь там «насекомрастение Василенко». Тут призадумаешься. Как же так? Сидит напротив твой старый приятель, теребит пышный ус, и знаешь ты его как облупленного. Ну, славный малый, но звезд с неба никогда не хватал, пороха не выдумает, и даже у той лужи задержался скорей я, чем он... А теперь! Теперь за ним эпохальное открытие, он светило науки, и все благодаря случаю, чуду, можно сказать... Да-а! Оно, конечно, «случай находит подготовленного», но так же, как Василенко, и даже лучше, подготовлены тысячи людей. Это что же, лотерея, выходит?

Впрочем, кто сказал, что объективно, вне человека существует какой-то «закон справедливости»? Нет такого закона в природе, только мы поставили перед собой эту цель; оттого, быть может, так тяжела к ней дорога.

Извините, я снова отвлекся...

Согласно методике, после кропотливого описания и исследования надлежало сравнить морфологические и прочие признаки чуда-юда со свойствами всех известных земных и неземных существ. Это важнейшее правило системного анализа и вообще научного подхода к явлениям жизни, ведь без такой операции даже самоочевидный как будто факт (солнце всходит и заходит, к примеру) еще не факт, а воздушный шарик, ибо прав, трижды прав безымянный остроумец двадцатого века, который провозгласил: «Дайте мне два факта, и я проведу через них сколько угодно прямых!»

Стоит, однако, заметить, что в том добром старом двадцатом веке упомянутая операция системного сопоставления могла, чего доброго, отнять у человека полжизни. Теперь же Василенко всего-навсего требовалось ввести признаки уникума в бортовой компьютер, где наряду с прочим хранились данные не только о всех букашках и травках, слонах и тахоргах, но даже о несуществующих гномах. А далее сравнение шло автоматом: сиди и попивай кофеек!

Эх, что бы сказал Линней. И даже Николай Вавилов.

Василенко так не терпелось завершить дело, что он даже не вышел к обеду, хотя дежурным поваром в тот день был сам капитан и, следовательно, на второе ожидались его фирменные шкваронки.

Теперь вообразите. После трудов праведных и благозавершенных, чудес восхитительных и волнующих вы мирно вкушаете отличнейший суп, капитан уже вносит на огромном блюде ароматные шкварончи, и в эту чревоугодную минуту вдруг распахивается дверь, к вам — усы дыбом! — врывается Василенко и ошалело выпаливает:

— Щитень!!!

Нервы у нас тренированные, но привскочили все, а один бедняга даже чуть супом не поперхнулся.

Первым, как и положено, пришел в себя капитан.

— Милай,— окоротил он его,— люди обедают, а ты их наукой обкладываешь... Сам ты после этого щитень, вот что!

Внушение, однако, произвело не совсем то действие, на которое рассчитывал капитан. Василенко вздрогнул, обмяк, но свой бред не оставил.

— Братцы,— жалобно проскулил он,— вы меня, конечно, простите, но это же щитень, обычный, только, понятно, метаморфизированный щитень!.. Щитень, и ничего более!!!

Тут мы испугались не на шутку. Потребовалось минут пять, чтобы убедиться в здравии нашего друга, понять, что же такое щитень, с чем его едят и почему он слегка попятил Василенко в рассудке.

Видите ли, до этой самой минуты о щитне знала в лучшем случае сотня-другая специалистов, что, конечно, несправедливо, так как щитень в некотором роде антипод человека и уже по этой причине достоин всяческого внимания. Василенко прежде о нем тоже не слыхивал. Он приступил к работе в полной убежденности, что никаких, даже отдаленных аналогов нашему чуду-юду не сыщется. Еще бы! Уже миллиард лет в одиночку живущее на ледяной и мертвой планете насекоморастение — какие, спрашивается, тут возможны аналоги?! Тем большим стало потрясение Василенко, когда по важнейшему экологическому параметру компьютер подобрал нашему чуду даже не аналог, а, считай, двойника! И — земного.

Щитень был, есть и остается нашим эволюционным антагонистом, если угодно, оппонентом в том споре, который природа ведет сама с собой уже миллиарды лет. Начав как животное, человек всю Землю перелопатил и звезд достиг! Скромный рачок щитень, напротив, раз и навсегда идеально приспособился к крайне узкой и весьма своеобразной экологической нише: живет исключительно в лужах, причем только весенних! В них протекает вся его скоротечная жизнь, других пространств и времен нет для щитня, и самое благодатное лето для него столь же мертвенно, как стужа полярной зимы. Он подлинный дух изгнания, его экологическая ниша столь сурова и необыкновенна, что более никто туда не пытался проникнуть, хотя время для этого было — щитень появился задолго до того, как возникли нынешние материки — Евразия, Америка, Африка..

Да, он древнее исчезнувших динозавров. Сегодня где-нибудь под Квебеком, Москвой, Улан-Батором он таков же в весенних лужах, каким был под другим звездным небом, задолго до первого крика млекопитающего и красок первого в мире цветка. Что ему жалкие тысячелетия нашей истории! Динозавры, потопы, оледенения, изничтожение древних горных хребтов и возвышение новых, громоносные старты наших ракет и радиоактивный пепел Бикини — все было для него сон и миг. Он пережил все, и пока существуют весенние лужи, так будет и впредь. По крайней

мере здесь, на этой планете, его двойник доказал это наглядно... Животное или растение, то и другое вместе, ах, в этом ли дело? Как хрупок мир человека и как незыблем мир щитня!

Грустным было наше прощание с планетой. Клонясь к закату, мутнело дальнее солнце, лужи уже всюду подернулись корочкой льда, и неуютно, холодно было у нас на душе. Да, и тут жизнь, всюду жизнь, но какая, к чему, что доказующая?!

Торжество жизни, само собой. Но только ли это? Некогда человек беспокоился лишь о себе и своих близких. С появлением народов в круг его забот и волнений вошли тысячи и миллионы людей, а позже, на краю атомной погибели,— все человечество. Тем и выжили: нет блага для человека, если народ в беде, и нет безопасности для народа, если человечество под угрозой.

Но недаром еще Аристотель говорил, что мышление есть страдание: оно не останавливается на полпути. Достигнув звезд, мы сыскали там жизнь, но не разум. Не означает ли это, что цивилизации скоротечны, что природа, порождая разум, программирует его самоистребление и нас ждет общая участь?

Конечно, еще в конце двадцатого века нашелся другой, вполне оптимистичный ответ. Если Вселенная пуста и нема, то это значит, что мы самые первые, пока единственные, может быть, уникальные... Прекрасно и даже логично, только все существует во множестве — галактики, звезды, планеты, минералы, растения и животные. Обнаружил один образец, значит, обязательно будет второй, третий, десятый...

Лишь человечество выпадало из этого правила.

И вот теперь отыскался аналог-антагонист — космический щитень! Тоже единственный в своем мире и потому тоже выпадающий из общего правила.

Тягостным было наше возвращение на Землю, хотя внешне все выглядело триумфом. Как же, еще одно открытие, еще одна победа науки...

Но какая! Искали братьев по разуму, а нашли собрата по одиночеству.

Все-таки в прошлых веках жилось полегче, не надо было беспокоиться о человечестве, тем более — о Вселенной. Однако вывод «чем далее, тем грустнее» неверен. Во-первых, тот, кто впервые сказал, что во многознании много печали, а мышление есть страдание, умолчал, что оно же еще и удовольствие. Иначе кто и каким кнутом того же Аристотеля заставил бы мыслить! А во-вторых, мы слишком привыкли к компьютерной, все от того же Аристотеля идущей логике с ее неизменным «да — нет», «ноль-единица», «или — или, а третьего не дано».

Еще как дано! И как странно, нелепо, дико порой дано!

Вот я и подошел к тому, что не попало в анналы.

Вскоре после возвращения на Землю, неизбежных докладов, встреч и прочего шума мы трое — капитан, Василенко и я — вырвались порыбачить, о чем давно мечтали в полете. Наконец сбылось — берег скромного озера, березы да ели вокруг, плотоядное чмоканье леща в камышах, молодой месяц в вечернем небе, ясные огни звезд, проворных спутников и немигающих геостационаров — все было для нас с Василенко родным и милым. Спали мы, натурально, в палатке, и — я позже запрашивал обсерватории — в данную ночь, на данном озере (как, впрочем, и на всей планете) не происходило ничего особенного, в географическом отношении исключительно. Все было, как всегда, в добропорядочном мире и положено, все, кроме единственного. Утром обнаружилось, что у каждого из нас часы отстали на тринадцать минут.

Сначала, услышав по радио сигнал времени и обнаружив упомянутый факт, мы легкомысленно пожали плечами. Отстали часы, пусть даже высокосовершенные, ну и что? С барахлящей техникой, которая считалась надежной, мы, что ли, не сталкивались, совпадений не видывали?

Увы, долго пробыть в беспечном настроении нам не позволила та самая наука, которую считают гонительницей чудес. Вероятность одинакового, ни с того ни с сего, отставания стольких часов сразу было нетрудно прикинуть, и едва мы это сделали, как нам стало нехорошо. Реализовалось-то нечто близкое к пресловутому самозакипанию воды в графине! То, что среднестатистически могло сбыться в объеме Вселенной хорошо, если раз в миллиард лет!

А тут взяло, да и стряслось с нами. Это в какую же серию необычностей мы угодили?!

Вид у нас был тогда ошарашенный и, надо думать, преглупый. Разумеется, кому не лестно стать избранником необычайного и свидетелем доподлинного, настоящего, несомненного чуда? С другой стороны, не слишком ли много необыкновенного? И, главное, где это слыхано, чтобы чудо представало в столь скучном виде? Скучном, невыразительном и потому предельно нелепом. «Слышали? Чудо с ними, понимаете ли, случилось, часики у них поотстали... И, заметьте, ровно на тринадцать минут, природа чертову дюжину соблюла и уважила! Ну, юмористы, ну, шутники...»

А если бы нам и поверили, то какая, между прочим, всему цена? Выпало редчайшее совпадение, подтвердилась теория вероятностей, так в ее справедливости и раньше как-то не сомневались...

Не объяснять же всем встречным и поперечным, что психологически мы за короткий срок повторно столкнулись с чудом, и это второе выглядело карикатурой на первое!

Мы чувствовали себя так, будто неведомое то ли хихикнуло, то ли плюнуло нам в лицо. Молча смотали удочки и поспешно, не встречаясь взглядами, покинули озеро.

Вот, собственно, и вся история... Нелепая, как само чудо, конца не имевшая. Я вижу на ваших лицах разочарование и вполне вас понимаю, ибо сам не люблю рассказов, где все вяло обрывается на полуслове, хотя, должен заметить, именно так чаще всего завершаются житейские истории, а эффективные, в духе О'Генри, концовки, наоборот, редки в жизни, ибо она — протяженность, а не завершенность.

Правда, чем больше я к старости задумываюсь над тогдашним... Видите ли, мы уже который век прилежно изучаем физические, химические и тому подобные свойства мира. А как насчет свойств поведенческих? Да, именно поведенческих! Мироздание, конечно, не существо, оно нечто гораздо большее, чем существо, и в активности с ним ничто не сравнится. Хотя последнее время мы тоже развили кое-какую активность... И что же тогда получается по закону обратной связи? Действуя все шире, напористей, проникая все глубже, мы будим в мироздании гулкое многоголосое, все умножающееся эхо, вызываем ответ, подчас столь энергичный, что все начинает колебаться между расцветом и гибелью, как ясно показал экологический кризис, и не он один.

Так обстоят дела. А знаем ли мы, с чем, собственно, имеем дело, чью лапу мы теребим еще так по-щенячьи? Ведет ли себя мироздание как машина или вселенский канцелярист, для которого все — лишь регламент, мерное кругодвижение и всеобщая неуклонность? Или, наоборот, перед нами генератор случайных комбинаций, и мы взаимодействуем со слепым игроком в кости? С эклектиком, который сочетает в себе черты канцеляриста и анархиста?

Но в абсолютной канцелярии сдох бы самый выносливый щитень. И в хаосе случайностей он тоже не выжил бы. Не возник бы даже! Как и все остальное, он мог возникнуть лишь в творящем мире. В творящем, а значит, творческом!

Как странно: говоря о природе, мы прилагаем к ней такие понятия, как «движение» и «развитие». И лишь обращаясь к себе, мы добавляем слово «творчество». А ведь мы лишь ее подражатели и пока еще неумелые последователи! Мы сами существуем лишь потому, что кроме случайностей и закономерностей, синтеза и распадов, всяких геометрий и физик мирозданию присуще творческое поведение. Да, да, созидание нового, небывалого, столь же краеугольного в природе, как температура и время, тяготение и пространство, энергия и размерность. Иначе как бы из простенькой первоплазмы Большого Взрыва возникло все необозримое великолепие мира — звезды и алмазы, ветры и океаны, березы и ландыши, люди и щитни?

Мы не видим вокруг себя чудес, потому что мир полнится ими.

Кстати! Где машиноподобие и канцеляризм, там мерность и скука, а где творчество, там, кроме серьеза,— озорство и игра. От творящего мироздания можно и щелчок по носу получить, как мы его получили.

Важно не это. Будучи учениками и продолжателями творческих сил природы, мы оказываемся на острие копья, которое пронизывает все миллиардолетия Вселенной! И по этой причине будущее, я так полагаю, принадлежит все-таки нам, а не щитню.

Хотя, с другой стороны, именно творящий мир многовариантен, и в нем легко сделать ошибочный шаг. ●

Дмитрий Александрович Биленкин

Все бывало. Он и смеялся, и сердился, и мучился от несправедливости. А в памяти останется его спокойствие, умение владеть собой и талант объективности. Он сидит, поглаживая бороду, среди кипения страстей и споров, а потом, улучив паузу, негромко заговорит. И вдруг понимаешь, что страсти были преувеличенными и споры — разрешимыми.

Как у всякого недюжинного человека, у него были и друзья и враги. Но никто не мог позволить себе неуважения к Дмитрию Биленкину.

Он изменялся, рос, но не изменял себе и людям. Даже своей профессии, избранной еще в школе, он до конца жизни не изменил. Это может показаться парадоксом, потому что формально Биленкин стал профессионалом трижды. Он был по образованию геологом, затем долго работал журналистом, в последние двадцать лет стал известным писателем. И в то же время это была одна профессия, лишь понимаемая широко. Биленкин стал геологом, потому что хотел понять Землю и, изучая, помогать ей. Он ушел в журналистику, работал в «Комсомольской правде», в «Вокруг света», потому что, оставаясь исследователем и путешественником, хотел донести до других свое понимание нашего мира.

Он стал писать фантастические рассказы, потому что это был еще один, и самый действенный для него, способ говорить о той же Земле, о ее сути и ее судьбе.

Он всегда современен в своих книгах; где бы ни происходило там действие — в дальних галактиках или в далеких временах, он говорил о нашем дне и нашей планете.

Став ученым, потом журналистом, потом писателем, Биленкин остался русским просветителем, обращавшимся не только к разуму, но и к совести читателя.

Мало знавшим его он казался замкнутым и молчаливым. На самом деле он был в постоянном общении с людьми — будь то друзья по путешествиям, молодые писатели, которых он опекал, или миллионы читателей во многих странах мира, где изданы его книги, и символично, что последняя повесть, увидевшая свет незадолго до его смерти, называется «Сила сильных».

Кир Булычев

1917 — 1987

Идеалы Октября зовут к труду во имя благополучия советского народа, во имя процветания Родины, во имя социализма и мира...

Из Обращения ЦК КПСС к советскому народу

1

2

3

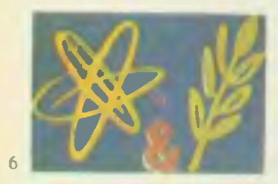
4

5

7

6

Комсомолец-бетонщик на Днепрострое. 1931 год. 1.
Л. Бельский, В. Потапов. «Учимся коммунизму, строим коммунизм». 1978 год. 2.
Белковая структура на экране дисплея в процессе исследования. Биофак МГУ. Фото В. Бреля. 3.
Онкологический центр. Москва. 4.
Лазер для исследования белковых структур. Биофак МГУ. Фото В. Бреля. 5.
Б. Ионов (НРБ. София), плакат. 6.
Визуальные наблюдения Земли с борта станции «Салют-6» проводит А. Иванченков. 7.
Москва. Физический институт имени П. Н. Лебедева АН СССР. Исследование нелинейной оптики жидких кристаллов. 1984 год. Фото Г. Копосова. 8.
Субстратостат «СССР ВР-624» в полете. 9.

8

9

ЗНАНИЕ — СИЛА 11/87

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Орган ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание»

№11 (725)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Н. С. Филиппова

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
Ю. Г. Вебер
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
Г. А. Зеленко (зам. главного редактора)
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
И. Л. Кнунянц
И. Н. Кропоткин
К. Е. Левитин (зав. отделом)
А. А. Леонович (зав. отделом)
Н. Н. Моисеев
Р. Г. Подольный (зав. отделом)
В. П. Смилга
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская (ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
Н. Я. Эйдельман
В. Л. Янин

Редакция:
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
С. Жемайтис
В. Левин
К. Левитин
Ю. Лексин
А. Леонович
Р. Подольный
И. Прусс
И. Солодовщикова
Н. Федотова
С. Чуров
Г. Шевелева

Заведующая редакцией
А. Гришаева

Главный художник
Г. Агаянц

Художественный редактор
А. Эстрин

Оформление
А. Бачурина

Корректор
Н. Малисова

Техническое редактирование
О. Савенковой

23-1-14

1917 — 1987

В НОМЕРЕ

Производство:
Начальник цеха глубокой печати П. Хрыкин
Старший мастер формного отделения И. Ветров
Мастер монтажа Э. Гусева

Монтаж:
Осипова
Г. Шереметьева

Травление:
Бригадир В. Крюков
В. Савочкин
Н. Андреев
В. Соболев
В. Гердт
В. Ильин

Печать:
Бригадир П. Чудинов
С. Наумов
В. Маланьин
В. Петров

Сдано в набор 19.08.87.
Подписано к печати 22.09.87.
Т 07237
Формат 70×108 1/16
Глубокая и офсетная печать.
Гарнитура литературная.
Объем 6 печ. л.; 8,4 усл.-печ. л.
13,44 уч.-изд. л.
27,6 усл. кр.-оттиска
Тираж 400 000 экз.
Заказ № 2444

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19, строение 6
Тел. 235-89-35
Издательство «Знание»
101835, Москва, проезд Серова, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

Цена 50 коп.
Индекс 70332

«Знание — сила», 1987, № 11, 1—96.

ISSN 0130-1640

ЗНАНИЕ-СИЛА 11/87

ВЕРЮ, СОТУЮ
ВСТРЕТИМ ГОДОВЩИНУ

КОСТР РОСТА.